

ЧЕТЫРЕ ТЕОРИИ ПРЕССЫ

ФРЕД С. СИБЕРТ • УИЛБУР ШРАММ
ТЕОДОР ПИТЕРСОН

7. Four Theories of the Press

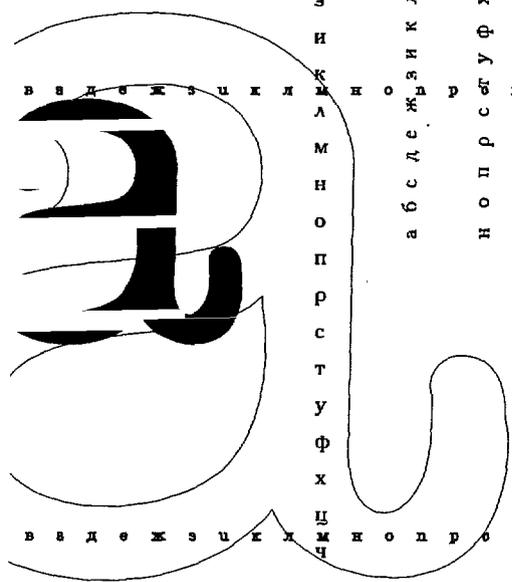
а
б
в
г
д
е
ж
з
и
к
л
м
н
о

а
б
в
г
д
е
ж
з
и
к
л
м
н
о
п
р
с
т
у
ф
х
ц
ч
ш
щ
ъ
ь
э
ю
я

а
б
в
г
д
е
ж
з
и
к
л
м
н
о
п
р
с
т
у
ф
х
ц
ч
ш
щ
ъ
ь
э
ю
я

а
б
в
г
д
е
ж
з
и
к
л
м
н
о
п
р
с
т
у
ф
х
ц
ч
ш
щ
ъ
ь
э
ю
я

а
б
в
г
д
е
ж
з
и
к
л
м
н
о
п
р
с
т
у
ф
х
ц
ч
ш
щ
ъ
ь
э
ю
я

Национальный
Институт Прессы
National
Press Institute
RAPIC

FOUR THEORIES OF THE PRESS

FRED S. SIEBERT • WILBUR SCHRAMM
THEODORE PETERSON

ЧЕТЫРЕ ТЕОРИИ ПРЕССЫ

ФРЕД С. СИБЕРТ • УИЛБУР ШРАММ
ТЕОДОР ПИТЕРСОН

Представления о том, какой должна быть
пресса
и чем ей следует заниматься,
в авторитарной
и либертарианской теориях
и в концепциях социальной ответственности
и советского коммунизма

МОСКВА 1998
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ ПРЕССЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВО "ВАГРИУС"[®]

УДК 820(73)-8
ББК 84.7 США
Ч 54

Издание этой книги на русском языке было бы невозможно без поддержки информационного агентства США (ЮСИА) и Института «Открытое общество»

*Охраняется законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
запрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона будут
преследоваться в судебном порядке.*

ISBN 5-7027-0550-5

Copyright © 1956 by the Board of Trustees of the University of Illinois Press
Copyright © renewed 1984 by M. Derieg, A. Siebert, T. Peterson, W. Schramm
Reprinted by arrangement with the University of Illinois Press.
© Издательство «ВАГРИУС», 1998
© М. Полевая, перевод с английского, 1997
© И. Лукьянов, дизайн серии, 1998

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие редактора	7
Введение	15
Глава 1. Авторитарная теория прессы	25
Глава 2. Либертарианская теория прессы	66
Глава 3. Теория социальной ответственности прессы	112
Глава 4. Советская коммунистическая теория прессы	156
Библиография	215

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА

С момента выхода в свет книги «Четыре теории прессы» прошло сорок лет, но проблемы социальной ответственности средств массовой информации остаются в центре внимания журналистов, политиков, владельцев и издателей и широкой общественности. Особенно остро они обсуждаются в обновленной России — свобода печати, завоеванная в процессе демократизации и перехода к рыночной экономике, столкнулась с экономическими трудностями и сложностями отношения с государственными структурами. В переходе к свободе прессы наиболее наглядно выявились два подхода: журналистика — «четвертая власть» и журналистика — инструмент власти. Оба восходят в своей основе к тем четырем теориям печати, о которых ведут речь авторы книги, не утратившей своей злободневности.

Стимулом к изданию послужили выводы Комиссии по свободе печати, созданной в 1942 году по предложению Генри Люса — владельца журнала «Тайм» и ряда других изданий, составлявших крупнейший американский журнальный концерн. Он же выделил 200 тысяч долларов на финансирование Комиссии. Комиссия во главе с президентом Чикагского университета Р. М. Хатчинсом должна была дать ответ на вопрос: «Находится ли в опасности свобода печати?» Комиссия Р. М. Хатчинса дала утвердительный ответ, представив

факты нарушения свободы печати в Америке. Доклад Комиссии был опубликован в 1947 году под названием «Свободная и ответственная печать. Общий доклад о массовой коммуникации: газеты, радио, кино, журналы и книги». У. Э. Хокинг сформулировал основные положения теории социальной ответственности на основе кодексов журналистов, а также практики прессы, выдвигая на первый план профессиональную этику.

Авторы книги — известные американские теоретики и историки печати — Фред Сиберт, Теодор Петерсон были профессорами Иллинойского университета, а руководитель проекта Уилбур Шрам — Стэнфордского университета. В каждой из четырех теорий проблема ответственности прессы находила решение, соответствовавшее, как отмечают авторы книги, тем социальным и политическим структурам, в рамках которых функционировала пресса. Авторитарная концепция устанавливала ответственность перед королем, императором, фюрером, перед государством, ими олицетворяемым. Теория свободы печати, основанной на свободе воли, или, как ее называют авторы, либертарианская теория, отвергает эту зависимость, ниспровергает концепцию печати как инструмента государства и утверждает свободу от правительственного контроля, более того, предполагает право прессы контролировать правительство, выступая в роли «четвертой власти», независимой от трех ветвей государственной структуры.

Теория социальной ответственности печати развивает либертарианскую линию применительно к новым условиям концентрации и монополизации прессы, выдвигая идеи определенной автономии средств массовой информации от владельцев, позволяющей учитывать интересы общества. Трудности, связанные с осуществлением этой теории, очевидны — она базируется на добровольном согласии владельцев и издателей на уступки журналистам и обществу, на ограничение своих прав. Именно поэтому эта теория так и не стала доминирующей, хотя и сыграла выдающуюся роль в развитии средств массовой информации, выдвинув новый

идеал соединения свободы и ответственности. Кстати, российский закон о средствах массовой информации делает в этом отношении важный шаг, предоставляя журналисту право отказаться от выполнения задания, если оно противоречит его убеждениям, и снять подпись под материалом, в который были внесены изменения без ведома журналиста.

Наконец, советская коммунистическая теория развивает авторитарный подход к журналистике как орудие и инструменту в руках коммунистической партии.

За сорок лет, прошедших после издания книги, изменилась структура средств массовой информации, где доминирует телевидение. Интернет открыл новые горизонты доступа к информации. Радикально изменилась политическая структура мира, распался Советский Союз и ушла в прошлое советская концепция прессы, хотя позиции коммунистической теории журналистики по-прежнему господствуют в Китае и на Кубе. Впрочем, авторы стремились не акцентировать детали, а сосредоточивались на принципах, теоретических аспектах, на философии взаимодействия прессы, власти и граждан. Эти проблемы ответственности печати перед обществом и гражданами остаются острыми и не решены — они находятся в постоянной динамике. Сама же концепция социальной ответственности прессы, выдвинутая пятьдесят лет тому назад Комиссией Хатчинса, не утратила своей злободневности и для России, и для Соединенных Штатов Америки при всей кажущейся ее утопичности.

Сегодня в России принято много говорить о безответственности свободных средств массовой информации. Выдвигается по крайней мере пять подходов к критике прессы и к постановке проблемы ответственности:

- ответственность перед обществом, перед гражданами;
- ответственность перед государством, которая предполагает разную степень контроля со стороны государства;
- ответственность перед издателем, перед владельцем, а

это право владельца руководить средствами массовой информации в своих экономических, политических или иных интересах;

— ответственность перед профессией, перед коллегами открывает путь к саморегулированию средств массовой информации журналистами;

— ответственность перед аудиторией — читателями, зрителями, слушателями.

Таким образом, призывы к ответственности исходят из разных предпосылок: с одной стороны, стремление государственных чиновников снова оседлать прессу в духе авторитарной и советской коммунистической концепции и определенной части владельцев использовать свое право предпринимателей распоряжаться собственностью, а с другой стороны, интересы общества, профессиональный долг, ответственность перед аудиторией, читателями, слушателями, зрителями. Все эти противоречивые тенденции проявляются сегодня в России. Сказывается относительная молодость свободы печати в нашей стране, но тем не менее политическая свобода средств массовой информации дала свои плоды. Понимание социальной ответственности владельцами средств массовой информации — процесс более сложный и длительный, но соревнование за внимание и уважение со стороны аудитории и активность профессионалов журналистов могут привести к торжеству концепции «четвертой власти». Авторитарная концепция печати в различных вариантах выявила свою бесперспективность, тем более важно увидеть опасность ее возрождения.

Я. Н. Засурский.

ЧЕТЫРЕ
ТЕОРИИ
ПРЕССЫ

Очерки подготовлены в рамках исследования социальной ответственности представителей средств массовой информации, проводимого У. Шраммом по заказу отдела церковной и экономической жизни Национального Совета Церквей. Авторы выражают благодарность Совету за отдельную публикацию этих материалов.

Previous Page Blank

ВВЕДЕНИЕ

Говоря в этой книге о прессе, мы подразумеваем все средства массовой информации, хотя о печатных средствах мы будем говорить чаще, чем о вещании или кино, поскольку печатные средства существуют дольше и вызвали к жизни больше соображений теоретического и философского характера в области массовой коммуникации.

Если сформулировать просто, то в этой книге рассматривается, почему пресса такова, какая она есть, и почему она служит разным целям, и почему в разных странах она появляется в самых различных формах. Почему, например, пресса в Советском Союзе так не похожа на нашу, а пресса Аргентины так отличается от британской прессы.

Отчасти эти различия, конечно же, отражают способность страны платить за свою прессу, уровень технических достижений и ресурсов, которые могут быть выделены на цели массовой коммуникации, и относительную степень урбанизации, которая делает распространение средств массовой информации одновременно более легким и более необходимым. В какой-то степени различия в прессе разных стран просто являются отражением того, чем люди занимаются в различных местах и о чем, исходя из их собственного опыта, они хотят читать.

Previous Page Blank

Для этих различий, однако, есть и более важная, фундаментальная причина. Эта книга выдвигает тезис о том, что пресса всегда принимает форму и окраску тех социальных и политических структур, в рамках которых она функционирует. В частности, пресса отражает систему социального контроля, посредством которой регулируются отношения между отдельными людьми и общественными установлениями. По нашему мнению, понимание этих аспектов общества является основой для любого системного понимания проблемы прессы.

Чтобы осознать различия между системами прессы в полном объеме, необходимо, следовательно, рассмотреть социальные системы, в которых пресса функционирует. Подлинное отношение социальных систем к прессе можно понять, если взглянуть на базисные представления и воззрения, которые это общество разделяет относительно природы человека, природы общества и государства, отношения человека к государству и природы знания и истины. В конечном итоге различие между системами прессы есть различие в философии, и эта книга посвящена философским и политическим обоснованиям или теориям, лежащим в основе различных видов прессы и ныне существующим в мире.

Со времен Ренессанса, когда впервые появилась массовая коммуникация, существуют только две или четыре основные теории прессы — то есть две или четыре в зависимости от того, как их считать. Мы написали четыре очерка об этих теориях, но пытались разъяснить, что последние две «теории» не более чем развитие или модификация первых двух. *Советская коммунистическая* теория является продолжением гораздо более старой *авторитарной* теории, а то, что мы называем теорией *социальной ответственности*, есть просто модификация *либертарианской* теории. В то же время, поскольку Советы создали нечто столь поразительно отличное от прежде известного авторитаризма и нечто столь важное для сегодняшнего мира, а путь, продикто-

ванный теорией социальной ответственности, является очевидным направлением, по которому идет наша собственная пресса, мы предпочли рассматривать их как четыре отдельные теории, одновременно указывая на взаимосвязи между ними.

Из всех перечисленных теорий авторитарная является старейшей. Она зародилась в авторитарном климате позднего Ренессанса вскоре после изобретения печатания. В том обществе считалось, что истина исходит не от большой массы людей, а от небольшого числа мудрецов, способных вести и направлять других. Таким образом, истина исходит откуда-то из сфер, близких к центру власти. Пресса, следовательно, функционировала *сверху вниз*. Тогдашние властители использовали прессу, чтобы информировать людей о том, что они считали нужным им сообщить, и о том, какую политику, по мнению властителей, им следовало поддерживать. Тюдоры и Стюарты полагали, что пресса принадлежит королевской власти и потому обязана поддерживать королевскую политику. В частную собственность пресса могла попасть только по особому разрешению, которое отменялось всякий раз, когда можно было счесть, что обязательство поддерживать политику королевской власти нарушено. Издательская деятельность, таким образом, представляла собой некое соглашение между источником власти и издателем, по которому источник власти жаловал издателю монопольное право, а издатель обеспечивал власти поддержку. При этом источник власти оставлял за собой право определять и менять политику, право выдавать лицензию, а иногда и право на цензуру. Совершенно ясно, что такая концепция прессы устраняла ту функцию, которая в наше время стала одной из самых обычных, — функцию следить за правительством.

Эта теория, рассматривавшая прессу как служанку государства, несущую ответственность за многое из того, о чем она пишет, перед людьми, находящимися у власти, была общепринята в шестнадцатом веке и большей части последующего столетия. Такая концепция

определила первоначальную модель для большинства национальных систем прессы в мире и жива по сей день. И в самом деле, как будет показано в следующих главах, в определенной степени авторитарная практика еще существует во всех частях света, хотя на словах, если не на деле, большинство некоммунистических стран признали другую теорию. Тем не менее развитие политической демократии и религиозной свободы, расширение свободной торговли и возможности путешествовать, переход к экономике свободной конкуренции и общий философский климат эпохи Просвещения подорвали основы авторитаризма и потребовали иной концепции прессы. Новая теория, зародившаяся в конце семнадцатого века, оформившаяся в восемнадцатом веке и расцветшая в девятнадцатом, и есть теория, которую мы называем либертарианской.

Либертарианская теория меняет относительное положение человека и государства на противоположное тому, которое они занимают в рамках авторитарной концепции. Здесь человек трактуется не как зависимое существо, которое надо вести и направлять, но как разумное существо, способное отличать правду от лжи и лучшую альтернативу от худшей в тех случаях, когда ему приходится иметь дело с противоречивыми фактами и делать выбор из нескольких возможностей. Истина перестает восприниматься как принадлежность власти, и право поиска истины рассматривается как естественное и неотъемлемое право человека. И каково же здесь место прессы? Пресса в данной теории рассматривается как *партнер по поиску истины*.

В соответствии с либертарианской теорией пресса является не инструментом правительства, но средством представления фактов и аргументов, на основании которых народ может следить за правительством и определять собственное мнение по поводу политики. Следовательно, прессе насущно необходима свобода от правительственного контроля и влияния. Чтобы правда могла пробить себе дорогу, должны быть равно услышаны все идеи, должен существовать «свободный ры-

нок» идей и информации. Любое меньшинство и любое большинство, и слабые и сильные должны иметь доступ к прессе. Это та теория прессы, которая была записана в нашем Билле о правах.

Соединенные Штаты и Великобритания обеспечивали существование такой прессы, почти полностью свободной от влияния правительства и побуждаемой служить как «четвертая власть» в процессе управления, на протяжении двух последних столетий. Как мы уже указывали, большинство некоммунистических стран, хотя бы и на словах, но признали либертарианскую теорию прессы. Однако наш собственный век принес свежие веяния. Появились новые формы авторитаризма в коммунистических странах и тенденции к новой форме либертарианства в некоммунистических странах. Именно эту новую форму либертарианства мы и назвали, в отсутствие лучшего термина, *теорией социальной ответственности*.

Новая форма либертарианства привлекла к себе большое внимание в связи с докладами Комиссии Хатчинса*, но сами редакторы и издатели осознали эту теорию задолго до того. Они понимали, что в условиях двадцатого века от средств массовой информации требуется другой вид социальной ответственности. Это понимание появилось как раз в то время, когда люди начали осмысливать и оценивать «информационную революцию», которую они тогда переживали.

Уже тридцать лет тому назад стало очевидно, что начинать новое издательское дело, издавать газету или обеспечивать работу радиостанции было совсем не так легко, как прежде. По мере того как такие предприятия становились крупнее, владение и управление ими стали требовать колоссальных денег. Наличие множества мелких средств информации, представляющих различные политические взгляды, из которых читатель мог бы выбирать, перестало быть типичным. В данный мо-

*Комиссия Хатчинса — комиссия, существовавшая в 1940-е годы и возглавляемая Робертом Хатчинсом, разрабатывала принципы социальной ответственности прессы в условиях свободы печати. (*Примеч. пер.*)

мент* менее чем в семи процентах американских городов, где есть ежедневные газеты, можно найти конкурирующие газеты, принадлежащие разным владельцам. Три телевизионные сети, четыре радиосети и три телеграфных агентства формируют значительную часть информации, получаемой американцами дома. Другими словами, как и в старые времена авторитаризма, пресса попадает в руки маленькой кучки могущественных людей. Правда, по большей части эти новые властелины прессы не являются политическими правителями. В реальности они жестко защищают прессу от правительства. Однако сам факт, что контроль над прессой так сужен, дает тем, кто владеет и управляет средствами массовой информации, новую и вызывающую тревогу власть. Теперь прессе не так уж легко быть тем свободным рынком идей, как его определяли Милль и Джефферсон. Как утверждает комиссия по вопросам свободы печати, «защита от вмешательства правительства в наше время не является достаточной гарантией, что человек, у которого есть что сказать, получит такой шанс. Те, кто владеют и управляют прессой, и решают, какие люди, факты или версии таких фактов будут предьявлены публике». Беспокойство, вызываемое такой ситуацией, лежит в основе развития теории социальной ответственности. Оно порождает убеждение, что власть и почти монопольное положение средств информации обязывают их быть социально ответственными, следить за тем, чтобы все стороны были справедливо представлены и чтобы у публики было достаточно информации для собственного мнения. Если средства информации не берут на себя такую ответственность, может появиться необходимость в каком-то общественном органе, который будет обеспечивать социально ответственное поведение средств информации.

Хотелось бы подчеркнуть, что теорию социальной ответственности не следует рассматривать как абстрактное построение, явившееся плодом работы группы уче-

*В 1956 г. (Примеч. ред.)

ных, которые составляли комиссию Хатчинса. Именно так трактовали ее в тех кругах прессы, у которых Комиссия была не в чести. Все основные положения этой теории были выражены еще задолго до создания Комиссии теми редакторами и издателями, кто признавал ответственность прессы, и были заявлены другими редакторами и издателями, обладавшими чувством ответственности, уже после окончания работы Комиссии и независимо от нее. Такое понимание проблемы — это реальная тенденция, а не схоластическое упражнение.

Покуда либертарианский подход решал свои внутренние проблемы и определял свою собственную судьбу, авторитаризм драматично проявился в своей новой фазе и бросил ему вызов. Речь здесь, конечно, идет о *советской коммунистической* теории прессы. Основанная на марксистском детерминизме и вызванная к жизни жесткой политической необходимостью поддерживать господство партии, представляющей менее десяти процентов населения страны, советская пресса — такой же очевидный инструмент власти, каким была пресса в старом варианте авторитаризма. Однако, в отличие от старой модели, пресса находится не в частном, а в государственном владении. Соображения прибыли в данной модели изъяты, а понятие позитивной свободы подменено понятием негативной свободы. Вероятно, никакая пресса в человеческой истории не контролировалась столь жестко, и тем не менее люди, выступающие от имени Советов, считают свою прессу свободной, потому что она свободна говорить «правду», как понимает ее Партия. Американская пресса не является подлинно свободной, говорят они, потому что это бизнес, следовательно, она находится под контролем и потому не свободна высказывать марксистскую «правду». Таким образом, эти две системы почти диаметрально противоположны по своим основаниям, хотя обе они пользуются такими словами, как свобода и ответственность, чтобы охарактеризовать свою деятельность. Наша пресса пытается внести свой вклад в поиски истины, в то время как советская пресса пытается

донести готовую марксистско-ленинско-сталинскую истину. Мы видим читателей нашей прессы как «мыслящих людей», способных отличить правду от лжи. Советские же считают, что их читатели нуждаются во внимательном руководстве со стороны тех, кто за ними присматривает, и с этой целью советское государство создает максимально надежные заслоны против конкурирующей информации. Мы лезем из кожи вон, чтобы обеспечить конкуренцию информации и идей. Они лезут из кожи вон, чтобы по советским каналам информации проходила только одна-единственная одобренная линия. Мы говорим, что их пресса несвободна, а они говорят, что наша пресса лишена чувства ответственности.

Таковы четыре теории, которые в основном определили тот вид прессы, который выработался в западном мире, а именно: авторитарная теория, основанная на многовековом развитии авторитарной политической мысли от Платона до Макиавелли; либертарианская теория, уходящая корнями в учение Мильтона, Локка, Миля и идеи Просвещения; теория социальной ответственности, возникшая из-за революции в области обмена информацией и определенных бихевиористских сомнений по поводу философии эпохи Просвещения; и советская коммунистическая теория, основанная на идеях Маркса, Ленина и Сталина и на диктатуре Коммунистической партии в Советском Союзе. На последующих страницах мы рассмотрим эти теории по отдельности.

Каждая из четырех глав представляет собой индивидуальный труд, стиль и мнение ее автора. Мы не пытались достичь единомыслия по спорным вопросам, хотя мы и обсуждали между собой наши работы и те выводы, к которым мы пришли. Начнем же мы с самой первой по времени теории — авторитарной.

ЧЕТЫРЕ ОБОСНОВАНИЯ ДЛЯ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

	Авторитарная теория	Либертарианская теория	Теория социальной ответственности	Советская тоталитарная теория
Получила развитие	в Англии в XVI и XVII веках была широко распространена и все еще применяется	была принята Англией после 1688 г. и в США; влиятельна повсеместно	в США в XX веке	в Советском Союзе, хотя некоторые элементы практиковались нацистами и итальянцами во многих странах
Основания	философия абсолютной власти монарха, его правительства или обоих	работы Мильтона, Локка, Милля и общая философия рационализма и естественных прав	работы Хокинга, Комиссия по свободе прессы и практикующие журналисты, этические кодексы средств массовой информации	марксистско-ленинско-сталинское учение с примесью Гегеля и русской философии XIX в.
Главная цель	поддерживать и проводить политику действующего правительства и обслуживать государство	информировать, развлекать и продавать, но в основном помогать находить истину и контролировать правительство	информировать, развлекать и продавать, но в основном переводить конфликт на уровень обсуждения	способствовать успеху и поддержанию советской социалистической системы, в частности диктатуры партии
Кто имеет право использовать средства массовой информации?	всякий, кто получает королевский патент или подобное разрешение	всякий, у кого есть средства на это	всякий, у кого есть что сказать	преданные и проверенные члены партии
Как контролируются средства массовой информации?	правительственные патенты, гильдии, лицензирование, иногда цензура	посредством «процесса возвращения к истине» на «свободном рынке идей» и в судах	общественное мнение, действия потребителей, профессиональная этика	надзор и экономические или политические действия правительства
Что запрещено?	критика политической машины и чиновников	клевета, непристойность, неприличное поведение, антиправительственная пропаганда в военное время	серьезное вмешательство в сферу прав личности и жизненно важных общественных интересов	критика задач партии, что не распространяется на практику партии
Вид собственности	частная или общественная	в основном частная	частная, если только правительство не вынуждено взять в свои руки, чтобы обеспечить общественные интересы	общественная
Существенные отличия от других теорий	инструмент проведения политики правительства, хотя и не обязательно в собственности последнего	инструмент контроля за правительством и удовлетворение других нужд общества	средства информации должны стать социально ответственными, в противном случае кто-то должен заставить их быть таковыми	средства информации принадлежат государству, жестко им контролируются и являются его орудием

Авторитарная теория прессы

Исторически и географически наибольшее распространение из всех четырех концепций отношения прессы к обществу и к правительству получила авторитарная теория. Именно она почти что самопроизвольно была принята в большинстве стран, когда общество и уровень техники достаточно продвинулись вперед, чтобы создать то, что мы сегодня называем «массовыми средствами» коммуникации. Теория эта составляет основу систем прессы во многих современных обществах. Даже там, где от нее отказались, она продолжает оказывать влияние на методы многих правительств, теоретически придерживающихся либертарианских принципов.

На протяжении почти что двухсот лет после распространения книгопечатания в западном мире функция массовой прессы и ее отношение к современному обществу определялись исключительно на основе авторитарной теории. Тюдоры в Англии, Бурбоны во Франции, Габсбурги в Испании да и, пожалуй, все правительства Западной Европы опирались на принципы авторитаризма как теоретического обоснования своих систем контроля над прессой, и практика эта вовсе не ограничивалась шестнадцатым и семнадцатым столетиями. В последующие века ареал распространения этой доктрины в мире также был большим. В новые времена она была сознательно или инстинктивно воспринята такими

непохожими национальными образованиями, как Япония, имперская Россия, Германия, Испания, и многими азиатскими и южноамериканскими правительствами. Можно смело утверждать, что авторитарная доктрина определила модель массовой коммуникации для большего числа людей и на протяжении более долгого периода, чем любая другая концепция контроля над прессой.

Очевидно, все человеческие общества обладают внутренне присущей им способностью вырабатывать системы социального контроля, посредством которых можно сбалансировать отношения между личностями и общественными институтами и обеспечить их общие интересы. Как писал У. Дж. Шепард, «существуют два общих типа таких систем — те, которые функционируют спонтанно и автоматически, проистекая непосредственно из общего чувства права, существующего в сообществе, и проводимые в жизнь санкциями социального давления, и те, которые получили определенное институциональное оформление и функционируют на основании юридических мандатов, проводимых в жизнь посредством применения определенных наказаний. Последняя из указанных форм социального контроля есть правительство, трактуемое в самом широком смысле» (21:8). В рамках нашего исследования авторитарная концепция контроля над прессой есть система принципов, развившаяся из второго типа социального контроля, описанного Шепардом. Согласно такой концепции, функция и деятельность прессы как института контролируются организованным обществом посредством другого института — правительства.

ОСНОВНЫЕ ПОСТУЛАТЫ КОНЦЕПЦИИ

Поскольку пресса, наряду с другими формами массовой коммуникации, появилась уже в высокоорганизованном обществе, естественно, что ее отношение к тому обществу определялось постулатами, составлявшими в ту пору основу, на которой строились рычаги со-

циального управления. В то время большинство правительств в Западной Европе правили, опираясь на авторитарные принципы, те же принципы легли и в основу системы контроля над прессой.

Любая теория, рассматривающая отношение средств массовой информации к организованному обществу, составляющей которого она и является, покоится на определенных философских допущениях (или, если хотите, выводах), касающихся человека и государства. Для целей нашего исследования можно выделить следующие области допущений: 1) природа человека, 2) природа общества и государства, 3) отношение человека к государству, 4) область основного вопроса философии, природа знания и истины.

Авторитарная теория функций и целей организованного общества вобрала в себя определенные постулаты, существовавшие в этих областях. Прежде всего, считалось, что человек может реализовать свой потенциал полностью только как член общества. Таким образом, постулировалось, что в личном качестве сфера деятельности человека крайне ограничена, но в качестве члена общества или любого организованного сообщества его способность достигать поставленных целей неизмеримо возрастает. При таком допущении роль группы приобретает гораздо более важное значение, чем роль личности, поскольку личность могла достигнуть своих целей только посредством своего участия в группе.

Такая теория неизбежно приводила к суждению, что государство как выражение групповой организации стояло выше в шкале ценностей, чем личность, поскольку без государства личность была не в состоянии развивать качества цивилизованного человека. Идея зависимости личности от государства в достижении более цивилизованного состояния является общим элементом всех авторитарных систем, — то есть человек достигает своих целей в государстве и посредством государства, вне государства он остается примитивным существом.

Из этого следовало, что государство есть существен-

ное условие для полного развития человека. Такое допущение приводило к определенным фундаментальным выводам относительно природы государства. Вне зависимости от своих отдельных составляющих, государство стало восприниматься как совокупность всех желаемых качеств. Его власть определять цели и методы достижения этих целей проистекала посредством процесса, в целом неподвластного исчерпывающему человеческому анализу. То мог быть результат божьего промысла, выражение высших интеллектуальных или лидерских качеств или же отсутствие уверенности в результативности любого другого процесса управления.

Более глубинные философские вопросы, касающиеся природы знания и истины, получали в рамках авторитарного подхода столь же категоричные ответы. Согласно аргументации приверженцев этой теории, знание открывается посредством умственного усилия. Способности людей прибегать к рассуждению и их готовность делать умственные усилия далеко не одинаковы. Поскольку такие различия существуют, они должны быть отражены в социальной структуре. «Мудрецы», способные к анализу и синтезу, должны стать лидерами организованного общества, а если не лидерами, то, по крайней мере, советниками лидеров. Любое знание, кроме богоданного, достигается посредством человеческого усилия, и для всеобщего блага такое усилие лучше всего совершать в рамках государства. Знание, приобретенное или продвинутое вперед таким образом, становится нормой для всех членов общества и приобретает абсолютную ауру, которая делает перемены нежелательными, а стабильность и преемственность сами по себе превращаются в добродетель. Вдобавок, в интеллектуальной деятельности требовалось достичь единства, поскольку только при этом условии государство могло успешно функционировать на благо всех. Идеалисты из лагеря сторонников такой доктрины постулировали, что подобное единство будет возникать из понимания важности вклада каждого в дело общества как единого целого, а реалисты из того же лагеря при-

знавали, что такое единомыслие в большинстве случаев могло быть достигнуто только благодаря постоянному надзору и контролю.

ПЛАТОН ОБ АВТОРИТАРНОЙ ТЕОРИИ

Давайте теперь обратимся к некоторым выразителям авторитарной теории государства. Платон идеализировал аристократическую форму правления. Он был убежден, что природа человека, включая его материальные интересы и эгоистические страсти, будет заставлять государство деградировать от аристократии к тимократии, затем к олигархии, демократии и, наконец, к тирании. Он полагал, что общество может благополучно существовать только под управлением мудрецов — судей, которые руководствуются нравственными основаниями и используют эту власть нравственности, чтобы держать низшие слои общества в узде. Так же как мудрец воспитывает себя, сдерживая порывы своего сердца и алчность своего желудка усилием разума, так и в обществе судья удерживает другие классы общества от соскальзывания к беспорядку и хаосу. По Платону, как только власть в государстве распределяется между всеми, начинается упадок.

В согласии с этими основными постулатами, Платон видел идеальным такое общество, где государство добивается согласования политических и культурных целей. Эта идея подразумевала тщательный контроль за выражением мнений и убеждений. Платон хотел, чтобы жизнь граждан «координировалась» четким культурным кодексом, запрещающим все виды искусства и даже мнения, которые не согласовывались с его собственной доктриной. В «Республике» он очень вежливо «отослал бы в другой город» всех нарушителей строгих правил, предписанных художникам, философам и поэтам. В «Законах» он не менее вежливо потребовал, чтобы поэты представляли свои произведения судьям, которые решали бы, «способствуют ли эти произведения духовному здоровью граждан» (15:322).

Даже знаменитый учитель Платона Сократ не мог найти удовлетворительного ответа на вопрос, как сочетать противоречивые требования законной власти и индивидуальной свободы. Настаивая на своем индивидуальном праве отклоняться от принятых правил культурной жизни Афин, Сократ признавал философскую необходимость подчинения власти. Он возражал против правил, по которым он был осужден за развращение юношества своего города, потому что он считал их неправильными, но принимал право властей следовать этим правилам, какими бы ошибочными они ни были. Единственным решением этой проблемы для него было принять наказание.

МАКИАВЕЛЛИ И БОЛЕЕ ПОЗДНИЕ АВТОРЫ

Среди последующих социальных и политических философов, разделявших принципы авторитарного государства, были такие известные имена, как Макиавелли, Гоббс, Гегель и Трейчке. В отличие от его греческих и римских предшественников, Макиавелли не занимала проблема предназначения и целей государства. Его волновал вопрос о средствах достижения и удержания политической власти. Придерживаясь глубоко пессимистического взгляда на человеческую природу, Макиавелли полагал, что безопасность государства является главной целью, которой должны быть подчинены любые иные соображения. Эта цель должна достигаться реалистичной, освобожденной от морали политикой правителя или князя. Под таким углом зрения общественная дискуссия неизбежно должна была ограничиваться, когда бы государь ни посчитал, что она может представлять собой угрозу безопасности его владений. Макиавелли не считал особенно важным, является ли государство монархией или республикой, хотя и указывал, что республика, возможно, является лучшим типом государства. Он, однако, был убежден, что, учитывая человеческую природу, роль политического лидера состоит в том, чтобы продвигать интересы полити-

ческого образования, которым он правит, всеми необходимыми способами. Влияние, оказанное Макиавелли на немецких и итальянских политических теоретиков национального движения девятнадцатого века, общепризнано.

В работах Макиавелли подразумевается, что патристические соображения оправдывают строгий контроль за методами публичного обсуждения и массового распространения информации в качестве основы для политического действия. Стабильность и прогресс государства имеют первостепенное значение, а индивидуалистические соображения граждан второстепенны (См. 3:191—202).

Из английских философов авторитаризма больше всех, пожалуй, известен Томас Гоббс. Основываясь на двух основных желаниях человека — свободы от боли и воли к власти — Гоббс разработал законченную систему политической философии, в контексте которой власть контролировать личность во благо всех являлась необходимостью. Власть устанавливать и поддерживать мир и порядок — суверенна. Она не допускает частных мнений по поводу разумности тех или иных ее действий, поскольку само учреждение такой власти с правомочностью улаживать разногласия является главным велемием разума.

Как указывал Кэтлин, теории Гоббса подводили к следующему выводу: «Доктрины разделения суверенности, подчинения суверена закону или ограничения его деятельности на основании мнения или совести личностей ложны. Очень богатые люди или гильдии и корпорации, претендующие на определенную автономию, адвокаты, практикующие общее право и ставящие обычай выше живой суверенной власти, и церкви, требующие духовной верности, соперничающей с верностью суверену, представляют собой угрозу суверену, гражданскому миру и разуму» (4:395). Теории Гоббса о природе государства и об отношении к нему человека имели тенденцию оправдывать многое в авторитарных действиях правительств, существовавших в XVII веке. Хотя

его величайшую работу «Левиафан» критиковали как роялисты, так и сторонники Кромвеля, как последователи англиканства, так и пуритане, на нее часто ссылались, чтобы оправдать многие из актов произвола, допущавшиеся правительствами в последующие столетия.

Георг Гегель, немецкий философ, считается главным выразителем политической теории авторитаризма в современной истории. Именно из его работ выводят происхождение и современного коммунизма, и фашизма. Следующий ниже короткий отрывок из Гегеля считается одним из наиболее важных текстов в европейской мысли. Как указывает Альфред Циммерн, «каждое слово полно новыми смыслами... и за ним тянется облако воспоминаний из философских размышлений прошлого, от Платона и Аристотеля до наших дней» (28:XVII). Вот что писал Гегель:

«Государство есть воплощенная нравственность. Это этический дух, который выявил себя и принял объективной реальную форму Воли, той Воли, которая являет себя миру, которая познала себя, знает свои замыслы и осуществляет то, что она знает в пределах своего знания. Обычай и Нравственность являются внешней и видимой формой внутренней сущности Государства; самосознание отдельного гражданина, его знание и деятельность являются внешней и видимой формой косвенного существования Государства. Самосознание индивида находит субстанцию своей свободы в позиции гражданина, которая есть сущность, предназначение и достижение ее самосознания.

Государство есть Разум, сам по себе. Причиной тому то, что оно есть воплощение субстанциональной Воли, которая является ни чем иным, как индивидуальным самосознанием, постигнутым в своей абстрактной форме и возведенным на уровень универсального. Эта объективно реальная и едиனுшная целостность есть абсолютная и постоянная самоцель. Свобода в ней достигает максимума своих прав; но в то же время Государство, будучи самоцелью, обеспечивается максимумом прав над отдельными гражданами, чей самый высокий долг — быть членами государства» (28:3).

Переводя основные принципы своей теории в область коммуникации и участия граждан в общественном принятии решений, Гегель высмеивает представление о том, что «всем следует принимать участие в делах государства». Индивид должен быть информирован о проблемах общества и интересоваться ими только как член социального класса, группы, объединения или организации, но не как член государства. В гегельянском смысле свобода означала свободу индивида знать, что он несвободен и что его действия предопределены историей, обществом и, прежде всего, Абсолютной Идеей, которая находит свое высшее проявление в государстве.

Представление о том, что истинная свобода есть не свобода от государства, а свобода в государстве, было более полно разработано немецким политическим философом и историком Генрихом фон Трейчке в маленькой брошюре «Свобода» и в более позднем фундаментальном труде «Политика». Относясь с сомнением к демократиям вообще и к демократиям в Швейцарии и в Соединенных Штатах в частности, Трейчке пришел к выводу, что правление большинства не является гарантией сохранения политических свобод или социальных прав. По Трейчке, при нормальной эволюции истории, государство есть великая личность и важны ее свобода и ее жизнь. Подобно Ницше, с которым он в целом не соглашался, он, как историк, пришел к выводу, что герой или лидер во главе государства может внести самый большой вклад в благосостояние граждан такого государства.

Со времен Платона доктрину авторитаризма проповедовали, прямо или косвенно, и многие другие социальные и политические философы. Среди них можно назвать Жан-Жака Руссо с его идеей ненаследственной монархии, Томаса Карлейля с его культом героев, Бернара Бозанке, подчеркивающего определенную функцию государства-общины, и более близкого к нам по времени Эрнста Трельча, который суммировал немецкую концепцию свободы.

ФАШИСТСКИЙ АВТОРИТАРИЗМ

Даже при самом большом воображении Муссолини или Гитлера нельзя причислить к социальным философам. Тем не менее оба они изложили свои взгляды в печати, и их действия указывают на приверженность к извращенной форме авторитарных доктрин, а их отношение к средствам массовой информации полностью соответствовало основному принципу абсолютизма. Как пишет Кэтлин,

«доктрина Муссолини предполагает акцент на понятии достижения через силу, борьбу, опасность; отказ от пацифизма; яростное неприятие либерализма и терпимости; организация масс элитой или верхушкой, руководство и господство в массовом движении и отказ от интернационализма, предпочтение «нации», основанной на среднем классе, «классу», подразумевающему пролетариат... [и] подчеркивание важности общины как формы, обеспечивающей полноценную нравственную жизнь; а также идентификация этого общества с Современным Государством принуждения (или вооруженной и организованной Нацией» (3:719).

Верховенство государства при фашизме проявилось в идее «корпоративного государства», которая была явным выражением главенства государства над экономическими и социальными группами внутри нации. Хотя корпоративное государство и вступало в союз с частным предпринимательством для сохранения капиталистического строя, оно основывалось на теории вмешательства государства как в экономическую, так и культурную жизнь.

Муссолини говорил: «Фашизм борется со всей сложной системой демократической идеологии и отвергает ее, будь то ее теоретические предпосылки или практическое использование. Фашизм отрицает, что большинство, только потому что оно большинство, может направлять человеческое общество; он отрицает, что одним только количеством можно править посредством периодических консультаций; фашизм утверждает неиз-

менное, благодетельное и плодотворное неравенство человечества, которое никогда не может постоянно уравниваться таким простым механическим процессом как всеобщее избирательное право» (16:303-304).

Адольф Гитлер выражал концепцию фашистского или тоталитарного государства в терминах теории, совмещающей правду и пропаганду, и он обращал внимание на этот аспект в гораздо большей степени, чем любой другой проповедник авторитаризма. Немецкие нацисты трактовали правду как «наша правда — правда для нас», то есть та правда, которая идет на пользу интересам и солидарности немецкого государства. Вот часто цитируемый отрывок из «Mein Kampf»:

«Вся пропаганда должна быть доходчивой, и ее интеллектуальный уровень должен быть подстроен к уровню восприятия самого неинтеллектуального из тех, кому она адресована. Таким образом, высота умственного накала должна быть снижена пропорционально численности масс, которые она должна захватывать. Если, как в случае пропаганды за ведение войны, это вопрос вовлечения всей нации в сферу ее влияния, все внимание должно быть отдано тому, чтобы избежать чересчур высокого уровня интеллектуальности. Способность масс к восприятию очень ограничена, и их способность понимать очень мала. С другой стороны, у них огромная способность забывать. Раз это так, любая эффективная пропаганда должна сводиться всего к нескольким пунктам» (9:76-77).

Нацистская теория государства, ее подчеркнутый расизм, поклонение принципу вождизма, нетерпимость и одномыслие и, прежде всего, содержащаяся в ней концепция, что индивид реализует себя через государство, совпадают, в преувеличенной форме, с традициями авторитаризма. Нацистская Германия так же мало могла противиться введению контроля за средствами массовой информации, как она могла избежать своей «судьбы» стать средством возрождения и распространения величия немецкого народа.

Таким образом, через все авторитарные теории госу-

дарства, от Платона до Гитлера, проходит общая нить. Не все из этих философий проистекали из жажды власти или стремления возвеличить себя. Многие из этих теорий были искренними попытками разрешить сложные проблемы природы государства, отношения человека к государству и природы истины. Независимо от применяемого интеллектуального метода или мотивов результатом стала система организации общества, при которой средствам массовой информации предназначалась особая роль, и они ставились под контроль, чтобы не позволить им мешать достижению конечных целей посредством государства.

Кроме того, национальные государства Западной Европы, безусловно, испытывали влияние философских принципов и авторитарной традиции римской католической церкви. Власть церкви опирается на откровение и на тот факт, что она основана Христом. Власть эта абсолютна постольку, поскольку она божественного происхождения. Непосредственным средоточием церковной власти является Папа Римский и епископы. Поскольку церковь считала себя вместилищем откровения, вверенного ей Христом, она ощущала необходимость оградить это откровение от любых чуждых влияний и защитить чистоту своих доктрин от всяких колебаний и непоследовательности. Истина, которой учила церковь, была абсолютной и, следовательно, не могла служить предметом светских интерпретаций, уводящих от этой истины. Пастырь человечества, церковь отвечала за души людей, и, чтобы исполнить эту обязанность, она стремилась охранить и свою доктрину и свою паству от порчи.

Церковные принципы неизбежно требовали принятия защитных мер в сфере убеждений и верований. Церковь была основана божественным промыслом и учила истине. Другие варианты истины были не более чем попытками опозорить принципы церкви и соблазнить верующих свернуть с единственного пути к вечному спасению. Следуя наставлениям Платона, церковь обеспечивала возможность обсуждения спорных вопро-

сов, ограничивая дискуссию кругом тех, кто принадлежал к церковной иерархии. В то же время она ставила жесткие пределы возможности подвергать сомнению фундаментальные доктрины теми, кто к иерархии не принадлежал и, следовательно, был некомпетентен в религиозных вопросах. Что церковь могла вершить в делах духовных, то монарх мог вершить в делах мирских, а некоторые монархи, например Тюдоры в Англии, полагали, что им позволительно и то и другое.

В этой главе мы не будем рассматривать философские основания принципов марксистского коммунизма, хотя они, безусловно, имеют отношение к основному течению авторитаризма. Коммунистическая доктрина и ее влияние на организацию и управление средствами массовой информации обсуждаются отдельно в последней главе этой книги. Здесь же мы ограничимся замечанием, что Маркс, как говорится, перевернул Гегеля с ног на голову. Тогда как Гегель утверждал, что государство является средством, позволяющим индивиду достичь самовыражения, Маркс настаивал, что это отношение следует перевернуть: индивид не самоцель, а средство для самореализации общества, неотъемлемой частью которого он является (7:375).

АВТОРИТАРНЫЕ СИСТЕМЫ КОНТРОЛЯ

Теперь позволим себе описать и рассмотреть некоторые подробности функционирования системы контроля над средствами массовой информации в обществах, где в той или иной степени принята авторитарная концепция прессы. Философия авторитаризма, лежащая в основе этой теории, нашла свое выражение во многих типах государственных организаций, но каковы бы ни были их вариации, модель контроля демонстрирует целый ряд общих характеристик.

Когда сторонник авторитарной власти обращается к вопросу о функциях средств массовой информации, он уже определил основные задачи правления. Эти задачи неизбежно регламентируют его отношение как к куль-

турным, так и к политическим аспектам коммуникации. Как и Платона, логика подводит его к тому пункту в рассуждениях, где становится очевидно, что распространение информации, идей и мнений среди членов данного сообщества непременно повлияет, когда немедленно, а когда и впоследствии, на достижение predeterminedенных целей. Часто к этому выводу приходят отрицательным путем — из опыта, полученного в результате вмешательства тех, кто вовлечен в работу каналов коммуникации. Почему тем, у кого есть доступ к средствам массовой коммуникации и кто часто не способен уяснить себе целиком всю задачу государства, кто чаще всего даже не информирован полностью о целях государственной политики, должно быть позволено, по глупости или по невежеству, создавать угрозу успеху тех замыслов, которые должны служить всеобщему благу?

Нет же, средства коммуникации должны поддерживать правительство, находящееся у власти, и помогать ему достичь поставленных целей. На ранних стадиях развития средств массовой информации эта задача решалась как бы отрицательным путем через ограничения с целью избежать вмешательства, препятствующего достижению целей, стоящих перед нацией. В последующие этапы развития средств массовой информации прослеживается более конструктивный подход, при котором государство активно участвовало в процессе коммуникации и пользовалось средствами массовой информации как одним из важнейших инструментов достижения своих целей.

При любой общественной системе сначала приходится решать вопрос, у кого должно быть право использовать средства информации, то есть должны ли каналы связи с отдельными гражданами использоваться государством непосредственно, должны ли эти каналы быть полунезависимыми инструментами, находящимися под надзором правительства, или же их следует открыть для тех, кто своим прошлым послужным списком или теперешним поведением доказал, что, скорей всего, не будет вмешиваться в государственную политику или от-

крыто ее критиковать. Авторитарные правительства в разные времена по-разному отвечали на этот вопрос, в зависимости от того, какой подход в данный момент сулил больший успех.

Тюдоры в Англии семнадцатого века, например, выдавали патенты на исключительную монополию избранным благонадежным гражданам, которым позволялось извлекать доходы от таких монополий при условии, что они не начнут раскачивать лодку. Елизавета I обнаружила, что это довольно дешевый способ заставить типографов и издателей массовой литературы отождествлять свои интересы с интересами короны. Правительства многих европейских стран того времени прибегали к жесткому надзору над печатью, а чтобы такой надзор был эффективным, естественно, были нужны чиновники. В конце концов большинство авторитарных правительств в семнадцатом и восемнадцатом веках, столкнувшись с многоголосицей мнений не только у себя дома, но и долетавшей из-за рубежа, приняли тактику активного вхождения в поле массовой коммуникации. В большинстве западных стран появились «официальные» журналы, выступавшие от лица правительства. В их задачу входило давать населению «правильную» картину действий правительства и развеивать ложные представления, которые могли возникнуть из источников, по той или иной причине находившихся вне непосредственного контроля властей. Тем не менее, в отличие от успеха, который такая тактика принесла в современных коммунистических странах, ни одна страна в Западной Европе не сумела монополизировать каналы коммуникации на сколько-нибудь продолжительное время. В большинстве стран издания, выпускаемые частным или личным образом, существовали наряду с официальными журналами и успешно с ними конкурировали, предлагая во многом более качественные услуги.

Создание эффективного контроля над частными средствами информации было основной проблемой для большинства авторитарных систем. Страны Запада ис-

пробовали многие способы контроля с переменным успехом, но ни один из них не приносил длительного результата. Одним из наиболее ранних методов обеспечить благоприятную трактовку правительственной политики была, как уже упоминалось, выдача специальных «разрешений» или, как их называли, «патентов», позволяющих избранным лицам заняться «искусством и таинством» печатного дела.

В Англии этот процесс со временем разросся в сложную систему профессиональных установлений. Патенты выдавались благонамеренным издателям для выпуска различных типов книг, таких, как своды законов, школьные учебники, религиозные издания, книги по истории, пьесы и многие другие виды книг. Издатели, которым вверялось выпускать издания, затрагивавшие государственные дела, отбирались особенно тщательно. С появлением самой ранней формы газет и они были отданы тем издателям, кто, в обмен на исключительную монополию быть поставщиком новостей, легко соглашались печатать только то, что способствовало успеху политики государства.

Патентная система процветала в Англии на протяжении примерно двух веков и на то время оказалась самой удачной из методов контроля. Кульминацией этой системы явилось создание замкнутой организации держателей патентов и «привилегированных» издателей, известной под названием «Компания Книжных Издателей»*, которая через своих служащих и членов могла контролировать всю печатную отрасль, что государству обходилось практически бесплатно. Королевская хартия этой организации позволяла ей принимать новых членов и исключать из профессионального цеха, а также накладывать менее серьезные наказания за мелкие нарушения установленных правил. Компания довольно старательно осуществляла свой надзор, поскольку ее собственное монопольное положение зависело от ее способности убедить правительство в своей лояльности к власти.

*Основана в 1556 году. (Примеч. пер.)

К концу семнадцатого века разрешительная система в печатном деле рухнула в основном из-за ее собственных недостатков, а также потому, что частное предпринимательство развивалось во всех сферах производства. В семнадцатом веке английские печатники-монополисты, стараясь увеличить производство и приумножить доходы, набирали большое количество учеников. Когда же эти ученики становились подмастерьями, они обнаруживали, что могут найти работу только у издателей с правительственными лицензиями. Поскольку, согласно правительственному указу, число таких издателей было ограничено и новые печатные предприятия создавать было нельзя, измученный подмастерье был вынужден или соглашаться на любую плату, предлагаемую монополистами, или печатать издания тайком, «вне закона», рискуя быть арестованным и наказанным. Тогда, в семнадцатом веке, печатникам было нетрудно найти как религиозные, так и политические группы, желавшие финансировать незаконное издание трактатов и памфлетов, содержащих критику принципов и деяний существующих властей.

Распространение грамотности и, как следствие, растущий спрос на печатные материалы, рост числа частных предприятий во всех областях производства и распространение религиозных и политических ересей в форме Протестантизма и Демократии в конце концов привели к неспособности государства поддерживать монополии в печатном деле.

Другим родственным методом, появившимся в большинстве стран Западной Европы, была система лицензирования отдельных печатных работ. В семнадцатом и восемнадцатом веках такая система стала отождествляться с термином «цензура». Иногда она сочеталась с наличием лицензированной или монополистической прессы, а иногда включала в себя официальный контроль над частными печатными и издательскими конторами. Система эта была разработана под контролем светской власти в шестнадцатом веке, когда даже печатники-монополисты или те, кто находился на госу-

дарственной службе, часто не могли или не хотели придерживаться линии, диктуемой государственной политикой. Обычно издатели не были посвящены в государственные дела и, следовательно, были лишены возможности прийти к правильному мнению по поводу спорных вопросов, которые обсуждались в печати. И, исправляя этот недостаток, государство требовало, чтобы труды, относившиеся к таким областям, как религия и политика, предварительно рассматривались его представителями, которые, предположительно, знали, чего добивалось правительство. В шестнадцатом веке это было не слишком трудной задачей, поскольку число печатавшихся трудов было невелико и обязанность просматривать их можно было поручить какому-нибудь секретарю высокого чина религиозной или светской власти.

К концу семнадцатого века, однако, стало очевидно, как трудно обеспечить должную проверку того большого количества материалов, которые появлялись в прессе. Бремя цензора к тому же усугублялось растущим количеством и сложностью государственных проблем. Печатников и издателей, естественно, раздражали проволочки и неопределенность, проистекавшие из самой системы, и они часто выражали свое недовольство. Даже сами цензоры испытывали неудовлетворенность своими обязанностями, которые возлагали на них ответственность удовлетворять переменчивые требования общественной политики и общественных деятелей. Предугадать повороты и стратегию официальной правительственной политики и предвидеть, какой эффект будут иметь те или иные конкретные заявления в печати, стало почти невыполнимой задачей. Проницательные политики, стремившиеся к вершинам карьеры, старались не брать на себя такую ответственность: лучше уж пусть какой-нибудь мелкий чиновник принимает решения и потом сам за них отвечает.

По мере того как газеты превращались в основного поставщика информации в обществе, проблема цензуры отдельных печатных материалов становилась все бо-

лее трудной. Еженедельные, а потом и ежедневные сжатые сроки подготовки материалов к набору, сам их объем, а также находчивость и ловкость журналистов обескураживали цензоров. Никто из влиятельных людей не брался за эту работу, а люди с политическими амбициями в особенности. К концу семнадцатого века система цензуры в Англии отмерла из-за ее обременительности, но, главное, из-за того, что к тому времени уже сформировались политические партии, следовавшие демократической традиции. Ни одна из партий не была склонна отдавать другой управление и исключительный контроль над таким важным инструментом достижения и удержания политической власти.

В англо-американской правовой традиции цензура означала законное требование того, что все материалы, подлежащие печатанию и предлагаемые для общего распространения, должны сначала получить официальное разрешение на издание или, как это называла римская католическая церковь, *imprimatur* — санкцию. Такой тип регламентации, применяемый при авторитарном характере государственной власти, использовался чаще других. Он практиковался правительствами Франции, Германии, Испании, в итальянских государствах и ранними правительствами Америки колониальных времен. В наше время слово «цензура» используется в более широком смысле, особенно специалистами в общественных науках, и подразумевает все формы регламентирования, будь то лицензирование или какие-либо другие нормы. Правоведы и историки продолжают, однако, использовать это слово в его более раннем значении.

Третий распространенный метод контроля над прессой, использовавшийся авторитарными государствами, заключался в судебном преследовании за нарушение общепринятых или установленных правовых норм. Как правило, такой подход появлялся позже, чем методы, описанные выше. К нему прибегали после того, как государственные монополии или лицензирование оказывались неэффективными в обеспечении необходимо-

го контроля. Этот подход был также шагом вперед в практике государственного регулирования, поскольку суды обычно давали возможность воспользоваться юридической защитой, предоставляемой лицам, обвиненным в преступлении. Особенно это касалось Англии, где суды на протяжении многих поколений создавали корпус процессуального права для защиты невиновных.

Основой для преследования лиц, обвиняемых или заподозренных в распространении информации или мнений, враждебных властям, были две области правонарушений — измена и призыв к мятежу. В любом организованном обществе, в авторитарном в том числе, измена — основное преступление против общества. В большинстве случаев такая трактовка этих преступлений является краеугольным камнем структуры права, на которой покоится государство. Понятие измены включало в себя три категории деяний. Изменой считалась попытка свергнуть государство, деятельность, которая могла привести к низвержению существующего правительства, и во многих странах изменой также считалось отстаивание курса, который мог бы привести к свержению правительства. Лица или группы лиц, которые пытались общаться с народом, используя каналы массовой коммуникации, могли попадать под вторую или третью категорию упомянутых деяний. Издатель газеты или листовки, содержащей критику правительства, мог легко быть обвинен в «действиях, которые могли привести к низвержению государства».

В шестнадцатом и семнадцатом веках существовало еще одно юридическое обстоятельство, связанное с обвинением в измене, которое представляло собой угрозу для печатников и издателей. Дело в том, что в большинстве стран Европы государство отождествлялось с определенным правителем или монархом. Угрожать положению монарха означало угрожать стабильности государства и, следовательно, было изменой. Измена обычно наказывалась смертью, и в определенные периоды истории такая мера наказания оказывалась особенно действенным оружием против несогласных. Бы-

вали времена, когда общественный климат препятствовал применению смертной казни, поскольку при определенных обстоятельствах казалось неразумным применять крайнюю меру наказания за случайные и довольно невинные замечания о режиме или правящем монархе.

В Англии преследование за измену никогда серьезно не затрагивало печатников и издателей. Только три печатника — один в шестнадцатом, один в семнадцатом и один в восемнадцатом веке — были казнены за опубликование материалов, которые угрожали безопасности государства. Во многих современных странах сфера наказания за такое преступление была тщательно очерчена с помощью конституционных или законодательных ограничений с тем, чтобы предотвратить его использование с целью преследования за взгляды. Тем не менее в недавнее время как авторитарные, так и либертарианские государства вернулись к понятию такого преступления для наказания лиц, которые в военное время пытались способствовать врагу и противодействовать собственным странам, используя радиовещание.

Контроль за прессой в условиях авторитарного правительства удавалось также облегчить благодаря развитию еще одной области законодательства, затрагивающей правонарушения, известные как распространение клеветнических слухов в подрывных целях или антиправительственная агитация. Обвинение в измене приберегалось для действий, которые потрясли основы государства, а обвинение в антиправительственной пропаганде использовалось как средство избавиться от раздражающих мелких неприятностей, доставляемых несогласными и инакомыслящими. При авторитарных правительствах все страны Западной Европы разработали правовой метод привлечения к суду тех, кто с помощью публичного убеждения или призыва пытался добиться смещения должностных лиц или изменения установившихся порядков. Согласно теориям семнадцатого века, обосновывавшим монархию, правитель был источником справедливости и законности и его действия не подлежали публичной критике. «Если считается, что

правитель стоит выше подданного и предполагается, что в силу своего положения он мудр и справедлив... из этого неизбежно следует, что дурно порицать его открыто, что даже если он ошибается, следует указывать ему на его ошибки с совершенной почтительностью, и что, ошибается он или нет, не должно бросать ему обвинения, которые могли бы, или были задуманы, умалить его власть» (24:299).

Во многих странах судебные преследования за призыв к мятежу не подразумевали ни одной из тех гарантий, которые в наше время связаны с уголовным судопроизводством. В Англии, однако, даже судебные разбирательства дел о распространении клеветнических слухов в подрывных целях, которые особенно часто рассматривались в эпоху правления Стюартов, очень четко следовали судебным процедурам, принятым для всех форм преследования. Такие гарантии появились как реакция на произвол при рассмотрении широко освещавшихся судебных дел о политических преступлениях в английском Суде Звездной Палаты*.

Когда рассмотрение таких дел перенесли в суды общего права, процедура рассмотрения преступлений против государства стала менее произвольной, не нанося ущерба эффективности средств правовой защиты. При авторитарных монархах из династии Стюартов уголовное преследование за распространение клеветнических слухов было главным оружием против печатников и издателей. Корона возбуждала уголовные дела, назначала судей и предоставляла свидетелей обвинения. Со временем под определение закона стали подпадать все типы публичной критики и порицания. Все, что не нравилось властям, считалось поводом к уголовному преследованию за призыв к мятежу. Эта доктрина была четко сформулирована в судебном решении, вынесенном главным судьей суда королевской скамьи** Холтом:

*Высший королевский суд, ставший орудием королевского произвола; существовал с 1487 по 1641 год. (*Примеч. пер.*)

**Суд королевской скамьи — Королевский суд (под председательством короля); существовал до 1873 г. (*Примеч. пер.*)

«Нам предлагают очень странную доктрину, когда утверждают, что попытка убедить народ в том, что продажные люди плохие правители, не есть клевета, бросающая тень на правительство... Утверждение, что управлять делами государства назначают продажных чиновников, безусловно порочит правительство. Если не призывать людей к ответу за внушение народу дурного мнения о правительстве, то ни одно правительство не сможет существовать. Всякому правительству совершенно необходимо, чтобы народ был о нем хорошего мнения. И ничто не может быть хуже для любого правительства, чем пытаться вызвать враждебное отношение к тому, как оно ведет дела. Это всегда считалось преступлением, и ни одно правительство не может чувствовать себя уверенно, если за такое преступление не наказывать» (20:1095).

В восемнадцатом веке в связи с отказом от многих авторитарных принципов в государственном управлении, возникновением политических партий и распространением демократических доктрин применять закон о распространении клеветы стало труднее. Хотя обвинители продолжали арестовывать и предавать суду лиц, критиковавших правительство и его чиновников, и хотя судьи трактовали закон в терминах авторитарных принципов, присяжные восставали против этого и отказывались выносить общие вердикты о виновности и, таким образом, решать вопрос в пользу обвинения. Такое поведение судов присяжных как в Англии, так и в американских колониях заставило власти искать другое оружие против постоянно растущей активности издателей газет и памфлетов.

На протяжении всего восемнадцатого века авторитаризм защищался, а либертарианские принципы наступали. Такие традиционные меры борьбы против вмешательства в дела правительства, как предоставление государственных монополий, лицензирование и уголовное преследование, становились все менее эффективными. Государству приходилось искать другие средства, чтобы защитить свою власть, и новые средства были менее очевидными по своему назначению и более окольными

по исполнению. Официальные журналы, руководимые правительственными назначенцами, уступили место частным газетам, которые покупались правительством или субсидировались из правительственных фондов. Во время долгого правления Уолпола* в качестве премьер-министра Англии литераторы, писавшие на политические темы, тайно зачислялись правительством на денежное содержание, газеты привязывались к правительству выплатами со счетов секретной службы, а редакторам оппозиционных газет то угрожали судебным преследованием, то пытались купить их взятками. В нынешние времена диктаторские режимы пытаются использовать те же приемы как эффективный способ умерить общественную критику и сохранить свою клику у власти.

У таких косвенных методов контроля над средствами массовой коммуникации есть то преимущество, что они позволяют ослабить критику либертарианцев в адрес правительства, поскольку обычно бывает довольно трудно, а то и невозможно установить инициаторов подкупа. Даже если сам факт контроля доказан, власти всегда могут воспользоваться аргументом, что — поскольку частные круги ставят прессу на службу своим интересам — правительство тоже имеет право пользоваться доступными ему средствами, чтобы создать благоприятное отношение к себе и своей политике.

Еще один косвенный метод контроля, который был популярен в восемнадцатом и девятнадцатом веках, заключался во взимании специальных налогов, призванных урезать как тиражи, так и доходы от печатных изданий, и особенно от газет, стремящихся завоевать массового читателя. Газета, окулавшаяся за счет массовых тиражей, тем самым меньше зависела от государственных субсидий и, следовательно, могла отзываться о правительстве в более резких тонах. Специальные налоги на рекламу и тиражи могли позволить сократить доходы газет, не поднимая вопроса об их редакционной по-

*Роберт Уолпол (1675—1745), английский государственный деятель, занимал должность премьер-министра в 1721—1742 гг. (*Примеч. пер.*)

литике. В первой половине девятнадцатого века британские «налоги на знание» вызвали яростную политическую борьбу и к 1861 году были окончательно отменены (22:322).

РАЗРЕШЕННЫЕ И ЗАПРЕЩЕННЫЕ ТЕМЫ

Мы описали в общих чертах основные инструменты, используемые в авторитарных государствах для контроля над средствами массовой информации. Теперь давайте посмотрим, какие темы считались неприемлемыми, а потому запрещенными. В соответствии с авторитарной концепцией природы и назначения государства все средства, оперирующие внутри государственной системы, должны способствовать достижению ее целей и проведению ее курса. Как важный социальный инструмент средства массовой информации вписывались в этот общий принцип, и их содержание рассматривалось и оценивалось в свете их вклада в достижение целей, поставленных государством. Определять или подвергать сомнению такие цели не входило в функцию прессы, а являлось компетенцией личности или группы, осуществляющей политическую власть.

Проводники авторитарной доктрины не часто выдвигали возражения против обсуждения политических систем в широком философском смысле. В отличие от современных коммунистов они не требовали безусловного признания какого-либо набора теоретических принципов. Обычно они не выдвигали претензий к средствам информации, если те избегали прямой критики действующих политических лидеров и их начинаний, и терпели отход от политических принципов, на которых покоилась их собственная политическая система, с благосклонностью, какую не часто демонстрировали в современных коммунистических и фашистских кругах. Не допускалась только открытая попытка лишить сами власти их положения. Можно было подвергать сомнению политическую машину, но те, кто управлял этой машиной, должны были быть неприкосно-

венны. В шестнадцатом веке, например, Елизавета I позволяла, а иногда даже поощряла, дискуссию по широкому кругу вопросов при условии, что ее собственное право принимать конечные решения не ставилось под сомнение.

Область разрешенной дискуссии расширялась по мере того, как пирамида групп внутри общества становилась уже. Сам народ, составляющий массы подданных, считался неспособным разбираться в политических проблемах, поэтому любое обсуждение политических вопросов этой группой не поощрялось. Средства информации, адресованные к этой группе, подвергались более тщательному надзору из-за опасности, что они могут встревожить массы или вызвать у них интерес к вещам, в которых те не разбирались и за которые они не несли прямой ответственности. Более широкий диапазон дискуссии позволялся в генеральных ассамблеях* пресвитериан, которые часто сами были частью авторитарной политической машины. На членов этой группы была возложена общественная миссия, и теоретически им можно было доверять в том смысле, что они ограничат свои дискуссии обсуждением того, как можно помочь центральной власти выполнить ее задачи. Но даже ассамблеи часто оступались, и монарху время от времени приходилось напоминать членам этой группы, что им не следует вторгаться в сферу полномочий короны. Обсуждение наиболее важных проблем было прерогативой тайного совета, членам которого из-за их зависимости от центральной власти можно было доверить «государственные секреты».

Распространение информации о делах правительства — не путать с обсуждением государственной политики — укладывалось в ту же общую схему. В большинстве авторитарных государств не публиковалось практически никакой информации о самих проблемах и ходе их обсуждения в центральном совещательном органе. Гласности предавались только те решения, которые

*Генеральная ассамблея — верховный орган пресвитерианской церкви. (Примеч. пер.)

требовали всеобщего согласия или поддержки. Даже генеральные ассамблеи закрывали двери перед публикой, и тех членов ассамблеи, которые обсуждали ход расследования текущих вопросов за ее стенами, нередко наказывали. Поскольку ассамблея не была представительным органом в терминах демократической традиции, не существовало каких-либо причин, по которым давление или пожелания масс могли помешать ходу обсуждения вопросов в ассамблее. В этом снова проявлялась теория общественной ответственности. Поскольку ассамблея была органом с традиционно возлагаемыми на нее обязательствами, ей следовало предоставить возможность работать в атмосфере, которая была бы свободна от вмешательства со стороны лиц или групп, у которых подобных обязательств не было.

ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ТЕОРИЕЙ АВТОРИТАРИЗМА И ДРУГИМИ ТЕОРИЯМИ

Как указывалось во введении, в этой книге обсуждаются четыре основные теории, касающиеся роли и функции средств массовой информации в обществе. Прежде чем мы перейдем к обсуждению некоторых современных приложений этих теорий, имело бы смысл попытаться указать на определенные черты сходства и различия между авторитарной теорией и тремя другими концепциями. Если рассматривать все четыре теории, то наибольшее сходство обнаруживается между авторитарной и марксистской советской теориями, в то время как авторитарная и либертарианская теории отстоят друг от друга наиболее далеко.

Политические теории марксизма имели своим источником ранних адептов авторитаризма и были видоизменены с учетом промышленной революции и тех проблем, которые она создала. Согласно коммунистическому учению, цели коммунизма требуют установления диктатуры пролетариата, осуществляемой коммунистической партией. Такая диктатура, которая в соответствии с коммунистической теорией может являться про-

сто переходной стадией на время, пока ликвидируются остатки капитализма, согласуется в своих теоретических посылах с другими историческими типами абсолютизма. Соответственно, моральный долг средств массовой коммуникации состоит в поддержке государства, и их собственные цели достигаются посредством помощи в достижении государственных целей.

В двух отношениях, однако, советская система отличается от других авторитарных систем. Во-первых, коммунисты подчеркивают необходимость конструктивного использования средств массовой информации как компонента агитации за достижение мировой революции. При коммунизме государство не довольствуется тем, что ограничивает возможности средств массовой информации вмешиваться в политику государства, но активно использует их для достижения своих целей. Второе и самое важное отличие состоит в том, что при коммунизме государство монопольно владеет всеми средствами воздействия на массы. В прошлом другие диктаторские режимы позволяли средствам массовой информации или большей их части оставаться в частных руках в качестве частных капиталистических предприятий. При коммунизме государство владеет и управляет всеми средствами массовой информации «от имени общности». Государство не только управляет всеми средствами информации внутри страны, но и устанавливает, насколько оно в состоянии это сделать, полную монополию на коммуникацию, вводя очень жесткие ограничения на доступ материалов из иностранных источников. Это достигается установлением запрета на ввоз иностранных печатных изданий и строгим контролем за принимающими устройствами в случае электронных средств информации. (Дальнейшие подробности о советских методах контроля над средствами информации даны в главе 4.)

Наиболее радикально авторитарная система расходится с либертарианскими доктринами свободы печати. Авторитарному мышлению полностью чужда философская концепция, лежащая в основе свободного обмена

идей. Поскольку власть возлагается на государство и подразумевает ответственность за решение общественных проблем, наипервейшая обязанность прессы — не мешать государству двигаться к поставленным целям. Цели определяются правителем или элитой, а не на «рынке идей», как утверждают последователи либертарианства. Для сторонника авторитарной доктрины идея о том, что пресса представляет собой орудие контроля над правительством, лишена смысла, и он немедленно задает вопрос: а кто контролирует прессу?

Следует отметить, что в наше время многие национальные правительства, которые являются авторитарными по своей природе, добавили к своим структурам некие внешние атрибуты либертарианства. Большинство демократических государств сегодня сохраняют следы абсолютизма, и как авторитарные, так и либертарианские государства во многих случаях приобрели некоторые черты социализма, особенно в области средств массовой коммуникации. Гитлер признавал необходимость информировать своих сограждан о самых насущных проблемах, стоящих перед правительством, и разрешал избранным органам печати функционировать на основе капиталистического свободного предпринимательства. С другой стороны, последователи авторитаризма часто национализировали или социализировали многие из средств информации, особенно в области не столь давно появившихся электронных средств. Радио же при современных тоталитарных правительствах всегда было монополией государства.

У авторитарных теорий есть целый ряд общих элементов с недавно появившейся теорией социальной ответственности прессы (см. главу 3). Обе концепции сходятся на том, что прессе не следует позволять разлагать культуру нации, и обе постулируют, что, когда определенные цели установлены (хотя и разными методами), средствам массовой информации не следует позволять безответственно мешать достижению этих целей. Обе системы признают наличие связи между ответственностью и действием, но рассматривают эту про-

блему с противоположных точек зрения. Сторонники авторитарной доктрины отрицают, что у прессы есть ответственность за определение целей или методов их достижения, и на этом основании считают, что прессе не следует брать на себя обязанность, которая закреплена за центральной властью. Приверженцы теории социальной ответственности, в свою очередь, сохраняют традиционное демократическое убеждение, что в конечном итоге решения принимаются общественностью, и они возлагают на прессу обязанность информировать публику и руководить ею в разумной дискуссии. Пресса обязана держать общественность начеку и не отвлекать ее внимание или энергию на несущественное или бессмысленное. Сторонники авторитарной власти и коммунисты убеждены, что государство должно контролировать этот процесс. Сторонники либертарианской доктрины утверждают, что чем меньше политическая власть имеет отношение к этому процессу, тем лучше. А сторонники теории социальной ответственности настаивают, что, хотя либертарианские принципы, возможно, и хороши, их применение в сложном современном обществе требует какой-то формы контроля, предпочтительно со стороны самой прессы, и при том, что доброжелательно настроенное правительство на заднем плане ненавязчиво следит за правилами игры.

АВТОРИТАРИЗМ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Теперь мы обратимся к некоторым современным формам, в которых реализуется авторитарное понимание положения и роли средств массовой информации в обществе. Мы не станем описывать положение прессы при режимах Гитлера и Муссолини, существовавших до второй мировой войны, поскольку сегодня оба режима представляют в основном исторический интерес*.

Не подлежит никакому сомнению, что за пределами

* Собрание законов, имеющих отношение к жестко контролируемой итальянской прессе эпохи Муссолини, в которых автор подчеркивает «уникальный отпечаток и высокую политическую миссию», которые фашизм приписывал прессе, представлено в 13.

орбиты влияния Советской России теоретикам авторитаризма во всем мире пришлось признать господствующее значение либертарианских принципов. Тем не менее либертарианские доктрины часто являются лишь витриной, за которой правительства скрывают авторитарную практику. Доклады ООН, в которых национальные правительства представляют данные о ситуации в своих странах, показывают, что вера в необходимость свободы выражения мнений так повсеместно распространена, что все страны, где есть средства информации, утверждают, что пресса в них свободна. Во многих странах, однако, свобода выражения мнений существует в форме, которая имеет очень мало общего с тем понятием, которое используется в западных демократиях.

Конфликт, существующий сегодня в мире между демократическими принципами и авторитарной практикой, описан в докладе, подготовленном Сальватором П. Лопесом по просьбе Экономического и Социального Совета ООН. Как говорится в докладе:

«В мире, потрясаемом идеологическими распрями и всколыхнувшимся национализмом, идет все более острая борьба за умы людей. В целях информации, пропаганды и внушения используются высокие технологии, так что часто одно невозможно отличить от другого.

Во многих частях мира жертвой этой борьбы неизбежно становится основное право человека на свободу выражения мнения. Это относится к авторитарным странам, но и в других это право постоянно находится под угрозой из-за тенденции жертвовать свободой под мнимым предлогом защиты свободы. В результате возникает сложная социальная и политическая проблема, отмеченная постоянной борьбой между злоупотреблениями и попытками исправить злоупотребления, между попытками ограничить свободу и попытками расширить ее» (14:15).

Тот же доклад содержит приложение, подготовленное секретариатом Международного Института Прессы в Цюрихе, в котором сделана попытка оценить, на-

сколько широко авторитарная и либертарианская практика распространены сегодня в мире:

«Большинство из 248 редакторов из 41 страны, заполнивших анкету, добавили, что как в демократических, так и недемократических странах наблюдается растущая тенденция ограничивать свободу сбора легитимных новостей» (14:60).

Свобода информации сегодня особенно под угрозой. Опыт правительств времен мировой войны, когда прессе пришлось примириться с суровым ограничением ее свободы, и особые требования национальной безопасности в наступившей позднее «холодной войне» частично объясняют тенденцию ограничить свободу прессы. Тот факт, что технически некоторые страны все еще находятся в состоянии войны, позволяет оправдывать контроль над прессой не только у себя дома, но и в соседних странах. Далее, в некоторых случаях ссоры между соседствующими странами, одна из которых тоталитарная, а другая демократическая, ведут к усилиям ограничить свободу мнений, выражаемых в последней (14:61).

Цюрихский доклад устанавливает следующие категории:

1. Страны с полным контролем над прессой, такие, как Советский Союз и его сателлиты, Китай, Югославия, Португалия и Испания.
2. Страны, где политическая критика со стороны прессы формально возможна, но где фактически существует цензура, например Колумбия, Египет и Сирия.
3. Страны, в которых специальные законы о прессе или другие дискриминационные законы предполагают возможность ареста и уголовного преследования редакторов, например Южноафриканский Союз, Иран, Пакистан, Индия, Ирак и Ливан.
4. Страны, где оппозиция прессы подавляется неофициальными методами, например Турция, Аргентина и Индонезия*.

* Приведенные выше примеры основаны на данных за 1953 год. Положение прессы в некоторых из перечисленных стран могло с тех пор измениться.

На встрече международного Института Прессы в Копенгагене в мае 1955 года отмечалось, что за несколько прошедших лет в Аргентине заставили замолчать около ста газет, включая и «Ла Пренсу», пользовавшуюся международной известностью. Многие из них закрывались по таким обвинениям, как опубликование фотографии толпы демонстрантов, незаконная продажа выдаваемой по норме газетной бумаги и отсутствие санитарных условий в типографии (27:74).

Попытки обследовать условия работы прессы на региональной основе предпринимаются также Комитетом по Свободе Прессы Межамериканской Ассоциации Прессы. В докладе за период с октября 1954 года по апрель 1955 года констатируется: «Шесть месяцев тому назад сообщалось, что примерно 20% жителей западного полушария существует в условиях той или иной формы цензуры. За исключением Никарагуа ситуация с тех пор мало изменилась к лучшему. Свобода прессы отсутствует или в той или иной форме ограничена в Аргентине, Боливии, Колумбии, Доминиканской Республике, Парагвае, Перу и Венесуэле» (2:12). Американское информационное агентство Ассошиэйтед Пресс в последние годы составляет полугодовой обзор положения прессы в мире на основании данных, собранных его корреспондентами. Согласно обзору за вторую половину 1954 года изменения в положении прессы по сравнению с предыдущими обзорами очень незначительны. Авторитарная практика в отношении прессы была обнаружена в некоторых латиноамериканских странах и на Ближнем Востоке. В Португалии, Испании, Югославии, Иране, Египте, Ираке и Саудовской Аравии издания, распространяемые внутри страны, подвергались строгому контролю. В коммунистическом Китае соблюдается полный контроль над всеми средствами информации. В Перу арестовывают издателей, в Колумбии газеты экспроприруются, в Венесуэле материалы подвергаются цензуре. В Аргентине знаменитая газета «Ла Пренса» была возвращена владельцам по прошествии нескольких лет после ее экспроприации прави-

тельством Перона. В Бразилии была введена цензура газет, выходящих внутри страны после того, как в ноябре 1955 года там произошел политический переворот (18:4).

«Нью-Йорк Таймс» в своем редакционном комментарии, рассматривая обзор за вторую половину 1954 года с либертарианской точки зрения, отмечала:

«Многие правительства все еще не осмеливаются разрешить своему собственному народу или всему миру знать, что происходит на территориях, которые находятся под их контролем. Такова суть последнего доклада Ассошиэйтед Пресс по поводу цензуры, который был опубликован вчера. Всю правду нельзя узнать в России, Китае или любой стране, контролируемой коммунистами. Нельзя ее узнать ни в Югославии, где есть своя собственная антимосковская разновидность коммунизма, ни в других странах, где есть диктатура, таких, как Испания, Португалия и Аргентина, ни в Боливии, Венесуэле, Саудовской Аравии, Иране и Египте... Причины для цензуры не меняются. Цензура всегда и везде имеет целью скрыть факты, которые могли бы повредить тем, кто находится у власти» (17:10).

Как уже указывалось, большинство стран в мире за пределами коммунистической орбиты уступают давлению мирового общественного мнения и хотя бы на словах признают принципы либертарианства в своих официальных заявлениях о положении средств массовой информации. Португалия одна из немногих стран, которая недвусмысленно придерживается авторитарного подхода. В Статье 22 Конституции Португалии содержится следующее положение: «Общественное мнение является одним из основных элементов политики и управления страной; и долг государства защищать его от посягательств тех, кто извращает его вопреки правде, справедливости, умелому управлению и всеобщему благосостоянию». В Статье 23 Конституции Португалии также предусматривается, что, поскольку пресса выполняет общественную функцию, она в силу этого не может отказаться от помещения любых официальных

правительственных сообщений нормального размера о делах государственной важности.

Схожая точка зрения выражена в положении Статьи 187 Конституции Эквадора, которая гласит, что «первейшая цель журналистики состоит в защите национальных интересов и эта цель является общественным долгом, заслуживающим уважения и поддержки государства». Египетские власти были так же решительны в публичном объявлении своей политики по отношению к прессе. В прокламации, выпущенной 26 января 1952 года, говорится следующее:

«В интересах национальной безопасности впредь вводится общая цензура, которая будет действовать на территории Египта и в его территориальных водах вплоть до особого уведомления. Цензуре подлежат все письменные или печатные материалы, фотографии, пакеты и свертки, ввозимые, вывозимые и распространяемые в стране, все сообщения, отправляемые телеграфом или по телефону, будь то проводная или любая другая связь, все новости, информация и другие материалы, передаваемые средствами вещания, театральные представления, кинофильмы, пластинки или любые другие средства устного или визуального воспроизведения при условии, что все материалы и сообщения, исходящие от королевского правительства Египта или адресованные ему, свободны от цензурного контроля» (26:55-56).

Индия и Пакистан, хотя и приняли конституционные положения о защите свободы выражения в духе западной либертарианской традиции, не смогли избежать авторитарной практики. Обычно они оправдывают ее соображениями национальной безопасности. Верховный суд Индии постановил, что конституционная гарантия свободы выражения не противоречит закону о предоставлении издателем, обвиненным в распространении нежелательных материалов, имущественного залога (*штат Бихар против Шайлабалы Деви*, Верховный суд Индии, 26 мая 1952 года, дело изложено в 26:131-132). Закон, принятый в Пакистане в 1952 го-

ду, призван «обеспечить принятие специальных мер против лиц, образ действия которых причиняет ущерб обороне, внешним сношениям и безопасности Пакистана». Закон разрешает центральному правительству выдворять любого иностранца и налагать на гражданина Пакистана ограничения, предписываемые в распоряжении. Среди правомочий, упомянутых в законе, есть требование, чтобы «все материалы или любой материал, относящийся к данному лицу, был предъявлен для тщательного изучения представителю власти, указанному в распоряжении, до опубликования». Кроме того, центральное правительство уполномочено «запрещать на определенный период публикацию любой газеты, издания, листовки или другой публикации» (Закон № XXV от 1952 года представлен полностью в 26:212-216).

В некоторых странах, во всеуслышание признающих либертарианские принципы, нередко на определенный период приостанавливаются любые конституционные гарантии гражданских прав. Законодательная Ассамблея Сальвадора, например, своим декретом от 26 сентября 1952 года приостановила на тридцать дней конституционные гарантии, закрепленные в Статьях 154, 158.1, 159 и 160 и включающие свободу выражения и распространения мнений, тайну переписки и свободу собраний и ассоциаций.

Развитие кино как средства развлечения и информации поставило особые проблемы регламентирования и контроля как для авторитарных, так и для либертарианских государств. Для стран, управляемых на авторитарных принципах, проблема попросту сводилась к развитию механизмов и методов достижения поставленных целей. В либертарианских странах кино породило множество новых проблем, которые в полном объеме не решены и сегодня.

Практически во всех странах мира театр являлся предметом официального надзора в той или иной форме. Ранние кинофильмы так близко ассоциировались с театром как по назначению (развлечение), так и по ма-

нере представления (в театрах), что правительства обычно относились к обеим формам представления с одинаковыми мерками и в смысле понимания их роли, и в смысле контроля. Вскоре, однако, стали появляться некоторые различия, и среди них развитие образовательных, документальных фильмов, кинохроники, особенно в США, и, самое главное, повышенный эффект воздействия кино на увеличившуюся и часто плохо образованную аудиторию.

В рамках авторитарной доктрины проблема представлялась не слишком сложной. Считалось, что к кино следует подходить точно так же, как к другим средствам массовой коммуникации. Подобно книгам, журналам и газетам кинофильмы не должны мешать достижению поставленных государством целей, а, если возможно, должны определенно помогать их достижению. Единственный вопрос заключался в том, как этого достичь. Некоторые правительства создали специальное подразделение при одном из министерств с целью контроля и обеспечения цензуры. Найти свежую информацию о том, какие методы применяются в различных иностранных государствах, очень трудно, но во многих странах орган официального надзора придан министерству образования или представляет собой отдельную группу, состоящую из членов различных подразделений правительства*.

Не подлежит сомнению, что кинофильм, будь то художественный, документальный или хроникальный, может иметь мощное влияние на общественные установки и мнения. Нацистская Германия и фашистская Италия наложили строгие запреты на показ американских фильмов накануне второй мировой войны на том основании, что они содержали пропаганду в пользу либертарианской концепции и политики США. Как и Советская Россия, Гитлер занял позицию, что все виды

*Обзор методов контроля, используемых иностранными правительствами, был составлен Джоном Харли в 1940 году и опубликован как глава V в книге «Мировое влияние кинематографа», Лос-Анджелес, изд. Университета Южной Каролины, 1940.

искусства должны отвечать идеалам государства, а не умалять или позорить эти идеалы. Джон Харли, председатель комитета по иностранным делам Американского института кинематографии, описывает ситуацию следующим образом:

«Общеизвестно, что американские фильмы в основном сформировали представления народов всего мира о Соединенных Штатах и людях, которые там живут. Такой взгляд можно считать вполне обоснованным. Крайняя осторожность цензоров в разных странах свидетельствует о том, что они хорошо понимают, какую власть имеет кино над их народом. Вдумчивого исследователя, изучающего правила цензуры в различных странах, не может не поражать озабоченность цензоров в разных странах культурной диетой в фильмах, привезенных из-за рубежа или снятых в самой стране. Сравнение правил цензуры, существующих в разных странах, без сомнения, многих заставило бы улыбнуться» (8:2).

Принимая во внимание политическое и культурное влияние кино, многие страны, включая и демократии, пытались расширить производство и распространение национальной кинопродукции, оказывая киноиндустрии финансовую помощь и применяя протекционистские меры. Господство Голливуда на мировом кинорынке подстегнуло эти усилия. Великобритания, Франция, Италия и Аргентина могут служить примером тех стран, где дотирование национальной киноиндустрии является вопросом общественной политики (19:167-177).

Авторитарные правительства с той же определенностью подошли и к проблеме регулирования и контроля за электронными средствами массовой коммуникации — радио и телевидения. Государственная политика по отношению к этим средствам информации диктовалась двумя факторами. Во-первых, общие принципы авторитаризма подразумевают регулирование: как и более старые средства информации, радио и телевидение должны служить проводниками интересов государства и помогать достижению культурных и политических це-

лей, поставленных центральной властью. Вторым фактором заключался в самой природе электронных средств коммуникации. Все типы вещания требовали использования электромагнитных волн, а число каналов связи было ограничено. Эти каналы являлись собственностью государства и, следовательно, подлежали государственному контролю.

Большинство авторитарных государств установили полную государственную монополию на вещание. Управление этими средствами информации и программирование вещания на радио и телевидении осуществляются официальным агентством, которое отвечает за выполнение задач, поставленных правительством. Практически ни одно авторитарное государство не приняло британскую систему общественной корпорации или американскую систему частных вещательных организаций.

Поскольку вещание всех видов не ограничивает свой сигнал территориальными границами национального государства, возникают некоторые особые проблемы контроля и регулирования. Во-первых, какую часть электронного спектра получает страна? Этот вопрос вызывал международные осложнения и потребовал созыва нескольких всемирных конференций по присвоению частот. На большей части планеты использование радиоволны контролируется международными соглашениями, заключенными под эгидой Международного союза электросвязи. Предоставление каналов связи национальным правительствам является предметом международных переговоров и, по большей части, производится на основании общего соглашения. Исключение представляет использование коротковолновых частот для международного вещания, по поводу чего основные страны все еще не могут договориться.

Вторая проблема, проистекающая из самой природы вещания, состоит в контроле сигналов, приходящих в страну извне. Книги, журналы, газеты и фильмы можно задержать на границе и проверить на предмет нежелательного содержания. Радиоинформацию не останавли-

вают национальные границы, и для многих правительств она представляет собой чувствительную проблему. Одно возможное решение состоит в том, чтобы игнорировать международные соглашения и «глушить» вещание из соседних стран. Другое решение — установить жесткий контроль над владением и использованием приемников.

ВЫВОДЫ

Авторитарную теорию нового времени удачно подытожил известный английский писатель Самуэль Джонсон, который в восемнадцатом веке и сам участвовал в полемике о ценностях власти и свободы:

«Каждое общество имеет право сохранять общественный мир и порядок и, следовательно, имеет все основания запрещать распространение мнений пагубного направления. Будет не точно, если мы скажем, что у судьи есть такое право, поскольку судья представляет общество. Ограничивая распространение мнений, которые он считает пагубными, он может быть не прав с нравственной или богословской точек зрения, но с политической точки зрения он прав... (1:249)

Опасность... неограниченной свободы и опасность ее ограничения создали проблему для науки управления, которую человеческий разум, кажется, не способен разрешить и по сей день. Если ничто не может быть опубликовано кроме того, что предварительно было одобрено гражданской властью, власть всегда должна быть образцом правды; если каждый прожектор может распространять свои прожекты, не может быть никакой устойчивости; если любой ропот в сторону правительства может привести к распространению недовольства, не может быть никакого мира; и если в богословии любой скептик будет проповедовать свои безрассудства, не может быть религии» (11:107-108).

Как уже было сказано в начале этой главы, основные принципы авторитаризма долгое время принимались во многих частях света как руководство к социальному действию. Эти принципы получили особенно

большое распространение в области контроля, регламентации и использования средств массовой коммуникации. И хотя в большинстве демократических стран отказались от самих теорий, практика авторитарных государств оказала определенное влияние на практику демократии: в некоторых странах она фактически вынудила либертарианские правительства принимать контрмеры, которые в некоторых отношениях неотличимы от тоталитарных моделей.

Либертарианская теория прессы

Как и другие теории, рассматривающие положение и назначение средств массовой информации в обществе, либертарианская доктрина является продолжением философских принципов, обеспечивающих основу для социально-политической структуры, в которой средства информации функционируют. Либерализм в качестве такой социально-политической системы очертил контуры для институтов, существующих внутри этой системы, и пресса аналогично другим институтам испытывает на себе влияние принципов, лежащих в основе того общества, частью которого она является. На протяжении последнего столетия большая часть цивилизованного мира провозгласила свою приверженность принципам либерализма. Сегодня большинство народов, за исключением стран, находящихся под властью коммунизма, хотя бы теоретически основывают свои социальные и политические организации на доктринах либерализма. Учитывая широкий культурный и географический разброс этих доктрин, не удивительно, что существуют большие различия в том, как социальные институты, включая и средства массовой информации, функционируют на самом деле. Например, вещание в том виде, как оно существует в Соединенных Штатах, может очень сильно отличаться от того, как оно реали-

зуется при либертарианских правительствах во Франции или Бразилии.

ОСНОВНЫЕ ПОСТУЛАТЫ

Чтобы понять принципы, которыми руководствуется пресса при демократической форме правления, необходимо уяснить, как развивалась философия либерализма в семнадцатом и восемнадцатом веках. Сегодняшние демократические страны обязаны своим рождением тем принципам, которые постепенно сформировались на основе теоретических поисков большого числа отдельных мыслителей. В свою очередь, эти мыслители испытывали прямое влияние социальных, политических и экономических событий своего времени.

Принципы либертарианской философии, или философии свободы воли, основываются, так же как и принципы авторитаризма, на ее подходах к вопросам о природе человека, о природе общества и об отношении к нему человека, о природе знания и истины. Хотя философы, отстаивающие свободу воли, могут сильно расходиться в своих взглядах, они демонстрируют целый ряд общих подходов, которые позволяют причислить их к общей школе или системе философии.

Человек — говорят сторонники доктрины свободной воли — есть разумное животное, и он является самоцелью. Счастье и благосостояние личности является целью общества, и человек как думающий организм способен организовать мир вокруг себя и принимать решения, которые будут отвечать его интересам. Хотя люди часто не прибегают к данной им Богом способности к рассуждению при решении человеческих проблем, в конце концов они все же, сложив вместе свои индивидуальные решения, продвигают цивилизацию вперед. От низших животных человек отличается способностью думать, помнить, пользоваться своим опытом и приходить к заключениям. Эта способность и делает человека уникальным. Он является основой цивилизации и ее двигателем. Самоосуществление индивида стано-

вится, таким образом, конечной целью — целью человека, общества и государства.

Сторонники доктрины свободной воли по-разному подходят к происхождению общества, но все они сходятся на том, что основной функцией общества является продвижение интересов его индивидуальных членов. Многие приверженцы либерализма с ностальгией думают о естественном человеке, свободном от многих атрибутов цивилизации. Хотя общество, безусловно, может очень во многом способствовать благосостоянию человека, следует найти способы противодействовать тенденции общества брать на себя основную роль и становиться самоцелью. Философы либерализма усиленно отрицают, что общество является высшим выражением человеческих устремлений, хотя с некоторыми колебаниями они допускают, что государство — полезный и даже необходимый инструмент. Государство существует как метод обеспечения индивида средой, в которой он может реализовать свои возможности. Когда оно терпит неудачу в продвижении к этой цели, оно становится препятствием, которое надо упразднить или радикально изменить. Либеральная философия отвергает суждение, что государство превращается в отдельную сущность, которая более важна, чем индивидуальные члены общества, составляющие его.

В отношении природы знания и истины либертарианская теория напоминает богословские доктрины раннего христианства. Согласно этой теории, способность рассуждать была дана от Бога, так же как и знание о добре и зле. Получив такое наследие от Создателя, человек мог осмысливать мир вокруг себя с помощью собственных усилий. Используя этот базис, либертарианцы создали надстройку, которая существенно отличалась от той, которую развивали философы в средние века. Наследию человека стали придавать меньше значения, а его индивидуальная способность решать проблемы мироздания стала более значимой. Разуму следовало действовать на основании рассудка, но не как в предшествующие времена, когда все авторитет-

ные источники были исчерпаны, но как единственный способ найти авторитетное объяснение. Истиной было нечто, что могло отличаться от того, чему учили прежде (как утверждали сторонники Реформации), но она продолжала считаться определенной, поддающейся обнаружению сущностью, которую можно было продемонстрировать всем мыслящим людям. Понятие, что существует одно неопровержимое и предъявимое объяснение явлений природы, получаемое при помощи механистического экспериментирования и наблюдения, стало моделью, которую философы-либертарианцы применяли для обобщения во всех областях знания. Хотя путь к истине мог лежать через трясину споров и разногласий, то, что находили в конце этого пути, было определенным, доказуемым и приемлемым для разумных людей.

РАЗВИТИЕ ЛИБЕРАЛИЗМА

Шестнадцатый век был веком получения знаний опытным путем, в семнадцатом веке развивались философские принципы, а в восемнадцатом веке эти принципы были воплощены на практике. Гарольд Ласки, автор *«Расцвета европейского либерализма»*, книги, которая предлагает превосходное изложение истории западного либерализма и его анализ, указывал, что социальная философия — дитя истории и может быть понята только в терминах тех событий, из которых она возникла. Географические открытия шестнадцатого века предоставили новые просторы для человеческого ума. Эти открытия непосредственно привели к расширению, а затем и к защите торговли и к разрушению традиционных установок через знакомство с чужими народами и чужими обычаями.

Научные и географические открытия повлияли на умы людей, подчеркнув рациональность Вселенной и возможность понять ее, прибегая к терпеливому анализу. В семнадцатом веке бытовало убеждение, что во Вселенной все контролировалось определенным множеством законов, которые могли быть сведены к четкой

математической формулировке. Ньютон, Коперник, Кеплер и Тихо Браге заложили основу для построения новой механистической Вселенной. Прогресс в западном смысле приобрел новое значение. Это была новая эпоха с новыми способами мышления. Вероятно, ключевой фигурой в этом сдвиге от старого к новому был Декарт. Настаивая на верховенстве разума, он бросал вызов самой вере в силу и власть. Философия Декарта подразумевала превосходство светской концепции вселенной в ее противопоставлении божественной концепции. Эта философия побуждала человека полагаться на себя, а не на божественное провидение.

Хотя Реформация была теологическим и политическим вызовом, она нечаянно породила и западный либерализм. Руководствуясь Библией, английские пуритане восстали против власти церкви, но вскоре они обнаружили, что их учение поощряет привычку высказывать личное мнение. Рационализм в религии неизбежно приводил к сектанству, деизму и доктрине отделения церкви от государства. Реформация также создала модель дискуссии и доказательств, соответствовавшую своему времени, а поскольку религия и политика были очень тесно переплетены, эта модель быстро перешла в светскую область.

Появление среднего класса было еще одним фактором, повлиявшим на развитие либерализма. В большинстве стран Западной Европы интересы развивающегося класса коммерсантов требовали, чтобы религиозным распрям был положен конец. Кроме того, этому классу требовалось, чтобы власть монарха и привилегии дворянства были ограничены. Капиталистическая предприимчивость была несовместима со средневековыми понятиями об общественном положении и гарантиях. Основой экономического либерализма, которого требовала эпоха экспансии, стал свободный договор. Ни церкви, ни государству не позволялось ставить под сомнение моральную состоятельность стяжательского общества, которое энергично занялось удовлетворением человеческих потребностей.

Англия была главным источником политической философии в семнадцатом веке, которая началась с полного господства принципов авторитаризма и закончилась триумфом либерализма. Революция 1688 года привела к верховенству парламента над короной, созданию политических партий, но, главное, к обоснованию права на революцию. Джон Локк был апологетом изменений, происходивших в Англии, и его политическая философия оказала огромное влияние на всех последующих западных приверженцев либертарианства. Основывая свои выводы на эмпирических методах, Локк разработал теорию о народе как суверене, согласно которой центр власти заключается в воле народа. По Локку, государство являлось не более чем попечителем, которому народ передал полномочия и от которого он мог их забрать. Он обосновывал ограничение верховной власти, существование прав народа в форме закона, терпимость к разнообразию религиозных мнений, совместимых с политическим единством, и экономический строй, обеспечивающий свободу личного предпринимательства. Существенной частью философии Локка являются доктрины естественного закона и общественного договора. Он утверждал, что человек якобы из благоразумия отказался от своих личных прав в пользу государства в обмен на гарантию, что государство признает и будет соблюдать его естественные права. Он отрицал политическую целесообразность церковного управления и убедительно доказывал необходимость религиозной терпимости, за исключением, конечно, тех элементов, которые подрывают государство. Революционные стороны учения Локка сделали его источником вдохновения для американской и французской революций, и многое из его фразеологии нашло отражение в американской Декларации Независимости и французской декларации о правах человека.

Эпоха Просвещения семнадцатого и восемнадцатого веков внесла огромный вклад в принятие и распространение либертарианских принципов. Основной целью этого течения было освободить человека от всех внеш-

них ограничений его способности рационально решать религиозные, политические и социальные проблемы. «Главная идея, лежавшая в основе всех направлений Просвещения, заключалась в убеждении, что человеческий разум способен сам по себе и без сверхъестественного вмешательства понять систему мира и что этот новый путь понимания мира выведет на новый путь его освоения. Просвещение стремилось добиться всеобщего признания этого принципа в естественных и гуманитарных науках, в физике и этике, в философиях религии, истории, права и политики» (37:547).

ЛИБЕРАЛИЗМ И ПРЕССА

Нарисовав общую картину, мы можем перейти к обсуждению влияния либертарианской философии на положение и функцию средств массовой коммуникации. Важный вклад либерализма в эту сферу состоял в подчеркивании роли индивида и его способности к рассуждению, а также в понятии естественных прав, частью которых стали права свободы вероисповедания, слова и печати. Покойный профессор Карл Беккер сжато изложил основные положения следующим образом:

«Демократическая доктрина свободы слова и печати независимо от того, признаем ли мы это естественным и неотъемлемым правом или нет, покоится на определенных допущениях. Одно из них состоит в том, что человек желает знать правду и склонен ею руководствоваться. Другое — что единственный путь к правде, в конечном итоге, заключается в свободной конкуренции мнений на свободном рынке. Еще одно допущение — что, поскольку у людей неизменно будут разные мнения, каждому человеку должно быть разрешено свободно и даже энергично отстаивать свое собственное мнение при условии, что он предоставляет другим то же право. Последнее допущение состоит в том, что из этой общей терпимости и сравнения различных мнений появится и станет общепринятым то мнение, которое кажется самым разумным» (31:33).

В восемнадцатом веке закончился переход прессы от авторитарных к либертарианским принципам. В начале века система авторитарного контроля над прессой умирала. Власть короны контролировать прессу была отвергнута, контроль церкви был устранен, а государственные монополии в издательском деле отменены. К концу века либертарианские принципы были освящены в основном законе страны конституционным слогом, защищающим свободу слова и печати. По крайней мере трое англичан (Джон Мильтон в семнадцатом веке, Джон Эрскин* и Томас Джефферсон в восемнадцатом веке) и один американец (Джон Стюарт Милль в девятнадцатом веке) внесли существенный вклад в эту метаморфозу.

В *Areopagitica*, опубликованной в 1644 году, Джон Мильтон представил впечатляющее обоснование интеллектуальной свободы в духе либертарианской традиции. Хотя оно и не было исчерпывающим изложением принципов свободы слова и печати, для своего времени оно являлось мощным аргументом против авторитарного контроля. Мильтона самого донимала пуританская цензура его произведений, и он осудил разрешительную теорию и практику. Он утверждал, что, полагаясь на разум, человек может различать добро и зло, правду и неправду, и, чтобы он мог использовать этот дар, ему требуется неограниченный доступ к идеям и мыслям других людей. Мильтон был убежден, что Истина определена и очевидна, что она обязательно выживет, если ей дать возможность проявить себя в «открытом и честном столкновении». От Мильтона пошли современные понятия «открытого рынка идей» и «процесса возвращения к истине»: «Пусть все, у кого есть что сказать, получают свободу выразить себя. Истинное и разумное выживет, ложное и неразумное будет разбито. Правительство не должно вмешиваться в эту борьбу и оказывать влияние на шансы той или иной стороны. И даже если ложное может одержать временную побе-

*Джон Эрскин (1695—1768) — шотландский писатель-правовед. (Примеч. пер.)

ду, то, что истинно, призвав на защиту дополнительные силы, в конце концов выживет через процесс возвращения к истине». Мильтон признавал, что право свободного обсуждения может быть ограничено, но он предпочитал не формулировать никаких общих принципов, на которых могли бы основываться такие ограничения. Он желал, чтобы думающие люди с искренними, хотя и разными, убеждениями были свободны от правительственной цензуры. Он отказывал в полной свободе католикам и легковверным журналистам своего времени, поскольку считал, что они не отвечают его понятиям о честности. К сожалению, его мощный призыв к интеллектуальной свободе не был услышан современниками, но в восемнадцатом веке интерес к его работе возродился, и она широко распространилась в Англии и Америке.

Со времен Мильтона и до появления работ Джона Стюарта Милля в печати не появлялось какой-либо полной позиции по вопросу об отношении правительства к прессе. Однако существование практических проблем регламентации прессы вызвало к жизни дополнения или, скорее, уточнения тезиса, предложенного Мильтоном. Такие разные личности, как лорд Камден*, Джон Уилкс**, «Юниус»*** и Томас Пейн, внесли собственный вклад как в теорию, так и в практику понятия «свободы печати». Из английских авторов восемнадцатого века самую четкую и ясную позицию занимал Джон Эрскин. Защищая издателей, обвиненных в нарушении закона, он выдвинул либертарианские принципы свободы слова и печати. Эрскин сформулировал свою позицию, защищая Пейна, который опубликовал *«Права Человека»*: «Суждение, которого я собираюсь придерживаться как основы для свободы печати, без которой последняя есть пустой звук, заключается в сле-

*Уильям Камден (1551—1623), педагог, историк и собиратель древностей.

**Джон Уилкс (1727—1797), политик, журналист и писатель.

***«Юниус» — псевдоним неизвестного автора серии писем (1768—1772), содержащих нападки на английское правительство. (Примеч. пер.)

дующем: каждый человек, не имеющий намерения ввести в заблуждение, но стремящийся просветить других в отношении того, что его собственный разум и совесть, как бы это ни было ошибочно, диктуют ему как истину, может обратиться к всеобщему разуму всей нации по поводу тем, касающихся правительства вообще или правительства нашей собственной страны в частности» (46:414).

Джон Стюарт Милль подходил к проблеме власти и свободы от ограничений с точки зрения утилитариста девятнадцатого века. Милль понимал свободу, как право зрелого индивида думать и поступать, как ему заблагорассудится, если он тем самым никому не наносит ущерба. Любое человеческое действие, говорил Милль, должно иметь своей целью создание, поддержание и увеличение наибольшего счастья для наибольшего числа людей, поскольку хорошее общество — это то общество, в котором наибольшее число людей наслаждается наибольшим возможным количеством счастья. Один из главных путей для общества добиться того, чтобы его члены вносили свой вклад в достижение этой цели, — дать им право думать и действовать самим. Переходя от общей идеи свободы к конкретной свободе выражения мнений, Милль предлагает четыре суждения. Во-первых, если мы не даем высказать мнение, не исключено, что мы не даем высказать истину. Во-вторых, ошибочное мнение может содержать зерно истины, необходимое, чтобы найти полную истину. В-третьих, даже если общепринятое мнение — вся истина, общественность воспринимает его не как рациональную основу, а как предрассудок, если только ей не приходится это мнение защищать. Наконец, в-четвертых, если время от времени общепринятое мнение не оспаривается, оно теряет жизнеспособность и свое влияние на поведение и нравы.

Важное значение, которое Милль придавал индивидуальной свободе выражения мнения, четко выражено в часто приводимой цитате из его работы «*О свободе*»:

«Если бы все человечество, кроме одного человека, придерживалось бы одного мнения и только один человек придерживался бы противоположного мнения, у человечества было бы не больше оснований заставить этого единственного человека молчать, чем у этого человека, будь у него власть, были бы основания заставить молчать все человечество. Если бы мнение было личной собственностью, не представляющей ценности ни для кого, кроме владельца, если бы невозможность наслаждаться им было бы просто частным ущербом, тогда имело бы значение, нанесен ли ущерб нескольким или многим людям. Но особое зло в недопущении выражения мнения в том, что это обворовывает человеческую расу, как будущее, так и настоящее поколение; и те, кто возражает против этого мнения, теряют больше, чем те, кто его придерживается. Если мнение справедливо, они теряют возможность обменять заблуждение на истину; если оно ложно, они теряют то, что почти также благотворно, — более четкое восприятие и более живое впечатление истины, которое возникает при ее столкновении с заблуждением» (52:16).

Томас Джефферсон был философом и государственным деятелем, человеком идей и человеком дела, который пытался воплотить свои идеи в жизнь. Слив воедино два направления либерализма, английскую приверженность законности и традиции и более радикальный французский рационализм, он надеялся создать правительство, которое обеспечивало бы личности безопасность и возможность самовыражения. Джефферсон был твердо убежден, что, хотя отдельные граждане могут заблуждаться, большинство, если оно — группа, обязательно придет к правильному решению. Чтобы облегчить этот процесс, индивиды в обществе должны быть образованны и информированы, поэтому он проявлял большой интерес к инструментам образования. Пресса была важным источником информации и руководством к действию для зрелого индивида, и, чтобы должным образом осуществлять свою функцию в демократическом государстве, прессе следовало быть свободной от государственного контроля. Джефферсон считал, что основная функция правительства заключается в том, что-

бы создать и поддерживать строй, при котором личность могла бы добиваться ею самой поставленных целей.

Функция прессы состояла в том, чтобы участвовать в воспитании личности и в то же время следить за тем, чтобы правительство не отклонялось от своих подлинных целей. Хотя как политик Джефферсон сильно страдал от клеветнических нападок прессы своего времени, он считал, что федеральному правительству следует меньше вмешиваться в дела прессы, как бы та ни заблуждалась и какие бы потоки грязи ни выливалась. В своей речи при вступлении в должность Президента на второй срок он даже заявил, что правительство, которое не может выстоять под огнем критики, заслуживает падения и что подлинная сила федерального правительства заключается в его готовности разрешить критиковать себя публично и в его способности выдержать такую критику. Представления Джефферсона о функции прессы суммированы в следующем высказывании:

«Не может быть эксперимента интересней, чем тот, который мы теперь пытаемся осуществить и который, как мы надеемся, окончится установлением того факта, что человеком могут править разум и истина. Следовательно, наша главная цель состоит в том, чтобы оставить для него открытыми все пути к истине. Самый эффективный из всех до сих пор найденных путей — свобода печати. Вот почему те, кто боится расследования своих действий, первым делом закрывают прессу. Твердость, с которой народ перенес прошлые злоупотребления прессы, понимание, которое он проявил перед лицом правды и лжи, показывает, что ему можно спокойно доверить слушать все, что истинно и ложно, и что он придет к правильному суждению. И поэтому я, конечно, считаю, что открыть двери правде и укрепить привычку верить все разумом, значит создать самые эффективные оковы, в которые мы можем заковать руки наших преемников, чтобы не позволить им надеть оковы на народ с его собственного согласия» (48: 32-34).

Переход средств массовой информации в Англии и Америке от авторитарных к либертарианским принци-

пам занял несколько веков, а не произошел в одночасье. В английском Билле о Правах 1689 года печать не упоминалась. Однако свобода печати подразумевалась в признании настойчивого требования защитить личность от произвола властей. Главная битва за свободу средств массовой информации происходила в восемнадцатом веке, и печатники, и издатели газет сражались в этой битве в первых рядах. Когда в 1694 году система лицензирования была отменена, пресса начала подвергаться уголовным преследованиям за призывы к бунту и косвенным ограничениям, таким, как особые налоги, субсидирование газет и ограничение доступа к парламентским заседаниям. Эти преграды рушились одна за другой, но их разрушение сопровождалось продолжительными спорами, а иногда яростным сопротивлением правительственных чиновников и их сторонников.

Борьба за установление либертарианских принципов по отношению к прессе в восемнадцатом веке в основном разворачивалась вокруг двух вопросов. Один касался преследования за распространение клеветнических слухов в подрывных целях, а второй — права прессы публиковать отчеты о заседаниях парламента. Как указывалось в главе 1, правительства как в Англии, так и в американских колониях стремились ограничить открытую критику своих действий, прибегая к преследованию за распространение клеветнических слухов. Судьи, назначенные короной, часто солидаризировались с попытками правительства ограничить возможности прессы возбуждать общественность. В восемнадцатом веке судьи придерживались принципа, что печатные материалы, критикующие правительственную политику или должностных лиц, служат подрыву основ государства и потому незаконны. Согласно английской системе юриспруденции, вопрос о том, являются ли напечатанные слова опасными, «клеветническими» или нет, был очевиден из их прочтения и, следовательно, мог быть определен судьей.

Вопрос о том, были ли слова напечатаны человеком, отданным под суд, или нет, считался вопросом факта, определяемого присяжными. В начале восем-

надцатого века суды присяжных в Англии и Америке начали восставать против такого распределения функций. Побуждаемые издателями и либертариански настроенными политическими деятелями, они отказывались выносить обвинительные заключения. Спор был улажен в 1792 году с принятием закона о клевете, предложенного Фоксом*, по которому суд присяжных получал право определять вредную направленность напечатанных материалов.

Более серьезная проблема, родственная первой, заключалась в том, может ли издатель оправдать издание заведомо вредных слов на том основании, что они представляют собой правдивый и точный отчет. На протяжении всего восемнадцатого века юристы утверждали, что слова, наносящие ущерб правительству, наказуемы независимо от того, правдивы они или ложны. Либертарианские принципы, наконец, восторжествовали, когда установление истины было признано как аргумент защиты в соответствии с конституционными положениями в Америке и законом, принятым английским парламентом в 1843 году.

Битва за победу либертарианских принципов велась и в парламенте, который на протяжении нескольких веков не допускал посторонних и запрещал вести записи на заседании, чтобы не позволять публике вторгаться в дискуссии. К концу восемнадцатого века последняя схватка в этой борьбе привела к триумфу демократии. Газеты того времени утверждали, что, поскольку парламент представляет интересы народа, парламентские дебаты должны быть открыты для публики. Следовательно, как средство общения с публикой, газеты имеют право и даже обязаны информировать публику о том, что происходит в парламенте, а потому парламент не имеет права ограничивать выполнение этой функции прессы. Связанное традицией английское чиновничество в ужасе восстало против этих аргументов, но после целого ряда стычек пресса победила в этом вопросе.

*Чарльз Джеймс Фокс (1749—1806), английский государственный деятель, известный оратор. (Примеч. пер.)

Борьба за признание либертарианских доктрин в приложении к прессе привела к формулированию и принятию биллей о правах, которые включали положения, устанавливавшие свободу печати. Во многих формулировках эта свобода сочеталась со свободой слова и вероисповедания. Формулировки о свободе печати в ранних американских биллях о правах предшествовали положениям о свободе слова и вероисповедания и в большинстве дискуссий на эту тему вызывали меньше разногласий, чем вопрос о вероисповедании. В течение периода, не превышающего двадцати лет, положения о свободе печати оказались включены в большинство конституций американских штатов и в федеральную конституцию.

Формулировки о свободе печати в биллях о правах были по необходимости не слишком четкими и могли толковаться по-разному. Все толкования сходились только по одному пункту — свобода прессы не абсолютна и может быть ограничена. Какие именно ограничения могут должным образом налагаться на печать, стало ключевым вопросом после победы либерализма. Первые попытки определить границы свободы печати были сделаны английскими юристами в восемнадцатом веке. Двое знаменитых английских судей, лорд Мэнсфилд и главный судья Блэкстоун, предложили толкование, основанное на консервативной британской традиции. Оба настаивали на главенстве закона в том виде, как его определяли суды и парламент, над понятием свободы печати. Оба считали цензуру в форме лицензирования незаконной. Однако они отказывались пойти дальше этого, утверждая, что контроль над злоупотреблениями прессы был надлежащей функцией закона.

Формулировка Блэкстоуна, широко известная в американских штатах, суммирует правоведческую позицию, существовавшую в восемнадцатом веке:

«Свобода печати действительно свойственна природе свободного государства, но она состоит в том, чтобы не налагать предварительных ограничений на публикации, а не в свободе от

осуждения за опубликование преступных материалов. У каждого свободного человека есть безусловное право представить публике любое суждение, какое он пожелает. Запретить — значит нарушить свободу печати, но если он публикует то, что непристойно, злонамеренно или незаконно, он должен отвечать за последствия своего безрассудства... Таким образом, воля личностей остается свободной, и только злоупотребление этой свободной волей юридически наказуемо. Тем самым не накладывается запрета на свободу мысли или исследования и свобода личного мнения остается, но преступление, которое исправляет общество, состоит в распространении дурных настроений, разрушительных для целей общества» (34: 1326-27).

И Эрскин, и Джефферсон придерживались более широкого толкования конституционной защиты прессы от контроля правительства, чем Мэнсфилд или Блэкстоун были готовы принять. Тезис Эрскина заключался в том, что, даже когда напечатанный материал содержит заблуждения и может нанести ущерб интересам государства, нельзя налагать наказание на издателя, если его цель и намерения были честными и искренними. Джефферсон же утверждал, что прессу можно подвергать наказанию за ущерб личностям, но нельзя подвергать преследованию за нанесение ущерба репутации правительства. Определение надлежащих ограничений на свободу средств информации является самой неприятной проблемой для поборников либертарианских принципов. Как будет показано в этой главе, даже сегодня в демократических кругах нет согласия по поводу того, какой должна быть надлежащая сфера правительственного контроля и регулирования в различных средствах массовой информации.

ПОЛОЖЕНИЕ И НАЗНАЧЕНИЕ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В ДЕМОКРАТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Нарисовав общую картину, чтобы помочь уяснить понятие либертарианства, мы теперь можем рассмотреть положение и назначение средств массовой комму-

никации в демократических обществах. В обществах, основанных на либертарианских принципах, положение прессы становится вопросом ее приспособления к демократическим политическим институтам и демократическому образу жизни. В демократической стране правительство является слугой народа. В этом качестве его отношение к тем, кто его поддерживает, совсем не такое, как у авторитарных правительств. Но даже если правительство подчинено и подотчетно общественности, ему не настолько доверяют, чтобы отождествлять его цели с целями его граждан. В демократических странах было создано бесчисленное количество приемов, чтобы не давать правительству возвращаться к авторитарным методам и подрывать «неотъемлемые права» своих граждан. Как уже описывалось, основы либертарианской системы прессы заложены Мильтоном и Локком в семнадцатом веке, конкретные механизмы были выработаны и воплощены в восемнадцатом веке, и эта система распространилась по всему миру в девятнадцатом веке, когда либерализм достиг зенита. Практически все демократические страны в мире приняли либертарианские принципы и включили их в свои конституции или основные законы.

В рамках либертарианской концепции функции средств массовой информации состоят в том, чтобы информировать и развлекать. Третья функция возникла во взаимосвязи с этими двумя и была вызвана необходимостью обеспечить себе экономическую основу и тем самым стать независимой в финансовом отношении. То была функция продажи, или рекламная функция. Главная цель средств массовой информации была помогать найти истину и способствовать разрешению политических и социальных проблем, представляя все факты и мнения как основу для нахождения их решения. Существенной характеристикой этого процесса была свобода от контроля или давления правительства. Правительство и его чиновники часто становились стороной в конфликте с прямой заинтересованностью в том, каким будет его исход. Значит, ему не следовало предос-

тавлять дополнительное преимущество исключительного доступа к общественности, которая в конечном итоге и принимала решения. Ему также не следовало предоставлять право вмешиваться в то, как подаются аргументы противоположной стороны. Таким образом, была усовершенствована функция прессы как политического института. Пресса была обязана следить, чтобы правительство не преступало отведенные ему границы. Как это сформулировал Джефферсон, пресса должна была обеспечить такой контроль над правительством, какой ни один другой институт обеспечить не мог.

Теоретики либертарианства полагали, что, поскольку пресса многоголоса, какая-то информация, достигающая публику, будет ложной, а какие-то мнения ошибочными. Тем не менее у государства не должно быть права ограничивать то, что оно считает ложным и ошибочным. Если бы у него было такое право, оно неизбежно стремилось бы подавить критику в свой адрес или мнения, противоположные тем, которых придерживаются правительственные чиновники. Как считали либертарианцы, альтернативой было позволить публике подвергаться валу информации и мнений, часть из которых возможно была правдивой, часть ложной, а часть содержала и то и другое. В конечном счете надо было дать публике переварить всю информацию и она бы отвергла то, что противоречило общественным интересам и приняла бы то, что служило интересам личности и всего общества. Эта процедура и была хорошо известным «процессом возвращения к истине». Либертарианцы также полагали, что в демократическом обществе будет разноголосица мнений, адресованных публике, даже если не все голоса будут услышаны. Пусть каждый, у кого есть что сказать по поводу общественных проблем, выскажется независимо от того, правильное у него мнение или ложное, и пусть публика после этого решает. Никогда в истории человечества это допущение не сходило с фактами полностью. У некоторых людей было больше способностей к словесному выражению, у некоторых была мотивация, энергия и желание

выразить себя, а у некоторых был более прямой доступ к аудитории, чем у других. Теоретически, однако, у всех была одинаковая возможность сделать это, если даже способности или возможности доступа к публике были разными.

Сторонники либертарианской доктрины возражали против государственной монополии на каналы коммуникации. По их мнению, любой гражданин или иностранец с соответствующей склонностью должен был иметь неограниченную возможность владеть и управлять средством массовой коммуникации. Эта сфера деятельности была открыта для всех. Предполагалось также, что средства массовой информации будут функционировать в капиталистическом обществе, которое руководствовалось принципом свободного предпринимательства. Это означало, что инструменты коммуникации будут находиться в частных руках и будут конкурировать на свободном рынке. При наличии достаточного капитала любой мог бы основать предприятие в области коммуникации, где его успех или неудача зависели бы от его способности производить прибыль. Прибыль же зависела от его умения удовлетворять клиентов. Таким образом, успех предприятия определялся публикой, которой такое предприятие стремилось служить.

Экономическая поддержка средств массовой информации была проблемой, от которой теоретики либертарианства всегда старались уйти. Они были против государственной поддержки, поскольку она вела к контролю, и считали, что капиталистическая система частного предпринимательства сама все уладит. В процессе своего развития разные средства информации вырабатывали разные способы экономической поддержки. Ранние печатные средства, в особенности книгоиздание, почти исключительно полагались на прямую продажу своего продукта клиентам. Экономическая основа, таким образом, обеспечивалась покупателем. С развитием книжной индустрии и кинопроизводства эта практика продолжалась. Ранние газеты и журналы довольно быстро обнаружили выгодный источник дохода от продажи

«объявлений», или рекламы, что привело к развитию дополнительной функции прессы, заключающейся в стимулировании потребления и продажи продуктов. Рост рекламы как важного источника для экономической поддержки прессы был особенно заметен в Великобритании и Америке, и в этих странах газеты и журналы были наименее зависимы от правительства. В других частях света, где промышленность была не так развита и где потребительские товары распространялись не так широко, получать доходы от рекламы было гораздо труднее. На расширение функции средств массовой информации способствовать продаже товаров влияли также культурные различия. В результате в некоторых странах средства массовой информации получали экономическую поддержку прежде всего посредством прямой продажи или в некоторых случаях за счет субсидий из внешних источников. Экономическая основа современных средств информации будет обсуждаться ниже в этой главе, здесь же мы отметим, что, в соответствии с либертарианскими теориями, в области коммуникации может выступать любой субъект, обладающий экономическими средствами. Его выживание зависит от его способности удовлетворять нужды и желания потребителей в условиях конкуренции со стороны других средств коммуникации, добывающихся того же самого рынка.

Каковы же основные средства контроля над средствами массовой информации в демократическом обществе? Что бы там ни говорилось, государство, используя разнообразные инструменты, находящиеся в его распоряжении, принимает определенное участие в коммуникационном процессе. Либертарианцы признают этот факт, но они утверждают, что чем меньше это участие, тем лучше. Таким образом, поднимается извечный вопрос о допустимой степени государственного участия. Обычно государство управляет почтовой службой, через которую распространяются некоторые из средств информации. Во многих странах государство распоряжается также телефонной и телеграфной служ-

бами, используя которые оно имеет возможность вводить ограничения. Государство контролирует импорт и экспорт, и, самое главное, оно облагает налогами. Пользуясь любым из этих инструментов, государство могло бы установить специальные ограничения на средства массовой информации.

В большинстве демократических стран основным средством контроля является судебная система. В США суды играют первостепенную роль, поскольку они не только применяют закон страны в отношении прессы, но и определяют, в каких случаях другие ветви власти превышают свои полномочия, вводя ограничения, которые могли бы входить в противоречие с конституционными гарантиями. В конечном итоге при нашей конституционной системе именно суды определяют те границы, до которых может доходить государство при осуществлении своей власти над средствами массовой информации. В других демократических странах эта функция отводится традиции или законодательной ветви власти.

Либертарианская теория ставит на место государственного контроля контроль более неформального типа, осуществляющийся посредством процесса возвращения к истине или через свободную конкуренцию на рынке информации, мнений и развлечений. Основной функцией государства считается поддержание стабильной структуры, внутри которой свободные силы индивидуализма могут взаимодействовать между собой. Иногда такое взаимодействие может принимать хаотичный характер с отрицательными результатами. Однако в конечном счете этот процесс видится как более предпочтительный, чем авторитарное руководство.

Определение надлежащих ограничений свободы выражения мнений в средствах массовой информации является хронической проблемой демократических обществ. Как уже указывалось, все философы либертарианства согласны, что свобода выражения мнений не является абсолютной, но имеет ограничения. Какие же ограничения можно вводить в рамках демократии, не

входя в противоречие с либеральными доктринами? К сожалению, для решения этой проблемы пока не разработано никаких общих принципов. Единственное, чем можно руководствоваться в этом вопросе, это исторически принятые определенные ограничения, не подкрепленные никакой общей концепцией. Профессор Зекариа Чафи перечисляет некоторые из тех методов, которые использовались для контроля или запрещения средств массовой информации, а именно: требование, чтобы на выпуск книг или других изданий было предварительно получено разрешение; цензура оскорбительного материала до или во время публикации, конфискация оскорбительного материала; судебный запрет на публикацию газеты, книги или какого-то материала в них; имущественный залог на случай опубликования клеветы или других оскорбительных публикаций; обязательное раскрытие имен владельцев и авторов; уголовное преследование после публикации вызывающих возмущения материалов; взыскание за ущерб по гражданскому иску после публикации материалов; исправление клеветнических и других ложных заявлений; дискриминация в доступе к источникам информации и средствам передачи новостей; особые запреты и ограничения на прессу, печатаемую на иностранных языках; дискриминация и отказ в использовании средств связи для распространения материалов; препятствование импорту материалов; защита авторского права или отказ по этой причине; налоги, дискриминационные субсидии; препятствование покупке, чтению или слушанию продуктов средств массовой информации (40:62-68).

Некоторые типы ограничений на свободу прессы признаны совместимыми с принципами либертарианства и приняты повсеместно. Все демократические правительства признают обязанность государства защищать репутацию личности. Некоторые государства осуществляют эту функцию старательнее, чем другие, но все признают необходимым не допускать, чтобы средства массовой информации наносили ущерб членам общества посредством диффамации. Защита личности обыч-

но обеспечивается законом и осуществляется судами. Законы о диффамации содержат бесчисленное количество всяких тонкостей, что во многих случаях приводит к трудностям в их исполнении. На эффективность таких законов могут влиять различия в культурах, когда, например, в некоей культуре принято полагаться на другие методы защиты индивидуальной репутации. Особенно трудная проблема возникает, когда слова, наносящие ущерб репутации, относятся к личности, занимающей видную должность в обществе. В соответствии с либертарианской доктриной она должна быть защищена как личность, но как должностное лицо она должна быть открыта для публичной критики. В начале девятнадцатого века суды пытались сформулировать несколько разграничений и в этой области, но эти разграничения оказались неэффективными. И в результате должностные лица и кандидаты на такие должности в Соединенных Штатах мало защищены по закону о диффамации.

Запрет на распространение непристойных и неприличных материалов является еще одним общепринятым ограничением свободы прессы. Законы о непристойности не опираются на какие бы ни было основополагающие принципы, кроме принципа, что такие ограничения необходимы, чтобы защитить мораль. Понятие морали с трудом поддается определению, и судам и законодателям пришлось биться над этим несколько веков, чтобы прийти к приемлемому определению непристойности. Определение непристойности обычно формулировалось агрессивным меньшинством или было оценкой, даваемой каким-либо судьей текущему состоянию нравов. Хотя некоторые либертарианцы возражают против любых видов ограничений на основании непристойности, большинство согласно с тем, что государство обязано защищать общество или, по крайней мере, некоторую его часть от бесстыдных и непристойных публикаций.

Споры о праве государства защищаться от распространения информации и мнений, которые могут его

опорочить или подорвать к нему уважение приверженцев, продолжались более двух веков. Сторонники авторитарной доктрины давали прямой и ясный ответ на этот вопрос (глава 1), но для либертарианцев проблема была совсем не проста. Как отмечалось в предыдущей главе, сторонники авторитаризма признавали право государства защищать свою репутацию точно так же, как либертарианцы признавали право личности на защиту от клеветнических измышлений. Хотя в английском общем праве предусматривалось наказание за порицание правительства, этот закон никак не подходил американскому темпераменту. Американская независимость была достигнута с помощью как обоснованной, так и злонамеренной критики британских колониальных властей, и многие выдающиеся американские деятели принимали в этом участие. Те же самые американцы, образовав собственное правительство, были склонны признать достоинства безудержной критики видных должностных лиц и общественных проблем. Революционеры, в общем, понимали, что старый закон о клеветнических слухах потерял силу в новой республике. Однако, по мере того как эти лидеры переходили к трудным будням управления большой территорией с рассредоточенным населением, задача поддержания власти побудила должностных лиц вернуться к традиционным установкам и практике.

Многие из созданных правительств штатов возродили закон о клеветнических слухах, особенно во время напряженной партийной борьбы, сопровождавшей политические кампании. Поскольку национальное правительство было по своей природе федеральным, оно было не в состоянии применять английское уголовное право. Чтобы защитить себя в тяжелые и нестабильные времена, оно прибегло к разработке законодательства. Закон об иностранцах и призыву к мятежу 1798 года был попыткой дать правительству полномочия защищать себя от необоснованной критики. Применение федералистами норм этого закона для партийных политических целей вступало в конфликт с демократически-

ми принципами, глубоко укоренившимися среди американской публики. В результате никаких дальнейших попыток в этом направлении в девятнадцатом веке не предпринималось. Отдельные штаты постепенно отказывались от английской доктрины клеветнических слухов в подрывных целях, и, к тому времени, когда победила демократия Джексона, закон вышел из употребления.

Характерной чертой либертарианской концепции функции прессы в обществе, отличающей ее от других теорий, обсуждаемых в этой книге, является убеждение в праве и обязанности прессы служить инструментом внесудебного контроля над правительством. Пресса должна была удерживать государственных чиновников от злоупотреблений и превышения власти. Она должна была быть сторожевым псом демократии, всегда готовым обнаружить и разоблачить любой произвол или авторитарные действия. Чтобы справиться с этой функцией, пресса должна была оставаться совершенно свободной от контроля или влияния тех элементов, от которых она должна была оберегать демократию. Поскольку либерализм на протяжении нескольких веков был вынужден сражаться против авторитаризма, либералы считали официальное правительство своим злейшим врагом. Тем не менее государственную власть можно было заставить служить интересам либерализма, если использование этой власти могло эффективно и жестко контролироваться. Пресса была инструментом, который наряду с другими гарантиями мог выполнить эту функцию. В рамках традиционного авторитаризма и при коммунистической системе Советской России интересы народа теоретически отождествлялись с интересами государства. Следовательно, то, что либералы называли «контролем над правительством», для сторонников авторитаризма было просто попыткой воспрепятствовать достижению целей, поставленных государством.

Хотя основатели американской системы правления считали, что самая главная функция прессы — политическая, средства массовой информации предписы-

вались и другие виды деятельности, существенные для адекватного функционирования демократического общества. Средства информации рассматривались как главные инструменты образования для взрослых. Они должны были служить каналами, по которым общественность получала информацию и узнавала различные мнения о важных политических проблемах. Как только была создана федеральная почтовая служба, были введены сниженные почтовые тарифы, чтобы поощрить развитие газет и журналов. Успех демократии основывался на разумном и информированном электорате, и средства массовой информации наряду с бесплатными средними школами должны были обеспечить публику учебными материалами. Средства массовой информации должны были способствовать развитию наук и искусств, улучшению вкусов публики и поднятию стандартов повседневной жизни. Приверженцы авторитаризма не спорили с тем, что прессе следует придать образовательные функции, поскольку при авторитаризме образовательные заведения и пресса руководствовались одним и тем же принципом — необходимостью достижения целей, поставленных государством.

ОТНОШЕНИЕ К ПРЕССЕ В РАМКАХ СОВРЕМЕННОЙ ЛИБЕРТАРИАНСКОЙ ТЕОРИИ

От рассмотрения либертарианской теории о том, как следует функционировать прессе, давайте перейдем теперь к обсуждению работы средств массовой информации в современном обществе. Великобритания, Соединенные Штаты и некоторые из британских доминионов следуют в общем русле, именуемом англо-американской традицией. Некоторые более молодые демократические страны пытались копировать эту традицию или пересаживать ее на свою почву с различной степенью успеха, и их неудачи и достижения будут обсуждены в этой главе позднее. Сейчас же мы рассмотрим функционирование средств массовой информации в Соединенных Штатах.

Двадцатый век породил вопросы относительно того, как использовать либертарианскую теорию для разрешения современных проблем средств массовой информации. Все достижения в этой области явились результатом опыта, приобретенного в двух мировых войнах, а также развития и экспансии двух новых средств коммуникации — кинематографа и вещания. Во время двух мировых войн непосредственной проблемой, каждый раз требующей своего решения, было установление принципов, которыми можно было бы руководствоваться в случаях, когда имело место распространение мнений, способных нанести ущерб непосредственной задаче правительства — добиться победы в войне. В чистом виде либертарианская доктрина не брала в расчет разрушительное влияние мировой или даже локальной войны. В целом либертарианцы довольно невинно признавали за правительством право защищаться при особых обстоятельствах, чтобы спасти себя от уничтожения, однако они не предложили аргументированной концепции тех рамок, из которых правительство не должно выходить при ограничении свободы выражения мнений в военное время. Во время первой мировой войны правительство создало систему цензуры отсылаемых и получаемых сообщений, но не предприняло попыток ограничить свободу средств массовой информации внутри Соединенных Штатов. В сотрудничестве со средствами массовой информации, в первую очередь с газетами и журналами, правительство создало систему добровольной цензуры. Улучшенный вариант той же системы, на этот раз включавшей и радиовещание, применялся также во время второй мировой войны.

Важным вкладом в решение этой проблемы явилась подсказанная опытом военного времени попытка Верховного суда США определить границы свободной дискуссии в демократическом обществе. Члены суда признавали, что при особых обстоятельствах, таких, как большая война, традиционные свободы личности должны отступить перед лицом непосредственной задачи.

Проблема состояла в том, чтобы найти формулу, которая, насколько это возможно, сохраняла бы сущность либертарианского понимания свободы и в то же время позволяла бы государству выполнять свою программу, не допуская неправомерного вмешательства в его действия. Авторитарные правительства эта проблема, безусловно, не заботила, но для либертарианских правительств это был серьезный и обескураживающий вопрос. Во время войны Верховный суд занял позицию, состоящую в том, что, если в дискуссии обнаруживалось *осознанное стремление* чинить препятствия военным усилиям, такая дискуссия может быть объявлена преступлением, а ее участники наказаны. Либеральные мыслители и правоведы немедленно обрушились на суд с критикой, обвиняя его в отходе от традиционных либертарианских принципов, и вскоре после войны суд изменил мнение и принял формулу, первоначально предложенную судьями Брандайсом и Холмсом. Судья Холмс ввел эту формулу при рассмотрении дела Шенка в таких словах: «В каждом случае вопрос заключается в том, являются ли употребленные слова такого характера и употреблены ли они в таких обстоятельствах, что создают ясную и наличествующую угрозу, что они приведут к реальным бедствиям, которые Конгресс имеет право предотвратить. Это вопрос непосредственности и степени угрозы» (57:52). Формула получила известность как *критерий ясной и наличествующей угрозы*. Холмс и Брандайс признавали необходимость определенного ограничения свободы слова и прессы при чрезвычайных обстоятельствах национального масштаба. Предложенная ими формула была попыткой сформулировать принцип, который, с одной стороны, определил бы границы свободного обсуждения, а с другой стороны, устанавливал бы круг ограничительных полномочий правительства. Они отвергли критерий «осознанной склонности» в пользу критерия, который оставлял большую степень свободы. Давая правительству право наказывать любого, кто переходит рамки свободы, они одновременно установили эти рамки максимально широко. Их

подход заключался в том, чтобы ограничить возможности правительства препятствовать свободе выражения мнений, за исключением обстоятельств, представляющих очевидную угрозу задачам государства. Такая угроза должна быть не только очевидной, но и сама возможность того, что обсуждение может неблагоприятно повлиять на осуществление государственных задач, должна быть непосредственной. «Критерий ясной и наличествующей угрозы» стал основой для определения законности большинства попыток урезать свободу слова и печати со времени первой мировой войны.

Александр Мейклджон подверг этот критерий энергичной критике, полагая, что он несовместим с принципами либертарианства. Этот автор утверждает, что обсуждение, в котором принимают участие представители общественности, должно быть столь же неприкосновенно для правительства, сколь неприкосновенно обсуждение представителями законодательного органа, которые во время дебатов не подпадают под «критерий ясной и наличествующей угрозы». Он также пытается провести различие между «свободой» первой поправки к конституции и «свободой» пятой поправки. Свобода первой поправки, говорит он, это публичное право (под чем он, очевидно, подразумевает, что это право осуществляется общественностью) и как таковое не подлежит ограничению. Свобода пятой поправки является частным правом (осуществляемым лично-стью), которое может быть ограничено правительством в соответствии с «надлежащей законной процедурой» (51:35-41)*.

Верховный суд США также одобрил законодательные предложения применять карательные санкции в случае дискуссий, призывающих к свержению демократической системы правления принуждением и насилием. Для либертарианских правительств проблема заключалась в том, чтобы провести грань между обсуждением сравнительных достоинств коммунистической и

*Критерий «ясной и наличествующей угрозы» также подвергнут критическому рассмотрению в серии статей Честера Антио в 29 и 30.

капиталистической систем и агитацией и призывами заменить существующую государственную власть революционными методами. Слова «принуждением и насилем» были введены в ограничительное законодательство как федеральным правительством, так и правительствами многих штатов. Это законодательство использовалось, чтобы заставить замолчать некоторых функционеров коммунистической партии, но не применялось для запрещения печатных органов коммунистической партии, таких, как «Дейли Уоркер». В сочетании с критерием «ясной и наличествующей угрозы» такой тип законодательного акта был признан Верховным судом в качестве конституционного метода, когда речь идет о лицах, стремящихся к свержению демократической капиталистической системы. У либертарианцев, однако, вызывает беспокойство проблема соблюдения традиционных принципов свободного обсуждения в ситуациях, когда страх и истерия могут повлиять на климат общественного мнения.

Верховный суд продемонстрировал приверженность либертарианским принципам при вынесении судебных определений, имеющих отношение к свободе средств массовой информации, особенно когда его председателем был Чарльз Эванс Хьюз. Среди ограничений, которые суд признал неконституционными, были судебный запрет на дальнейшую публикацию скандального политического листка в Миннесоте (283 U.S. 697, 1931) и налог на валовую выручку больших газет, выступавших против режима Хьюи Лонга в Луизиане (297 U.S. 233, 1939). Впоследствии Верховный суд ограничил полномочия судов низшей инстанции наказывать газеты за неуважение к суду в связи с публикациями, которые могли бы помешать отправлению правосудия (314 U.S. 252, 1941) и отверг законодательные попытки ограничить тираж публикаций, посвященных «преступлениям и кровопролитию» (335 U.S. 507, 1948). Уникальная функция Верховного суда в американской системе правления состоит в том, чтобы давать оценку всем типам ограничений на свободу слова и печати, ис-

ходящих от правительства. Практически ни одно другое демократическое правительство, кажется, не приняло такой же метод защиты средств массовой информации от посягательств властей.

Будучи первыми по времени, печатные средства информации проявили наибольшую активность в борьбе за установление либертарианских принципов свободы. В частности, газетам принадлежала ведущая роль в борьбе против попыток государства принизить их положение и ограничить их функции. С упрочением теоретической основы современной концепции свободы выражения мнений пресса выработала так называемую «теорию объективного репортажа» для осуществления своей функции в качестве средства информации. Эта теория, возникшая где-то в девятнадцатом веке, широко приветствовалась в Соединенных Штатах и Великобритании как уникальный вклад в журналистику в первой четверти двадцатого века. Возникновение этой теории в Америке можно увязать с развитием кооперативных информационных объединений, которые поставляли местным газетам информацию из источников на уровне штата, а также из федеральных и международных источников. Большинство тогдашних газет были яростно пристрастны, и они с возмущением относились к попыткам вынудить их печатать материалы, которые показывали их политических оппонентов в благоприятном свете или попросту подыгрывали им. Альтернативный подход заключался в изъятии всякой политической пристрастности, насколько это вообще возможно. Агентства новостей предписывали репортерам и авторам помнить о том, что их материалы поступают к клиентам, среди которых есть и демократы, и республиканцы, и что эти материалы должны быть приемлемы и для тех, и для других. Журналисты наловчились сочинять отчеты, полностью лишённые партийных пристрастий, и такая практика породила представление об объективном репортаже, которым американская журналистика проникнута по сей день.

Быстрому распространению концепции объективно-

го репортажа в американской журналистской среде способствовал спад в политической тенденциозности прессы и превращение газеты из средства выражения мнений в средство сообщения новостей. Развитие рекламы и стремление увеличить тиражи явились дополнительными факторами, приведшими к общему признанию объективности в качестве идеала. Газетные репортеры считали, что в их работе отстраненный взгляд на события является профессиональным требованием. Они стали зрителями, но не участниками в спорах вокруг проблем своего времени, и тщательно старались не раздавать оценок или проявлять политические симпатии. Новости следовало подавать в чистом виде, свободном от всяких оценок, место которым в американских газетах было четко отведено только на полосе редакционных комментариев. Теория объективного репортажа стала предметом гордости американских журналистов, которые почитали освещение «фактов дня» своей единственной обязанностью. Во многих из тех стран, что провозглашали либертарианские принципы, эта теория не нашла всеобщего признания, и там, где пресса была связана с политическими партиями, объективность не смогла прижиться в качестве идеала. В последние годы теория объективного репортажа стала подвергаться суровой критике на том основании, что при таком подходе до читателя доносится не вся правда и что это не позволяет ему дать четкую оценку новостям в терминах социальных целей. Такая критика более подробно рассматривается в следующей главе, посвященной теории социальной ответственности прессы.

Еще одной проблемой журналистики, стремящейся опираться на либертарианские принципы, является право доступа к источникам информации в правительстве, и в последние годы эта тема живо обсуждалась в печати. Борьба за освещение дебатов в английском парламенте уже описывалась выше в этой главе. В Америке ранние конституционные съезды были закрыты для публики и репортеров. По мере того как девятнадцатый век шел вперед, прессе удалось обосновать тезис о том,

что в демократическом обществе публика нуждается в полном освещении деятельности правительства. Хотя логика была на стороне средств информации, практическое воплощение теории в жизнь встречало определенные препятствия. В начале нашего века задача рассказывать публике о том, что делает правительство на всех уровнях, была не слишком сложной. Правительство состояло из сравнительно небольшого числа должностных лиц, и его деятельность в основном лежала в законодательной и судебных сферах. Однако во второй четверти нашего века произошел огромный скачок как в диапазоне сфер деятельности правительства, так и в количественном составе государственных лиц, особенно в административной сфере. Сегодня практически ни один аспект жизни не свободен от государственного участия, будь то на уровне страны, штата или на местном уровне, и размах этого участия сделал проблему освещения современной жизни для сведения американской публики еще более острой.

Освещение деятельности правительства встречает особые трудности на национальном уровне, где объем деятельности возрос особенно впечатляюще. Традиция закрытости, унаследованная из опыта авторитаризма, всегда была особенно сильна в области иностранных дел, которая обычно входит в юрисдикцию национальных правительств. Хотя репортеры и корреспонденты вот уже несколько поколений как допускаются на заседания законодательных органов, у них нет того же свободного доступа к исполнительным органам власти или ее чиновникам, и представителей средств информации редко допускают на заседания дипломатов. До сих пор не существует никаких общих принципов, которыми журналисты могли бы руководствоваться при определении, в каких случаях и на каком этапе интерес публики к общественной жизни законен и должен быть удовлетворен. Поскольку Государственный департамент США или британское министерство иностранных дел могут отказать обсуждать свою деятельность, почему это не могут сделать другие правительственные службы? И если

федеральное правительство может отказать в доступе к информации, почему то же самое не могут делать правительства штатов или органы местного самоуправления? Либертарианская теория подразумевала, что публику касается все, что относится к работе правительства, и тем не менее можно представить убедительные аргументы, почему публике или ее представителям следует отказать в доступе к каким-то повседневным делам или документам правительства.

Со времени второй мировой войны проблема ограничения доступа к информации, которая могла бы нанести ущерб военной безопасности государства, доставила много хлопот как государственным чиновникам, так и представителям прессы. Вопрос, каким видам информации следует присваивать гриф секретности и кто должен определять степень секретности, дебатруется и по сей день. Остается также открытым вопрос, как можно проконтролировать секретность, не слишком ли много рвения проявляют те, кто определяет степень секретности. Проблема становится особенно острой, когда принимаются решения о засекречивании научной информации, которая могла бы оказаться полезной для потенциального врага. Помимо всего прочего, во многих случаях деятельность правительства является посягательством на конфиденциальность частной жизни граждан. Есть ли у публики право знать, какой подоходный налог платит отдельный гражданин? Есть ли у газетчиков право присутствовать на заседаниях государственного ведомства или комиссий Конгресса? Следует ли их допускать на заседания местного совета графства или отдела образования? Либертарианская теория до сих пор не смогла предложить ответы на эти трудные вопросы. Средства массовой информации в лице своих профессиональных организаций высказывают убеждение, что все дела правительства должны быть для них открыты и что собирать и сообщать новости о деятельности правительства на всех уровнях является их правом и долгом как поставщика информации для общественности.

**КИНЕМАТОГРАФ В СОВРЕМЕННОЙ КОНЦЕПЦИИ
ЛИБЕРТАРИАНСТВА**

Средства информации, появившиеся позднее по времени, включая кино и различные формы вещания, вынудили теоретиков либертарианства столкнуться со множеством совершенно новых и сложных проблем. Первоначально демократические подходы к проблеме назначения средств массовой информации в значительной степени основывались на политической роли печатных средств информации. Когда кроме печатного слова появились и другие методы обращения к массовой аудитории, либертарианская теория встала перед необходимостью найти свои ответы на новые вопросы.

Кино как средство массовой информации является продуктом двадцатого века. Поскольку оно ассоциировалось с драматическим театром и имело с ним много сходства, оно заняло то же место в социальной структуре, что было предписано и сцене. В парадигме авторитарной теории театр полностью контролировался государством. В шестнадцатом и семнадцатом веках правительства установили свое право, хотя и не всегда осуществляемое на практике, строго контролировать развлечения, исходя из политических, религиозных и моральных соображений (см. 45). Протестантская реформация не создала такой же яркой и убедительной аргументации в защиту свободы театра, каким был призыв Джона Мильтона к свободе печати. Как следствие, либертарианская теория либо игнорировала эту проблему, либо из-за ее неполитического свойства считала ее не особенно важной. Появление кино с его способностью обращаться к огромной аудитории и производить на нее глубокое впечатление вызвало необходимость пересмотра основ либертарианской теории. Открытие театров требовало официального разрешения, а пьесы подвергались цензуре на протяжении поколений. Кино было просто продолжением театра и, следовательно, подпадало под разрешительную практику и цензуру со стороны властей. Такая аргументация использовалась при ранних попытках создать официальные цензурные коми-

теты и получила одобрение Верховного суда США в 1915 году*. Со времени первой мировой войны кино стало явно выполнять функцию предоставления информации и мнений наряду с функциями развлечения, формируя взгляды и убеждения граждан, а частично и предлагая им модель поведения. Кинохроника является информационным средством. Документальные фильмы, производимые сейчас в больших количествах, осуществляют как информационную, так и общеобразовательную функцию. Аналогия с театром ушла на задний план, а сходство с прессой стало выходить вперед по мере того, как кино стало предлагать больше новостей и мнений. В отличие от газет киноиндустрия не предпринимала энергичных шагов в защиту своих прав, по крайней мере, до недавнего времени. Кинопродюсеры сотрудничали как с официальными, так и неофициальными распорядительными ведомствами. Как институт, кинематография пыталась контролировать своих более непокорных членов с помощью добровольного кодекса кино, принятого под эгидой американской ассоциации производителей и распространителей фильмов. Почему кино должно подвергаться лицензированию и цензуре в то время, как печатные средства информации свободны от этих ограничений? Именно этот вопрос стоял перед правительствами и теоретиками либертарианства. Признавая, что кино в основном являлось развлечением, что его аудиторию составляла сравнительно молодая часть населения и что фильмы могли причинить ущерб моральным устоям, разве не следовало признать, что кино является важным институтом демократического общества и подлежит оценке на основе либертарианских принципов? Руфь Инглис по этому поводу отметила следующее: «Ситуация с кинофильмами — только отдельный пример общей проблемы, над которой ломали головы философы и государственные деятели на протяжении веков: как сделать так, чтобы господствовала воля народа и поддерживался порядок и в то же время,

*Самый полный обзор проблем киноиндустрии содержится в работе «Свобода кинематографа», написанной Р. Инглис (47).

чтобы несогласные меньшинства имели соответствующее влияние, добиваясь перемен? Проблема состоит в выработке социальных механизмов, которые позволили бы добиться этих результатов» (47:173).

Комиссия по вопросам свободы печати, возглавляемая Робертом Хатчинсом, после тщательного и взвешенного рассмотрения проблемы кинофильмов в демократическом обществе сформулировала следующую рекомендацию: «Следует признать, что конституционные гарантии свободы печати включают кино. Растущая важность документальных фильмов подчеркивает такую потребность» (47:VI). В то же время признание того, что кино находится под защитой конституционных гарантий, не решает проблему окончательно. Даже если признать, что кинематограф должен пользоваться традиционными либертарианскими свободами, остается вопрос, может ли это средство информации как-то регламентироваться. Верховный суд США сделал важный шаг к поиску ответа на этот вопрос, отменив некоторые вызывающие самые большие возражения нормы, которыми руководствуются официальные киноцензоры, на том основании, что они слишком нечетко сформулированы, чтобы удовлетворительно применяться (36). В Соединенных Штатах, по крайней мере, кино быстро превращалось в средство информации, заслуживающее включения в традиционное либертарианское понимание свободы выражения мнений, и в достижении этой цели наблюдается прогресс.

ВЕЩАНИЕ И ЛИБЕРТАРИАНСКАЯ ТЕОРИЯ

Вещание — и радио и телевидение — является самым молодым средством массовой коммуникации. В начале своего развития передача сообщений по радио во многих отношениях напоминала телефонные и телеграфные системы. Последние, по общему мнению, были вне сферы массовых коммуникаций, поскольку они были просто передающими системами прямой свя-

зи, не принимающими в расчет характер сообщений. Телефон и телеграф были монополистичны по своей природе и, следовательно, подлежали государственной регламентации как средство общественного пользования. Для либертарианских доктрин такая постановка вопроса была приемлема на том основании, что государственное регулирование или управление такими передаточными монополиями «отвечало общественным интересам». Таким образом, когда появилась прямая радиосвязь, ей были присвоены характеристики средства общественного пользования*, подлежащего тому же типу контроля. Вещание, однако, отличалось от обычной передачи сообщений по радио. Оно представляло собой новое средство массовой информации, способное обращаться одновременно к огромному количеству слушателей. Вещание имело отношение не только к передаче сообщений, но и к содержанию таких сообщений, и тем самым оно напоминало газеты, журналы и кинофильмы. С другой стороны, оно использовало электромагнитные волны, число которых было ограничено. Очевидно, что открыть радиовещательную станцию можно было не каждому, иначе в эфире был бы полный хаос. Регламентирование вещания было необходимо, даже если бы оно касалось только распределения частот.

Либертарианские общества по-разному решили проблему вещания. Некоторые страны последовали примеру Франции и создали монополии в собственности и управлении государства по аналогии с телефоном и телеграфом. Другие страны приняли британскую модель, основанную на общественной корпорации и только косвенно подотчетную действующему правительству. В Соединенных Штатах прибегли к системе частных станций, при том, что распределение частот и регламентация деятельности осуществляется Федеральной

* В США — средство или предприятие, которое за плату предоставляет услуги в области передачи информации и связи по официально объявленным тарифам без какой-либо дискриминации. Примерами таких организаций являются почта, телефон, телеграф. (*Примеч. пер.*)

комиссией, созданной Конгрессом. Канада попыталась создать двойную систему, при которой общественная корпорация управляет общенациональными станциями, а местные станции принадлежат частным владельцам.

Хотя американская система вещания больше соответствует либертарианским принципам, чем остальные системы, она стоит перед проблемой, как примирить традиционные доктрины свободы с физической природой вещания. Очевидным и необходимым решением проблемы распределения частот является создание правительственного ведомства. По какому принципу должно это ведомство распределять частоты? Принятая норма соответствовала той, что одно время использовалась для средств общественного пользования, то есть норме «соответствия общественным интересам и потребностям». Хотя эта норма была нечеткой, Конгресс, очевидно, не смог в тогдашних обстоятельствах найти более точное определение. Учитывая, что норма эта использовалась для регулирования работы железных дорог и энергетических, телефонных и телеграфных компаний, выбор был очевиден.

Федеральная комиссия связи, созданная в 1934 году как преемница Федеральной комиссии радио (1927 год), взяла на себя обязанность претворить принятую норму в жизнь. Каким же образом следовало ей определять, что присвоение части электромагнитного спектра подателю заявки А будет лучше отвечать «общественным интересам и потребностям», чем присвоение каналов связи подателю заявки Б или В? Другие средства массовой информации являлись частными предприятиями, созданными по воле предпринимателей. Получение разрешения от правительства на управление таким предприятием было фактически несовместимо с либертарианскими принципами. Такой механизм подрывал саму основу эффективности средств информации в осуществлении контроля над правительством и его чиновниками. Однако в случае вещания другого выбора явно не существовало, и, ввиду того что Комиссии надо было удовлетворять заявки на лицензии, ей пришлось искать какие-то разум-

ные основания для своих решений. Почти неминуемо Комиссия пришла к выводу, что, поскольку радиоволны представляют собой ограниченный природный ресурс, предоставление каналов должно, по крайней мере частично, основываться на содержании программ. Требование нормы о соответствии вещания общественным интересам удовлетворялось при условии, что все группы населения могли принимать самые лучшие радиовещательные и телевизионные программы. Таким образом получалось, что государственное ведомство принимает свои решения, недвусмысленно основываясь на содержании средства информации. Такое положение вызвало энергичные протесты со стороны вещателей, которые утверждали, что подобное толкование функции Комиссии нарушает традиционные либертарианские принципы свободы слова и свободы печати. Вещание нельзя сравнивать с телефонной компанией, заявляли представители этой индустрии, оно больше походит на газету или журнал, а также имеет некоторые черты театра и киноиндустрии. Вооружившись лозунгом «радио свободное как пресса», вещатели доказывали, что единственной функцией правительства было распределять частоты, а не регламентировать содержание программ.

Позиция Комиссии получила оформление в знаменитом документе, получившем название Голубой книги. В этом документе Комиссия заявляла, что стандарты исполнения должны в обязательном порядке учитываться при распределении частот, потому что в противном случае владелец приобретает имущественные права на общественную собственность. Комиссия также обозначила некоторые из требований, которые должны учитываться при составлении программ. Опубликование Голубой книги вызвало полномасштабные дебаты, которые, впрочем, не привели к однозначным решениям. Ни Конгресс, ни Верховный суд не сочли нужным устранить возникшую неясность. Суд указал, в частности, что вещание подпадает под защиту конституционных гарантий свободы выражения мнений, но при этом посчитал, что через посредство Федеральной комиссии связи

правительство имеет право не только осуществлять надзор за использованием радиоволн, но также определять состав информационного потока на этих волнах.

Сложность проблемы, связанной с вещанием, усугублялась вопросом о его экономической поддержке. В некоторых либертарианских демократиях вещание обеспечивалось прямыми государственными субсидиями, другие государства установили налоги на использование принимающих устройств, а в некоторых странах, например в США, экономическая поддержка вещания обеспечивается доходами от рекламы. Поскольку экономическое положение может оказать серьезное влияние на работу инструмента массовой коммуникации, вопрос о степени зависимости от государственной поддержки становится важным, и высокая стоимость телевизионного вещания усложняет, а не упрощает эту проблему. Каким образом средство информации, зависящее от государственного финансирования, может остаться свободным от влияния правительства? Существование на доходы от рекламы может стать выходом из этой ситуации, но до какой степени это ухудшит или стандартизирует работу радио и телевидения? Либертарианская теория пока не нашла своего решения проблем кинематографа и вещания, но она создала просторную систему координат, внутри которой новые средства информации стремятся найти свое место. Ответы, возможно, будут найдены путем опыта, методом проб и ошибок, подкрепленным более тщательным анализом функций новых средств информации в рамках теории. Как это бывало и в прошлом, либертарианская философия идет к цели наугад, не предлагая окончательных решений, пока не становится ясно, что она на правильном пути.

ЛИБЕРТАРИАНСКАЯ ПРЕССА В ДРУГИХ СТРАНАХ МИРА

Соединенные Штаты и Великобритания вот уже более столетия являются основными хранителями либертарианских принципов, но и другие страны мира в

большей или меньшей степени следуют тем же самым принципам. По мере того как демократическая форма правления распространялась по всему миру, ее сопровождало понятие свободы слова и печати, представляющее собой неотъемлемую часть либертарианской доктрины. В некоторых странах это понятие попало на плодородную почву, а во многих других его встречали с большой помпой и великими ожиданиями, но вскоре оно увядало и погибало. Были и такие страны, где это понятие дало ростки, очень мало похожие на англо-американские прототипы.

Особенно трудно западные идеалы свободной печати приживались в слаборазвитых районах мира. Есть много примеров, когда идеал свободы принимался с энтузиазмом, но внутренние условия страны, очевидно, не способствовали полному развитию демократических принципов. Давление национализма, проблемы внутренней безопасности и экономические условия были главными факторами, затруднявшими проведение либертарианских теорий в жизнь. В сравнительно молодых демократиях, возникших после первой мировой войны, как правило, существуют конституционные гарантии для средств массовой информации. В конституции Филиппинских островов 1935 года содержится простое положение: «Статья 8. Не должны приниматься законы, ограничивающие свободу слова или печати или право граждан мирно собираться с целью ходатайствовать перед правительством о восстановлении справедливости». Конституция Израиля 1948 года содержит более тщательно выписанное положение: «Статья 16. Свобода слова и свободное выражение мнения в письменной или какой-либо другой форме гарантируется. Конституционная гарантия не распространяется на высказывания в публикациях клеветнического, порочащего или непристойного характера или направленных на разжигание расовой или религиозной ненависти, подстрекательских к насилию и преступлениям, или выступающих за подавление прав человека или демократической системы правления, или раскрывающих секреты националь-

ной обороны. Установление предупредительной цензуры является незаконным, за исключением военного времени или чрезвычайных обстоятельств, и требует законодательного оформления, а также подлежит постоянному парламентскому контролю и пересмотру».

Несмотря на распространение демократических принципов, некоторые страны, официально принявшие либертарианские гарантии против контроля правительства над прессой, возвращаются к авторитарной практике всякий раз, когда возникает внутренний политический кризис. Аргентина и Колумбия, например, приняли традиционные конституционные гарантии для прессы, но обе страны при случае игнорировали эти конституционные положения и запрещали нежелательные публикации (по поводу недавнего примера в Колумбии см. 43:36). В заключительный период второй мировой войны приверженцы либертарианских идей страстно надеялись, что, когда окончится война и будет создана эффективная международная организация, демократические принципы свободы слова и печати распространятся по всему миру. Они были уверены, что, выйдя на международную арену, смогут победить принципы авторитаризма и коммунизма. Всемирное признание «основных прав человека», трактуемых в русле либертарианской традиции, было одним из побудительных мотивов, стоявших за создание Организации Объединенных Наций. Свобода выражения мнений, под влиянием американских экспертов ставшая впоследствии известной как «свобода информации», была одним из таких прав. Задача формулирования и соблюдения прав человека во всем мире была поручена Генеральной Ассамблее ООН, Экономическому и Социальному Совету и специально созданной Комиссии по правам человека. Комиссия по правам человека создала подкомиссию по свободе информации и печати, которая занималась специальными проблемами средств массовой коммуникации. В 1948 году на Женевской конференции Организации Объединенных Наций по свободе информации сторонники авторита-

ризма, либертарианства и коммунизма представили свое собственное понимание функции средств массовой информации в обществе. Несмотря на очевидные трудности согласования разных точек зрения, лидеры государств, представленных в ООН, надеялись, что по каким-то вопросам согласие может быть достигнуто. Последующие конференции и заседания подкомиссии занимались такими частными проблемами, как адекватность новостей, получаемых народами мира, барьеры, препятствующие свободному потоку информации, международный кодекс норм поведения сотрудников информационных служб, глушение радиопередач, свободный показ кинохроники, проблема газетной бумаги и дискриминация сотрудников иностранных информационных служб.

Тем временем Генеральная Ассамблея подготовила проект Конвенции о международной передаче новостей и праве на исправление, которая была одобрена, но не открыта для подписания в ожидании окончания работы над проектом Конвенции о свободе информации. В этот момент механизм согласования сломался окончательно из-за невозможности примирить разные точки зрения. Главными антагонистами в этом процессе были Соединенные Штаты на одном полюсе и Советская Россия на другом. Между ними находились те небольшие страны, которые не желали принимать ни принципы либертарианства, ни принципы коммунизма. В последние несколько лет никакого явного прогресса в решении проблемы информационных агентств на всемирной основе достичь не удалось.

Анализируя причины возникших трудностей, докладчик по вопросу о свободе информации Экономического и Социального Совета писал в докладе за 1954 год:

«Непременной чертой всех дебатов о свободе информации и главным фактором в торможении прогресса явилось отчетливое различие мнений, касающихся прав и свобод в противопоставлении обязанностям и обязательствам, заложенным в понятии свободы информации. Было бы однако упрощением сводить это

различие к конфликту между тезисом, что интересам организованного общества отвечает неограниченный доступ к рынку идей, и тезисом, что такие интересы лучше защищены посредством государственного контроля и воздействия на умы. Действительная ситуация в мире может быть более точно охарактеризована как «непрерывный идеологический спектр», где самые различные страны занимают место между двумя крайностями. Этот «спектр» проявлялся практически во всех дискуссиях о свободе информации, начиная с 1946 года» (50:11).

ВЫВОДЫ

Либертарианское понимание функции средств массовой информации в демократическом обществе имеет длинную историю. Эта история шла параллельно развитию демократических принципов в государственном управлении и свободного предпринимательства в экономике. Сама теория ведет свою достойную родословную от философов древних времен, но самый большой импульс она получила благодаря достижениям в Западной Европе в шестнадцатом и семнадцатом веках. От Мильтона до Холмса в этой теории подчеркивалось главенство принципа свободы личности и свободы суждений, а также аксиомы, что истина, если ее не ограничивать, выйдет победителем из любого поединка. Лозунгами этой теории являются «процесс возвращения к истине» и «свободный рынок идей». Она была неотъемлемой частью великого марша демократии, который привел к колоссальному прорыву к процветанию человечества, и на протяжении двухсот лет она была путеводным принципом западной цивилизации. В последние годы либертарианская теория подвергалась глубокой критике. Часть этих критических замечаний изложена в следующей главе, посвященной теории социальной ответственности. Критики указывают, что некоторые из аксиом теории далеко не верны. Рационализм подвергается нападкам, особенно со стороны современных психологов, теория естественных прав рассматривается просто как убедительный лозунг, лишенный глубоких по-

литических или социальных оснований, свободное предпринимательство ставится под сомнение как экономическая философия, а право личности подвергать опасности благосостояние большинства подвергается мощной критике. Карлу Бекеру удалось хорошо передать эту сумятицу мнений:

«Что лишает нас цели и разбивает надежды, так это то, что простые понятия, на которые уверенно опиралась эпоха Просвещения, утратили для нас значение как универсальная и непогрешимая истина. Естественный закон оказался не более чем удобной и временной гипотезой. Непредписываемые права законны только в той мере, в какой предписанный закон жалует их. Свобода, когда-то отождествлявшаяся с освобождением личности от ограничений государства, теперь рассматривается как неотделимая часть сложной системы социального регулирования. Даже четкие определяющие границы разума и истины размыты. Теперь мы полагаем, что разум — функция организма животного, а истина — не более чем восприятие противоречивого опыта, прагматически адаптируемого для данной цели и данного времени» (32:93).

Невзирая на такие сомнения, либертарианская теория продемонстрировала свои теоретические и практические преимущества. Она сняла оковы с ума человека и открыла человечеству новые перспективы. Ее самый большой недостаток заключается в неспособности обеспечить строгие нормы повседневной работы средств массовой информации, а точнее, найти устойчивую формулу, разграничивающую свободу и злоупотребление свободой. Она расплывчата и неопределенна, а иногда непоследовательна. В то же время ее главные достоинства заключаются в гибкости, способности приспособливаться к переменам и, главное, в убеждении, что она может способствовать интересам и благосостоянию людей, основываясь на самоопределении человека.

Глава

3

Теория
социальной
ответственности
прессы

В наши дни, когда издатели газет рассуждают о своей профессии, в их разговорах скорей всего можно услышать фразы типа «право общественности на информацию» и «общественная ответственность прессы». Такие идеи и вытекающая из них практика прессы являются новым важным видоизменением традиционной теории, поскольку нигде в самой либертарианской теории не содержится утверждений о праве общественности на информацию или требований к издателям принимать на себя моральные обязательства. Вильяму Питеру Гамильтону из «Уолл-стрит джорнэл» приписывается следующее довольно обоснованное определение позиции издателя, приверженного либертарианской теории: «Газета является частным предприятием, которое абсолютно ничего не должно публике, а публика не предоставляет газете никаких особых прав. Газету, следовательно, не волнуют никакие общественные интересы. Она безусловно является собственностью владельца, который продает произведенный товар на свой собственный страх и риск...»

КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ТЕОРИИ

В двадцатом веке произошел постепенный отход от чистого либертарианства, и на его месте стала возникать так называемая «теория социальной ответственности прессы». Что именно мы подразумеваем под «теорией социальной ответственности»? Позднее, когда мы сравним эту теорию с либертарианской теорией, мы увидим ее в полном объеме и значении. Здесь же позвольте нам набросать общие контуры этой теории, чтобы было ясно, о чем идет речь. Теория социальной ответственности исходит из следующей главной посылки: свобода несет с собой сопутствующие обязательства, и пресса, которая при нашей системе правления находится в привилегированном положении, обязана нести ответственность перед обществом, выполняя определенные важные функции массовой коммуникации в современном обществе. В той мере, в которой пресса признает свои обязательства и основывает на них практику повседневной работы, либертарианская система будет соответствовать нуждам общества. В той мере, в какой пресса не берет на себя свои обязательства, какая-то другая сила должна следить за тем, чтобы основные функции массовой коммуникации были реализованы.

В рамках теории социальной ответственности пресса имеет такие же функции, как и в либертарианской концепции. По мере развития традиционной либертарианской теории прессе стали отводить шесть задач: 1) обслуживание политической системы посредством обеспечения информации, обсуждения и полемики по социальным вопросам; 2) просвещение публики с тем, чтобы она была способна к самоуправлению; 3) обеспечение прав личности, при котором пресса является сторонником по отношению к правительству; 4) обслуживание экономической системы, прежде всего сводя вместе покупателей и продавцов, товары и услуги посредством рекламы; 5) предоставление развлечения; 6) поддержание своей собственной финансовой самостоятельности, чтобы быть свободной от давления конкретных интересов.

Согласно теории социальной ответственности, у прессы действительно есть шесть таких задач, но эта теория отражает неудовлетворенность тем, как некоторые владельцы и руководители средств массовой информации понимают эти функции, и тем, как пресса их выполняет. Теория социальной ответственности точно так же трактует роль прессы в обслуживании политической системы, в просвещении общественности и в гарантировании свобод личности, но она представляет ту точку зрения, что пресса выполняет эти функции недостаточно хорошо. Эта теория признает роль прессы в обслуживании экономической системы, но не приемлет положение, когда эта задача главенствует над такими функциями, как продвижение демократических процессов или просвещение общественности. Она признает роль прессы в предоставлении развлечения, но с условием, что это «хорошее развлечение». Теория признает необходимость для прессы как института быть финансово независимой, но утверждает, что в случае необходимости определенные средства массовой информации следовало бы освободить от обязанности зарабатывать на рынке деньги на свое содержание.

КОРНИ ТЕОРИИ

Либертарианская теория была соединением различных идей, и ныне появляющаяся теория социальной ответственности точно так же складывается из идей, принадлежавших разным людям. Те, кто сделал вклад в эту теорию, могли бы отвернуться от нее в целом так же, как, скажем, Милтон, который предложил идею процесса возвращения к истине, ставшую частью либертарианской теории, придрался бы к этой теории в ее полном виде.

Теория социальной ответственности все еще находится в состоянии, когда новые идеи пересаживаются на традиционную теорию. Тем не менее Комиссия по вопросам свободы печати в своих различных книгах, выпущенных после второй мировой войны, сделала очень

многое, чтобы превратить идею социальной ответственности из простого придатка традиционной теории в новое и цельное теоретическое построение. Особенно существенными в этом смысле были книги *«Свободная и ответственная пресса»*, созданная Комиссией в целом, и *«Свобода печати: Контуры принципа»*, написанная Уильямом Хокингом, членом этой Комиссии. Даже среди самих членов Комиссии не было полного единодушия, поскольку некоторые из них твердо придерживались традиционных убеждений, а кто-то с ними существенно расходился. Но все члены Комиссии согласились написать совместный доклад и краткое «Изложение принципа».

Как и либертарианская теория, теория социальной ответственности, возникающая на ее месте, является англо-американским понятием. Примерно в то же время, когда Комиссия начала издавать свои доклады, Королевская комиссия по делам прессы, образованная по настоянию Национального союза журналистов, начала изучать проблему концентрации в британской прессе и рассматривать пути улучшения работы прессы в Великобритании. Доклад Королевской комиссии созвучен трудам Комиссии по вопросам свободы печати и дополняет их.

Необходимо помнить, что теория социальной ответственности пока действительно не более чем теория. Но и в этом качестве она имеет важное значение, потому что она подсказывает направление, в котором движется теоретическая мысль, разрабатывающая вопросы свободы печати. Кроме того, некоторые аспекты теории были воплощены на практике.

В Великобритании, например, по рекомендации Королевской комиссии был создан Генеральный совет по печати, призванный способствовать развитию в прессе духа общественной ответственности и служения обществу. Основная функция Совета состоит в осуждении и предании гласности сомнительной практики в прессе, расследовании жалоб, восстановлении справедливости, если жалобы оказываются обоснованными, и в ответах

на них, если жалобы беспочвенны. Первый годичный доклад, опубликованный Советом, содержал обвинения в адрес некоторых конкретных газет и обзор тенденций, наблюдаемых в прессе в целом.

Если говорить об Америке, то здесь издатели нескольких газет, из которых мы упомянем лишь *«Пост-Диспеч»* в Сент-Луисе, *«Курьер-джорнэл»* в Луисвилле, *«Джорнэл»* в Милуоки и газеты Коулза в Айове и Миннесоте, проявляют чувство высокой ответственности перед сообществами, которым они служат. Киноиндустрия, работающая в условиях самоцензуры, служит общественным интересам, как она их понимает. Радио и телевизионные сети и станции, обязанные по закону служить общественным интересам, работают во имя того, что они считают общественным благом. Многие, без сомнения, отметят, что существует глубокое расхождение между подлинными общественными интересами и тем, как их понимают кинематограф, радио и телевидение. Дело, однако, не в этом. Важно то, что саморегулирование в кинематографе и государственное регулирование в вещании означают разрыв с традиционной теорией прессы. Эти факты больше сочетаются с теорией социальной ответственности, чем с либертарианской теорией.

Когда архитекторы федеральной конституции добавили поправку, устанавливающую свободу печати, у них не было намерения связывать издателей определенными обязательствами в обмен на их свободу. Как сказал Чарльз Бирд, свобода печати означала «право быть справедливым или несправедливым, пристрастным или беспристрастным, правым или неправым в колонках новостей и в колонке редактора», и сообщение правды имело к ней очень малое или вообще никакого отношения (77:13). В первые годы после создания новых Соединенных Штатов пресса действительно была пристрастной, злобной и несдержанной, и Фрэнк Лютер Мотт назвал начало девятнадцатого века «средневековым пристрастной журналистики». Не исключено, что издатели думали, будто общественное мнение одобряет их

перегибы, поскольку общественное мнение требовало положить конец ограничениям свободы печати.

Существовала, однако, и более глубокая причина, по которой архитекторы конституции дали издателям свободу действий, и мы исследуем эту причину более подробно, когда будем обсуждать послышки, лежащие в основе нарождающейся теории социальной ответственности прессы. Создатели конституции были детьми эпохи Просвещения, и их предположения о природе человека и об отношении человека к государству были заложены в инструмент, который они конструировали. Они считали, что правительство — главный враг свободы и пресса должна охранять свободу личности от посягательств правительства. Если бы пресса была свободной, люди бы высказывались. Да, конечно, они могли лгать, клеветать и передергивать. Но чудесная невидимая рука, которую представлял себе Адам Смит, и процесс возвращения к истине, который разглядел Джон Милтон, все исправят. Человек станет искать истину в бушующем море идей, захлестнувших рынок, и, будучи разумным, он отличит правду от лжи, а добро от зла.

В какой-то момент, однако, оптимистическая вера в то, что практически абсолютная свобода и природа человека несут в себе естественные ограничители, способные поправлять прессу, стала уменьшаться. Довольно значительная часть ясно мыслящих американцев начала требовать от прессы соблюдения норм в ее работе. Они угрожали, что, если пресса не будет следовать некоторым из этих норм, ей будет предписано соблюдать их в законодательном порядке, и такие законы действительно были приняты. Издатели, главным образом по собственной воле, стали увязывать свободу с ответственностью. Они разрабатывали кодексы этического поведения и руководили своими средствами информации, проявляя некоторую заботу об общественном благе, по крайней мере, как они его понимали. Короче говоря, в какой-то момент стал выявляться мотив социальной ответственности, и, чтобы понять, в каких условиях это происхо-

дило, давайте рассмотрим исторические причины этого мотива, прежде чем подвергнем его критическому обсуждению.

ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ ПОДОПЛЕКА ТЕОРИИ

Появление теории социальной ответственности было порождено несколькими обстоятельствами. Первое из них заключалось в технологической и промышленной революции, которая изменила лицо страны и американский образ жизни и которая повлияла на природу самой прессы. Вторым обстоятельством была острая критика, часто звучащая в адрес средств массовой информации, которые становились все более влиятельными и вездесущими, и эта критика иногда несла в себе немую угрозу введения государственного регулирования. Кроме того, возник новый интеллектуальный климат, и он заставлял некоторых людей с подозрением относиться к основным постулатам эпохи Просвещения. И наконец, в среде журналистов рос профессиональный дух, и эта тенденция была вызвана тем, что в журналистику приходило все больше принципиальных и образованных людей, а индустрии коммуникации отражали растущее чувство социальной ответственности у деловых людей Америки и в промышленности в целом.

Технологическая и промышленная революция, а также социальные изменения, которые она принесла, имели многообразные последствия для прессы. Технологические достижения помогли увеличить объем, скорость подачи и точность старых средств информации и принесли с собой такие новые средства, как кино, радио и телевидение. Индустриализация сопровождалась ростом объема рекламы, которая стала главным средством экономической поддержки для газет, журналов и вещания. Она также сопровождалась урбанизацией, и большие скопления людей сделали возможным появление газет с большими тиражами. Успехи в образовании и появлении большого числа новых граждан колоссально увеличили рынок для прессы, которая стала всепроникающим по-

средником. Она также стала контролироваться сравнительно малым числом владельцев. Технологические достижения позволили всего нескольким средствам информации обслуживать огромную аудиторию. Однако технически возможность обращаться к большой аудитории стоила дорого. По мере того как издательские предприятия становились все крупнее и стоили все дороже, новичкам было труднее и труднее открывать новые предприятия в коммуникационной сфере, и многие старожилы не смогли выжить. Собственность на средства информации сконцентрировалась в руках сравнительно немногих владельцев. Число ежедневных газет постоянно уменьшалось, все меньше становилось городов, где были конкурирующие между собой газеты. На долю пяти громадных издательств приходилась большая часть всех журнальных тиражей и средств, затрачивавшихся на журнальную рекламу. Еще пять компаний производили почти все фильмы, которые смотрели американцы. Две или три сети обслуживали практически все вещательные станции в стране.

РАСТУЩАЯ КРИТИКА ПРЕССЫ

Превратившись в гигантское и всепроникающее оружие массовой коммуникации, пресса стала объектом серьезной критики. Первая книга, содержащая нападки на прессу, появилась в 1859 году, но пресса подвергалась критике и раньше. В двадцатом веке напор критики стал гораздо сильнее.

Как правило, темы, по поводу которых пресса становилась предметом критики, в двадцатом веке сводились к следующему:

1. Пресса пользуется своей огромной властью в собственных интересах. Люди, владеющие прессой, проводят свои собственные взгляды, особенно в вопросах политики и экономики, в ущерб мнению оппонентов.
2. Пресса пресмыкается перед большим бизнесом и временами позволяет рекламодателям контролировать редак-

ционную политику и содержание редакционных комментариев.

3. Пресса сопротивляется социальным переменам.

4. В освещении текущих событий пресса часто обращает больше внимания не на существенное, а на поверхностное и сенсационное, а развлекательным материалам, которые она представляет, зачастую недостает содержательности.

5. Пресса является угрозой общественным нравам.

6. Пресса без достаточных на то оснований вторгается в частную жизнь людей.

7. Пресса контролируется одной социально-экономической группой, ограниченной «классом предпринимателей», и новым людям трудно пробиться в эту сферу, а следовательно, ставится под угрозу свободный и открытый рынок идей.

Таковы были общие обвинения против прессы в целом, а их конкретные пункты менялись в зависимости от момента и от того, какое средство информации имелось в виду.

Книги и журналы, возможно, подвергались критике реже, чем другие средства информации. Тем не менее отдельные книги время от времени с начала этого века подвергались осуждению за развращение общественных нравов. Ту же судьбу разделило большое число книг, выпущенных в дешевых бумажных обложках в сороковые и пятидесятые годы. Журналам часто попадало в тех случаях, когда критиковали всю прессу оптом, а иногда их критиковали и прицельно, осуждая за малую общественную пользу и слишком большое внимание к коммерческой стороне дела. Самая громкая критика раздавалась в адрес маргинальных периодических изданий, которые имели дело с порнографией и комиксами, за то, что они способствовали разложению нравов и толкали молодежь к преступлениям.

Многие из направлений тогдашней критики в адрес газет были сформулированы Уиллом Ирвином в 1911 году в серии статей в журнале *«Коллиерс»* (71). Ирвин, в частности, отмечал, что источник влияния газет перекочевал из редакционных статей в колонки новостей и что не

только реклама, но сама коммерческая природа газет ответственна за многие из их несовершенств. Он отмечал также, что проникновение новых участников в эту среду крайне затруднено. Поскольку реклама становилась для газет все более важной, ее рассматривали как низменную силу, которая отравляла колонки новостей, а редакторов заставляла не пропускать материалы, неблагоприятные для крупных рекламодателей. Такого взгляда придерживались Эптон Синклер в *«Медной марке»*, вышедшей в 1919 году, и Джордж Сельдес в *«Свободе печати»*, написанной в 1935 году. Сельдес проводил эту точку зрения в информационном бюллетене «Ин фэкт» в сороковые годы, но к тому времени подобные упреки уже воспринимались с сомнением, поскольку критики прессы признали, что как предприниматель издатель, естественно, мог разделять мнение других предпринимателей и испытывать на себе их влияние, которое проявлялось в поведении его газеты. В качестве предпринимателей в тридцатые годы издатели были мишенью для критики, направленной против предпринимательства в целом, и были героями таких групповых портретов «лордов прессы», как *«Американская палата лордов»* Гарольда Икиса, и таких индивидуальных портретов, как *«Суверенный Херст»* Фердинанда Ландберга. В сороковые годы главное беспокойство у критиков вызывало падение общего числа ежедневных газет, при том, что тиражи были рекордно высокими, и многие наблюдатели считали, что такая ситуация может стать препятствием для свободного обмена идеями.

Обвинения против кино начиная с двадцатых годов остаются одними и теми же: утверждают, что оно подрывает нравственность и что оно не сумело поднять уровень общественного вкуса. В двадцатые годы кинематограф подвергался яростной критике за пристрастие к сексу, похотливую рекламу и эскапады кинозвезд в жизни, а не на экране. Под давлением общественного мнения киноиндустрия создала механизм самоконтроля и выработала первый из своих этических кодексов. После этого критики нападали на кино за показ секса и наси-

лия, за искажение картины американской жизни и за инфантильность сюжетов. В июле 1938 года Министерство юстиции возбудило судебные процессы против крупнейших кинокомпаний на том основании, что они прибегали к монополистической практике и незаконному ограничению торговли в производстве, распределении и демонстрации кинофильмов. После десятилетних слушаний и разбирательств Верховный суд пришел к заключению, что пять полностью интегрированных компаний имели целью установить монополию на демонстрацию фильмов, хотя он не обнаружил монопольной или незаконной практики при их производстве. По предписанию суда или по соглашению, заключенному между сторонами, к 1952 году пять крупнейших производителей должны были избавиться от кинотеатров, которыми они владели, и прекратить торговую практику, наносящую ущерб независимым кинопрокатчикам.

Критика в адрес радио и телевидения сложилась в уже знакомую схему, и некоторые из претензий имеют отношение к господству в эфире программ, составляемых двумя или тремя основными сетями. Одна общая претензия сводится к тому, что программы составляются не сетями, как должно было бы быть, а рекламодателями и их агентами, которые подбирают состав исполнителей и покупают время, чтобы передавать их вместе со своими раздражающими рекламными вставками. Другой причиной недовольства является то, что станции не служат местной общественности, давая шанс местным талантам, обсуждая местные проблемы и так далее, а стали вместо этого просто каналами реализации для больших сетей. Еще одно частое обвинение состоит в том, что у слушателя есть только мнимый выбор между программами: в какой-то определенный момент он выбирает не между программой о культуре и комедией, а между двумя очень похожими комедиями. Критики также высказывали возражения по поводу преобладания развлекательных программ над серьезными и по поводу низкого качества предлагаемого развлечения. Другие критики отмечали, что при обсуждении общественных проблем ра-

дио и телевидение делают явный выбор в пользу консервативных обозревателей, избегая настоящей и полнокровной дискуссии. У телевидения к тому же был замечен дополнительный недостаток: при составлении телевизионных программ делается слишком большой упор на преступность и насилие.

НОВЫЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ КЛИМАТ

Интеллектуальный климат двадцатого века, по-видимому, способствовал развитию концепции теории социальной ответственности и упадку либертарианской теории. Как однажды заметил Алфред Норт Уайтхед*, ментальность эпохи выводится из мировоззрения, доминирующего среди образованных слоев общества, и это мировоззрение влияет на образ мыслей в таких областях, как этика, религия и наука (82:VIII). Из этого следует, что теория прессы, которая коренным образом расходится с ментальностью этой эпохи, может по праву быть изменена или полностью отброшена. Между тем либертарианская теория не соответствует возникающему мировоззрению, которое, по всей видимости, заменяет то, при котором либертарианская теория зародилась, как вполне правдоподобно указывает Джей У. Дженсен (73).

Либертарианская теория прессы была приспособлена к мировоззрению эпохи Просвещения. Ее основой была находящаяся в вечном движении ньютоновская мировая машина, извечно подчиняющаяся ходу вещей в соответствии с неизменяемыми законами природы; философия естественных прав Джона Локка, настаивающая на неотъемлемости свободы и на разумности человека; доктрина классической экономики, настаивающая на минимальном вмешательстве государства в экономику и отстаивающая убеждение, что, работая в собственных интересах, люди неизбежно будут работать на общее благо; и процесс возвращения к истине, в соответствии с которым, как формулировал его Джон Мильтон, исти-

*Алфред Норт Уайтхед (1861—1947) — английский математик и философ. (Примеч. пер.)

на обнаружит себя в результате свободного столкновения идей на открытом рынке.

Однако революция в современном мышлении почти полностью разрушила мировоззрение, на которое опиралась либертарианская теория прессы. Возникающее мировоззрение двадцатого века формируется в результате революции, произведенной Дарвином и Эйнштейном и вызвавшей глубокие изменения в мышлении образованных слоев общества. Дженсен так подытожил воздействие современного мышления на либертарианскую теорию:

«Совершенно очевидно, что философские основания традиционной концепции свободы печати были стремительно подорваны революцией в современном мышлении. Статичная и неподвластная времени мировая машина Ньютона была разрушена идеей эволюции и динамичными понятиями современной физики. Доктрина естественных прав, предложенная Локком, была низвергнута не только философией романтизма, но и современной общественной наукой. Классическая экономика свободного предпринимательства была отвергнута большинством современных экономистов и практически всеми современными индустриальными странами. Более того, мильтоновская доктрина «процесса возвращения к истине» последнее время перестала вызывать доверие» (73: 405-406).

Идеи, разрушившие ньютоновскую космологию и философские основы традиционной теории, более сочетаются с коллективистской теорией общества, чем с теорией индивидуализма, давшей начало либертарианской системе. Каждая из этих двух до некоторой степени антагонистических теорий общества, и индивидуалистическая и коллективистская, влечет за собой важные следствия относительно функций прессы и относительно того, каким образом эти функции выполняются. Согласно теории индивидуализма, личности отдается приоритет перед обществом. В противоположность этому в коллективистской теории предполагается, что общество имеет первоочередное значение по сравнению с личнос-

тью. Логическим завершением коллективистской теории безусловно является тоталитаризм, представленный фашизмом и коммунизмом.

Тем не менее даже общество, функционирующее в согласии с принципами теории индивидуализма, перенимает в каких-то аспектах некоторые элементы коллективизма. Теория социальной ответственности представляет собой именно такое переплетение идей. Это не означает, что теория социальной ответственности даже в самых крайних своих проявлениях является свидетельством тяготения к тоталитаризму. Напротив, социальная ответственность средств информации рассматривается в данной теории как гарантия против тоталитаризма. Комиссия по вопросам свободы печати констатировала, что привлекательная идея, будто правительство может разрешить все проблемы, проистекающие из сложности современного общества и из концентрации власти в каких-то областях, таит в себе серьезную потенциальную опасность для свободы печати. Если нация доверяет правительству исправление ситуации, в которой находится пресса, это может означать, что, сама того не желая, она движется к тоталитаризму. «Если современному обществу требуются крупные организации массовой коммуникации и если эти организации становятся такими мощными, что превращаются в угрозу демократии, если демократия не может решить проблему их разукрупнения, тогда эти организации должны контролировать себя сами или контролироваться правительством. Если они контролируются правительством, мы теряем нашу главную гарантию против тоталитаризма и в то же время делаем большой шаг по направлению к нему» (66:5).

Идеи, на которых основывается демократический капитализм, в двадцатом веке тоже претерпели изменения, и убеждение, что каждый предприниматель, эгоистично преследуя собственные интересы, будет автоматически способствовать общему благу, уступило дорогу убеждению, что американские деловые круги и промышленность должны принять на себя определенные обязательства по отношению к общественности. Выра-

жение «к черту публику» уступило место выражению «потребитель — это король». Наряду с этим чувством ответственности перед общественностью, характерным для американского капитала и промышленности в двадцатом веке, пресса выработала понимание, что она призвана служить всеобщему благоденствию. Исполняя эту миссию, она заронила семена последовательной теории социальной ответственности.

НОВОЕ ЧУВСТВО ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Трудно сказать, когда именно традиционная теория практически неограниченной свободы прессы начала сдавать свои позиции, а издатели начали принимать на себя определенную ответственность. Конечно, издателей вряд ли заботили этические стороны их профессии, пока они оставались в первую очередь печатниками и рассматривали свои газеты как придаток к своим печатным заведениям, хотя с самых ранних пор среди журналистов были люди, преисполненные благих намерений. К середине девятнадцатого века журналистика стала привлекать образованных и принципиальных людей, которые устанавливали высокие требования к своему ремеслу и старались их выдерживать. Некоторые из таких людей разрабатывали кодексы профессионального поведения для своих сотрудников. Укреплению профессионального духа в какой-то мере способствовали и школы журналистики, которые начали появляться в первые годы нашего века и которые не только учили журналистским приемам, но со временем стали все больше обращать внимание на те обязательства, которые должны брать на себя средства информации. С начала двадцатого века издатели стали все чаще говорить об обязанностях, вытекающих из того привилегированного положения, которое пресса занимала по конституции. Защищая свое предложение о создании школы журналистики, Джозеф Пулитцер в 1904 году писал в *«Норт америкэн ревью»*: «Только самые высокие идеалы, самое добросовестное стремление поступать справедливо, самое точное знание про-

блем, с которыми ей придется столкнуться, и искреннее чувство ответственности спасут журналистику от раболепства перед классом имущих, преследующих эгоистические цели и противодействующих общественному благоденствию» (75:658).

По мере того как двадцатый век шел вперед, другие издатели аналогичным образом высказывались не просто об их праве на свободу печати, но и об ответственности, связанной с этим правом. К ним присоединились кинематографисты и работники радио и телевидения. Издатели в городах, где была одна газета, говорили об ответственности, которую налагает на них их монопольное положение. Внутри индустрии средств информации отдельные группы разрабатывали кодексы норм профессионального поведения. Подобный дух существовал не только в крупных организациях, имеющих отношение к средствам коммуникации. Например, спустя пятьдесят лет после того, как Пулитцер написал свои слова для *«Норт америкэн ревью»*, акционеры маленькой газеты *«Парк риджен экоу»* в Александрии, штат Миннесота, приняли декларацию о намерениях, в которой говорилось:

«Прежде всего мы должны признать, что подлинно замечательная газета должна быть чем-то более значимым, нежели персональная или общая совесть тех, кто ее редактирует в том смысле, что, когда она говорит, ее слова принадлежат кому-то гораздо более мудрому, рассудительному, справедливому, страдающему, отзывчивому и честному, чем те искалеченные слабостями и недостатками люди, задачей которых является писать те слова... Подлинно замечательная газета должна оставаться свободной от силков любых особых групповых интересов».

Возникновение вещания превратило правительство в одного из главных доноров теории социальной ответственности. В начале двадцатых годов, когда радиостанции открывались в огромных количествах и совершенно хаотично, конкуренты вешали на одних и тех же волнах, любители смещивали свои сигналы с сигналами

профессионалов, и во все большее число домов слушателей приходила какофония. Побуждаемое вещательной индустрией правительство было вынуждено вмешаться, чтобы навести порядок на радиоволнах. В 1927 году Конгресс создал Федеральную комиссию радиовещания с целью распределения радиочастот и наблюдения за содержанием программ. По закону о связи 1934 года, в котором оговаривалось, что работа вещания должна отвечать общественным интересам, была создана Федеральная комиссия связи, постоянная правительственная организация, выдающая лицензии на вещание и осуществляющая надзор за эфиром. Хотя закон прямо запрещает Федеральной комиссии связи осуществлять цензуру программного материала, комиссия встала на ту позицию, что ее обязанностью является надзор за всем содержанием программ, чтобы обеспечить соответствие программ общественным интересам. В то время как держатель лицензии имеет право выбирать конкретный материал, комиссия тем не менее заявила, что его выбор должен «соответствовать политике Конгресса, считающего, что радио должно оставаться средством свободы слова для общественности в целом, а не превращаться в канал для выражения чисто личных или частных интересов держателя лицензии» (80:33). Директивные указания Федеральной комиссии связи, меры, принимаемые ею против некоторых вещательных компаний, и ее полномочия выдавать и отбирать лицензии напомнили вещательным компаниям, что они попечители, но не владельцы эфира.

Установив, что как пресса, так и ее критики согласны с тем, что прессе следует взять на себя некие обязательства, мы подходим к развилке, откуда по одной дороге идет теория социальной ответственности в том виде, в каком ее разрабатывают самые ясно мыслящие выразители мнения самой прессы, а по другой следует теория в той самой четкой ее формулировке, которая была предложена Комиссией по вопросам свободы печати. Обе эти дороги уводят прочь от традиционной либертарианской теории и в каких-то местах идут параллель-

но. Хотя пресса отнеслась к докладу Комиссии в целом враждебно, критика не касалась нескольких основных положений доклада. Очевидно, мало кто в средствах информации спорил с Комиссией по принципиальному пункту о социальной ответственности прессы или даже по поводу функции прессы в современном демократическом обществе. Многие представители прессы, выступавшие от ее лица, действительно совпадали во мнении по этим самым пунктам с выводами Комиссии, которая утверждала, что большинство высказанных ею идей были заимствованы у представителей разных профессий в средствах информации. Однако пресса не приняла оценки Комиссии по поводу того, как она исполняет свои функции, а также критиковала утверждение, что концентрация контроля в средствах массовой информации ставит под угрозу свободный поток идей, возражая на это, что природа конкуренции стала другой. Но самую большую критику у прессы вызвало предложение Комиссии о хотя и осторожном, но все же расширении власти правительства над средствами информации.

Поскольку материалы Комиссии предлагают самое обобщенное обсуждение целей, стоящих перед прессой в рамках теории социальной ответственности, и эти материалы никогда подробно не анализировались с точки зрения их значения для традиционной теории, мы уделим здесь больше всего внимания теории социальной ответственности в том виде, как ее сформулировала Комиссия, и в частности Уильям Хокинг, один из ее членов. Следует, однако, помнить, что в значительной мере теория была сформирована самой практикой представителей разных средств массовой информации, даже если они не соглашались с логическими следствиями, вытекающими из доклада Комиссии.

КОДЕКСЫ НОРМ ПОВЕДЕНИЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ НОВОЙ ТЕОРИИ

Даже сами кодексы норм поведения, выработанные различными средствами информации, демонстрируют изменение в подходе к таким вопросам, как природа че-

ловека и принцип этичного поведения. Самый ранний из этих кодексов — Каноны журналистики — был принят Американским обществом редакторов газет в 1923 году. Кодекс призывал газеты работать с чувством ответственности по отношению к общественному благу, соблюдая искренность, правдивость, беспристрастность, честность, порядочность и уважение к частной жизни человека. Может быть, потому, что газеты существовали уже триста лет к тому времени, когда был разработан кодекс, и имели долгую традицию. Каноны менее заметно отходят от либертарианской теории, чем кодексы таких средств информации двадцатого века, как кино, радио и телевидение. В кодексе отражена вера в то, что человек прежде всего разумное существо, способное обнаружить истину и силой разума различать добро и зло, вера в целительную силу процесса возвращения к истине и убеждение, что газета, главным образом, является инструментом просвещения и апеллирует к критической способности читателя. Каноны с очевидностью предполагают, что газеты должны способствовать демократической форме правления, облегчая процесс возвращения к истине, так как, стремясь к таким идеалам, как правдивость и честность, пресса может содействовать проявлениям этого процесса. Единственно новая идея, заложенная в Канонах, это идея о том, что пресса несет ответственность перед обществом за его благополучие.

Кодекс киноиндустрии, разработанный в 1930 году, кодекс радиовещания, сформулированный в 1937 году, и кодекс телевизионного вещания, принятый в 1952 году, отражали изменившийся интеллектуальный климат. Все эти кодексы составлялись на фоне враждебного отношения общества к средствам информации. Кодекс киноиндустрии был разработан, чтобы предотвратить введение государственного регулирования. Кодексы радио и телевидения разрабатывались в ситуации, когда индустрия вещания регламентировалась правительством, которое требовало, чтобы вещание отвечало общественным интересам и потребностям. Кодекс кино рас-

смачивает фильмы прежде всего как развлечение, хотя они и могут способствовать «правильному образу мыслей». Кодексы радио и телевидения видят вещание в основном как средство развлечения, хотя оно может приносить пользу экономической системе, поскольку включает в себя рекламу. Все три кодекса рассматривают свои средства коммуникации как всепроникающие и лишаящие человека способности к критическому осмыслению. Возможно, по этой причине кодексы отражают совсем другую картину человека, нежели газетный кодекс. Они рассматривают человека как принципиально незрелое существо, очень легко поддающееся моральному растрелению. Таким образом, этическое поведение в работе этих средств коммуникации отличается от тех норм, которые приняты в газетах. Как оно видится в кодексе кино, этическое поведение заключается в стимулировании общественной нравственности (в целом пропагандируя значение брака и святости домашнего очага, проявляя уважение к религии, закону, правосудию и национальным чувствам и обуздывая низменные страсти). Кодексы радио и телевидения подразумевают, что соблюдение норм этики заключается в стимулировании демократической формы правления через просвещение общества, поддержание общественной нравственности (примерно таким же образом, как и кино), а также удерживая рекламу в определенных рамках в общем объеме вещания и поддерживая ее высокие стандарты.

Как утверждает Комиссия по вопросам свободы печати, эти кодексы сами по себе не могут обеспечить то качество прессы, в каком она нуждается. Кодекс норм поведения для газет создавался служащими, а не нанимателями. Хотя, если его придерживаться, он бы превратил газеты в ответственного проводника новостей и дискуссии, констатирует Комиссия, он никогда не был и не может быть проведен в жизнь. Что касается кодекса кино, то Комиссия считает, что в нем просто реализован отрицательный подход, заключающийся в установлении минимальных требований приемлемости, но никак не ответственности, а поставленные цели недоста-

точно высоки. Кодекс вещания также не заслуживает никакого одобрения. Желание завоевать максимально большую аудиторию не позволило радио реализовать свои возможности служить общественным нуждам.

Что требует общество от своей прессы? «Сегодня требования американского общества выше по разнообразию, количеству и качеству, чем требования любого предыдущего общества во все эпохи», — говорит Комиссия. Одной из причин таких высоких требований является то, что американский гражданин во многом полагается на прессу. Он часто не имеет возможности узнать мир из первых рук, а живя в урбанизированном обществе, он не имеет большого шанса лично обсудить проблемы, как это было принято в более ранних обществах. Фермер из Канзаса, которому понятны причины забастовки в Детройте, автомобильный рабочий из Детройта, которому ясна политика правительства в области ядерной энергии, и государственный служащий из Вашингтона, который осознает последствия засухи в Канзасе, — все они должны полагаться на средства массовой информации. Что же касается идей, то, как и в случае новостей, американцам приходится дискутировать в основном в прессе, а не в маленьких группах, где можно видеть оппонента. Тем не менее, наряду с растущей зависимостью американцев от прессы в осуществлении своего участия в общественной жизни, собственность на средства информации сосредоточилась в руках небольшого числа лиц, и потребитель новостей и идей в значительной степени находится во власти компаний, действующих в сфере средств информации.

ТРЕБОВАНИЯ К РАБОТЕ ПРЕССЫ

Комиссия перечислила пять требований, которые современное общество предъявляет к прессе, и, взятые вместе, они обеспечивают критерий оценки ее работы. Нормы эти не были разработаны Комиссией, но, как она отмечала, были заимствованы из методов работы тех, кто занят в разных средствах массовой информации.

Первым требованием к прессе в современном обществе в формулировке Комиссии является «правдивый, исчерпывающий и вдумчивый отчет о событиях дня, данный в контексте, который делает их значимыми». В соответствии с этим требованием пресса должна быть точной, она не должна лгать. По мнению Комиссии, это требование означает также, что пресса должна подавать факт как факт, а мнение как мнение.

Сама пресса, по всей видимости, солидарна с Комиссией в том, что средства информации должны быть точными в подаче новостей, отделяя факты от мнений. Лучшим свидетельством согласия прессы с этим требованием и ее растущей верности общественным интересам является развитие объективного репортажа, который Герберт Брукер* причислил к самым выдающимся достижениям американской газетной журналистики. В начале девятнадцатого века газеты использовали новости как политическое оружие: их искажали, подавали не объективно или скрывали в угоду политическому моменту. Позднее газеты начали ограничиваться полосой редакционных комментариев для высказывания своих собственных мнений. Они стремились отражать новости объективно, избегая личных мнений и комментариев и стараясь представить точку зрения не одной, а всех сторон. Не вызывает сомнений, что объективный репортаж обязан своим появлением экономическим причинам, но тем не менее в основе его развития стояли философские основания. Отделяя новости от их толкования и представляя не только одну сторону, пресса содействовала процессу возвращения к истине и облегчала для разумного читателя поиск этой самой истины. Ко времени опубликования Комиссией своего доклада в 1947 году объективность стала не просто целью прессы, а превратилась в фетиш. Но правдивого и исчерпывающего отчета о новостях недостаточно, отмечает Комиссия. «Сообщать факт правдиво уже недостаточно. Теперь необходи-

*Герберт Брукер — американский журналист и редактор. (Примеч. пер.)

мо сообщать правду об этом факте». В этом заявлении мы имеем дело с предположением, что пресса выработала странный тип объективности — поддельной объективности, приводящей к полуправде, неполноте и невнятности. Прибегая к объективному репортажу, пресса попыталась избежать одностороннего подхода в подаче новостей, — подразумевает мнение Комиссии, — но, поступая так, средства информации не взяли на себя труд оценить для читателя достоверность разноречивых источников и не дали истинной картины, необходимой, чтобы полностью понять предложенную ситуацию. Иначе говоря, Комиссия полагает, что, вместо того чтобы считать две полуправды одной правдой, пресса должна искать «всю правду».

По этому пункту пресса также согласна с Комиссией, хотя и не так горячо, как с утверждением, что средства информации должны публиковать правду и отделять факты от мнений. Именно потому, что пресса соблюдает верность общественным интересам, она неохотно, по выражению доклада Комиссии, публикует правду о фактах. Добавление к одномерному материалу других измерений, чтобы приблизиться к истине, может иметь опасные последствия. Элмер Дэвис, радиокomentатор, так обрисовал эту дилемму прессы:

«Мне довелось видеть немало попыток, безусловно предпринятых с самыми лучшими намерениями, добавить те самые другие измерения, однако они были не плодом доказательств, а результатом мнений или предрассудков репортера, и, если бы такая практика оказалась всеобщей, в некоторых случаях они могли бы оказаться мнениями и предрассудками издателя, как это очень часто бывало в прошлом. Достаточно и одной «Чикаго трибюн». И даже если у человека бескомпромиссная совесть, а ум безжалостно объективен, как меры и весы в Бюро стандартов, он все равно может быть не таким точным, как ему хотелось бы, потому что он не знает все стороны вопроса или у него не хватает времени их узнать, поскольку ему надо охватить то, что перед ним есть, и написать об этом материал» (67:173-174).

«Однако несмотря на эту дилемму, — заключает Дэвис, — прессе следует поработать над тем, чтобы новости подавались в соответствующем контексте»:

«Хорошая газета или хорошая информационная вещательная компания должны пройти как канатоходцы между двумя глубокими пропастями, где с одной стороны — ложная объективность, которая все принимает за чистую монету и позволяет публике быть обманутой самым наглым шарлатаном, а с другой, — «комментированный» репортаж, который не может провести границу между объективным и субъективным, между достаточно хорошо установленным фактом и тем, что репортер или редактор хотели бы считать фактом. Сказать: пройди эту пропасть — легко, но сделать это трудно» (67: 175).

Девять сотрудников газет, получивших в Гарварде стипендию Нимана на 1945/46 учебный год, также поддержали Комиссию в ее призыве сообщать правду о фактах. Как и Дэвис, нимановские стипендиаты признают, что «правда» неуловима и что напряженный ритм, требуемый при издании ежедневной газеты, создает трудности для репортера, которому нужно собрать все факты, необходимые для многомерной подачи новостей. «Тем не менее, — говорят они в заключение, — каждый день газета представляет читателю массу пререканий о том, какие приближения к истине можно утверждать». Если сенатор Берд говорит, что можно уволить миллион государственных служащих без ущерба для эффективной работы правительства, а Президент говорит на это: «Вздор!» — кто из них прав? Нимановские стипендиаты утверждают: «Совершенно ясно, что отвечать на такие вопросы в демократическом обществе является функцией прессы и что она должна отвечать на них честно». Растущая роль пояснений в ежедневной прессе в последние два десятилетия и попытки таких комментаторов, как Эдвард Р. Мурроу, придавать новостям соответствующий фон говорят о том, что все большее число журналистов приходят к мнению, что просто сообщать новости недостаточно.

Второе требование, которому должна удовлетворять пресса, заключается, по мнению Комиссии, в том, что она должна служить «форумом для обмена замечаниями и мнениями». Это требование означает, что крупные организации в сфере массовой коммуникации должны рассматривать себя как средства общественной дискуссии, хотя это не означает, что закон заставляет их давать слово всем желающим или что правительство контролирует их тарифные ставки или даже что кто-то может требовать в качестве своего права, чтобы средства информации распространяли его взгляды. Проще говоря, это означает, что гиганты прессы должны доносить до публики мнения, противоположные тем, которых придерживаются они сами, не отказываясь при этом от права пропагандировать собственные взгляды. Пресса должна стараться представить все существенные точки зрения, а не только те, с которыми согласен владелец или редактор, и, представляя все эти точки зрения, ей следует тщательно указывать все источники новостей. Причина этого требования заключается в том, что контроль за прессой сосредоточивается во все меньшем количестве рук. Человек, которому есть что сказать, теперь уже не может своими силами докричаться до той аудитории, которая ему нужна, не может открыть свою газету или журнал и не может изложить свои взгляды в памфлетах, которые имели бы тот же престиж, какой средства массовой информации придают тому, что они печатают.

По этому пункту работники средств информации также, кажется, в большой степени разделяют мнение Комиссии. Норман Айзекс, старший редактор газеты «Луисвилль таймс» и президент ассоциации старших редакторов агентства Ассошиэйтед Пресс в 1952—1953 годах, заявлял, например: «Наша главная функция, перед которой все другие функции отступают на задний план, заключается в том, чтобы доносить информацию. Мы представляем собой средство общественного пользования. Свобода была дана прессе для этой цели, и ни для какой другой. Свобода прессы не может означать разрешение утаивать что-то от людей. А мы утаиваем от них

знание во всех случаях, когда проявляем отсталость и высокомерие в работе наших газет» (72:15). Редакторы и издатели любят говорить, что рост числа городов, где есть только одна газета, сопровождался повышением чувства ответственности перед своей аудиторией у тех ежедневных газет, которые сумели выжить. Представитель газет Коулза в Де-Мойне и Миннеаполисе утверждал, что у единственной в городе ежедневной газеты больше ответственности, чем когда бы то ни было, за то, чтобы «помогать обществу быть информированным и вести себя разумно», и что редакционная полоса является важным средством дополнения и восполнения новостей, представленных в газете. Как говорит Эдвард Линдсей из концерна газеты Линдсея—Шауба, монополистическая тенденция, наблюдаемая в газете как в редакционном комментарии, так и в рекламе, налагает на издателей дополнительную ответственность. «У них есть ответственность перед меньшинством за публикацию полных и объективных отчетов о новостях», — писал он в одной из своих газет. «У них есть ответственность перед деловыми кругами. Газетные издатели не могут позволить себе роскошь отказаться иметь дело с теми, кто им не нравится, или использовать свой контроль над средствами коммуникации, чтобы наказать тех, кто пользуется услугами конкурента...» Радиовещательные компании в своем кодексе обязуются приложить все усилия, чтобы обеспечить равенство возможностей при обсуждении общественных проблем, а в кодексе телевизионных компаний станциям рекомендуется «честно представлять мнение противоположных сторон по вопросам, которые материально затрагивают жизнь или благосостояние существенной части общественности».

Третье требование к прессе, констатирует Комиссия, заключается в создании «представительной картины тех групп, которые составляют общество». Тесно связанное с первыми двумя требованиями, это условие требует от прессы, чтобы она точно отражала социальные группы, китайцев и черных например, поскольку люди склонны приходить к решениям на основании благоприятных и

неблагоприятных образов, и ложная картина может помешать правильности суждений. Если не на практике, то хотя бы в принципе, большинство представителей средств информации, возможно, согласятся с Комиссией. Кодексы кино, радио и телевидения содержат положения, призывающие средства информации уважать национальные чувства и помнить о уязвимости расовых и религиозных групп. Сотрудники газет и журналов, вероятно, отметят, что это условие является неотъемлемой частью их сознательных усилий сообщать о событиях дня правдиво и беспристрастно.

Четвертое условие, упомянутое Комиссией, состоит в том, что пресса должна «представлять и разъяснять задачи общества и его ценности». Люди, работающие в средствах информации, примут и это условие без особых колебаний. Газетчики, вероятно, скажут, что одной из функций хорошей редакционной полосы как раз и является представление и разъяснение. Продюсеры кино и комментаторы вещания могли бы сослаться на кодексы своих индустрий, которые требуют от средств информации уважать общепринятые ценности и изображать традиционные добродетели.

Пятое требование, отмеченное Комиссией, предлагает прессе обеспечивать «полный доступ к сведениям, полученным за день». Поскольку сегодня люди нуждаются в большем количестве текущей информации, чем прежде, считает Комиссия, требуется широкое распространение новостей и мнений. Представители прессы, безусловно, будут с этим согласны. Помимо того что пресса старается охватить как можно более широкую аудиторию, намечается явное согласие в том, как следует трактовать понятие «свободы информации». По мере того как газетчики проникались чувством ответственности, они приходили к убеждению, что у общества есть право доступа к информации, фундаментальное право быть информированной и что пресса является ее представителем, призванным разрушить барьеры на пути свободного потока новостей.

Эта идея знаменовала собой отход от традиционной

теории, которая обеспечивала доступ гражданину к сведениям, полученным за день, только гарантией свободного выражения мнений. В традиционной теории не предусматривалось никакого законного средства заставить молчащего заговорить. Однако во время и особенно после второй мировой войны сотрудники газет жаловались на рост числа государственных чиновников местного уровня, которые отказывались давать информацию, способную скомпрометировать некоторых должностных лиц. Отстаивая право общественности на такую информацию, Американское общество редакторов газет и другие профессиональные группы создали комитеты, чтобы способствовать открытости источников информации, а такие газетчики, как Джеймс Рестон, Джеймс Поуп и Эрвин Канхем, неоднократно предупреждали об опасности цензуры, возникающей из умолчания.

СПОСОБЫ УЛУЧШЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕССЫ

Таковы нормы журналистской деятельности, в общих чертах намеченные Комиссией. Хотя сама пресса, по-видимому, готова принять эти нормы, Комиссия обнаруживает большой разрыв между их признанием прессой и ее действительной практикой и обращает внимание на три источника возможного улучшения деятельности прессы — на саму прессу, на общественность и на правительство.

По мнению Комиссии, чтобы обеспечить разнообразие, количество и качество информации и обсуждение различных мнений, требуемое общественностью, прессе следует усвоить профессиональный дух. «Что бы ни говорили о поведении отдельных представителей более старых и устоявшихся профессий, таких, как медицина и юриспруденция, — отмечается в докладе Комиссии, — каждая из этих профессий в целом принимает на себя ответственность за профессиональную деятельность в целом, и есть вещи, которые настоящий профессионал не будет делать за деньги» (66:92). Более конкретно, прессе следует принять на себя обязанность средств обществен-

ного пользования в области распространения информации и обсуждения мнений, экспериментировать с содержательными материалами высокого качества, которые не сулят немедленной финансовой отдачи, заняться энергичной взаимной критикой и стремиться улучшить качество журналистских кадров. Радиоиндустрии следует забрать от рекламодателей контроль над составлением программ.

У общественности тоже есть определенные обязательства перед прессой. Прежде всего, общественность должна осознать, какая огромная власть есть у средств массовой информации и что эта власть сконцентрирована в руках слишком малого числа лиц. Общественность также должна осознать, в какой степени прессе не удается соответствовать нуждам общества. Осознав эти обстоятельства, общественность может действовать тремя способами, чтобы помочь прессе улучшить свою деятельность. Во-первых, помочь прессе выполнять ее задачи должны некоммерческие организации. Например, колледжи могли бы открыть радиостанции или делать фильмы для аудитории, обслуживание которой коммерческие средства информации находят нецелесообразным. Во-вторых, учебные заведения должны создать центры для изучения, исследования и публикации критических материалов в области массовой коммуникации, а ныне существующие школы журналистики должны давать студентам самое широкое образование. В-третьих, следует создать независимую организацию, которая оценивала бы работу прессы и ежегодно сообщала бы о результатах. Что касается правительства, то, признавая, что пресса должна оставаться в сфере частного предпринимательства, оно тем не менее может помочь своим гражданам получить ту систему обмена информацией, которая им нужна. Например, правительство может поощрять открытие новых предприятий в этой сфере. Оно может принять новые средства защиты права, чтобы исправить хронические и явные злоупотребления свободой прессы. И наконец, оно может само войти в область обмена информацией и, таким образом, дополнить частные средства информации.

НЕГАТИВНАЯ И ПОЗИТИВНАЯ СВОБОДА

Теория социальной ответственности прессы основывается на идейном течении, которое скорректировало определенные представления либертарианской теории и в значительной степени отвергло другие ее представления. Понятие свободы в этой теории кардинально отличается от ее понимания в рамках традиционной доктрины. Либертарианская теория родилась из понятия свободы, которую мы можем приблизительно определить, как «свободу от внешнего ограничения». Теория социальной ответственности, напротив, основывается на понятии позитивной свободы, «свободы для чего-то», что требует наличия каких-то инструментов для достижения желаемой цели. Давайте исследуем это положение более полно. Вкратце, негативная свобода состояла в том, что личность была свободна определять свою собственную судьбу. Если бы такая личность была свободна от внешних сил, она бы определяла свою судьбу, используя разум, чтобы понять неизменные законы природы, управляющие Вселенной, и приводя институты, созданные такой личностью, в гармонию с этими законами. Следовательно, чтобы человек мог определять свою судьбу, достаточно было освободить его от ограничений. И достаточно было снять почти все, кроме самых минимальных, ограничения с прессы, ибо, если бы прессе не мешали, она бы поставляла на рынок идеи и информацию, и из их взаимодействия возникала бы торжествующая истина.

Теория социальной ответственности основывается на философском течении, которое считает чисто негативную свободу недостаточной и бесполезной. В соответствии с этой точкой зрения негативная свобода есть свобода бессодержательная, она равнозначна тому, чтобы сказать человеку, что он свободен идти, не удостоверившись сначала, не калека ли он. Чтобы быть настоящей, свобода должна быть действенной. Недостаточно сказать человеку, что у него есть свобода достигать своих целей, ему надо предоставить соответствующие средства для их достижения. Хокинг, чьи идеи ясно различимы во всем

докладе Комиссии, отметил, что настоящая свобода должна иметь как негативные, так и позитивные стороны. «Быть свободным, — говорит он, — значит использовать имеющиеся возможности действия (i) без внешнего ограничения или контроля и (ii) при наличии средств и инструментов, которых требует данное действие» (69:54). В докладе Комиссии также указывается, что у свободы есть позитивные и негативные стороны. В нем говорится: «Как всякая свобода, свобода прессы означает “свободу от” и “свободу для”». Свободная пресса свободна от всякого принуждения, но не от всякого давления. Она свободна для достижения целей, определяемых ее этическим чувством и нуждами общества, и, чтобы это осуществить, ей нужны технические возможности, финансовые источники, доступ к информации и тому подобное (66:128). Однако Комиссия обеспокоена не только по поводу свободы тех, кто владеет средствами информации, ее тревожит положение граждан, у которых есть не более чем негативная свобода выражения мнений. Свобода прессы, утверждает Комиссия, довольно бессодержательное право для человека, у которого нет доступа к средствам массовой информации. Его свобода тоже должна осуществляться прессой, которая доносит взгляды, аналогичные его собственным, или средствами информации, управляемыми правительством или некоммерческими организациями с тем, чтобы обеспечить ему требуемые услуги, которые коммерческая пресса не предоставляет.

Даже сама пресса понемногу уходит от негативно понимаемой свободы в связи с ее озабоченностью по поводу «свободы информации». Пресса обнаружила, что система негативной свободы не обеспечивала инструментов, которые позволили бы выпытать информацию у неподатливых государственных чиновников. В различных штатах пресса стала предпринимать попытки добиться принятия законов, которые требовали бы от определенных официальных органов осуществления своей деятельности при открытых дверях и предоставления документов прессе для изучения.

ПРЕССА И ПРАВИТЕЛЬСТВО

Легко догадаться, что теория социальной ответственности расходится с традиционной теорией и во взгляде на природу и функции правительства. Либертарианская теория развивалась в тот период, когда государство считалось главным врагом свободы. Конечно, были и другие враги. Джон Стюарт Милль считал, что тирания большинства могла ущемлять свободу личности не меньше, чем десница государства. В целом, однако, свобода стала означать свободу от власти государства, а лучшей формой правления стала считаться та, которая правила в наименьшей степени. Какая-то власть государства была нужна, чтобы поддерживать внутреннюю и внешнюю безопасность — сохранять гражданский мир, например, или отражать нападения агрессоров — и, таким образом, обеспечивать климат, в котором могла бы существовать свобода. Но главным предметом заботы была свобода личности. Если обеспечена свобода личности, тогда обеспечена и свобода общества.

Согласно теории социальной ответственности, правительство не просто должно разрешать свободу, но обязано активно ее развивать. В то же время традиционная теория учит, что одной из функций государства является сохранение порядка и личной безопасности граждан. Однако это явно негативная функция, оставляющая осуществление свободы на волю случая, и для современных обществ этого недостаточно. Наряду с общиной правительство с его практической монополией на физическую силу является единственным достаточно сильным фактором, способным обеспечить действенность свободы. Из этого следует, что, когда это необходимо, правительство должно принимать меры по защите свободы своих граждан.

«Правительство остается наследником ответственности за должную деятельность прессы», — говорит Хокинг, и, кажется, его мнение разделяет вся Комиссия. Правительство должно помогать обществу получать нужные ему услуги от средств массовой информации, если саморегулирование прессы и самокоррекция общинной

жизни не могут их обеспечить. Правительство может действовать несколькими способами. Оно может ввести в действие закон, запрещающий вопиющие злоупотребления прессы, которая «отравляет колодцы общественного мнения», например, или само может начать действовать в сфере коммуникации, дополняя существующие средства информации (69:182-193). И хотя это именно так, пресса все равно должна оставаться в сфере частного предпринимательства. Правительство должно вмешиваться, только когда необходимость велика, а ставки высоки, и даже тогда оно должно вмешиваться осторожно. Ему не следует стремиться конкурировать с частной прессой или стараться ее устранить.

Короче говоря, правительству не следует действовать безжалостно. Любая сила, способная поощрять свободу, способна ее же и уничтожить. Поскольку свобода выражения мнений является краеугольным камнем политической свободы, она нуждается в особой защите. Даже демократическое правительство может ущемлять свободу своих граждан. Государственные служащие, чей срок пребывания в должности в большой степени зависит от общественного мнения, могут испытывать соблазн поставить выражение мнений под свой контроль. Следовательно: «Если свободе прессы суждено стать реальностью, правительство должно ограничить свою способность вмешиваться, контролировать или пресекать голоса прессы или манипулировать данными, на которых основываются суждения общественности».

Правительство должно установить ограничения для самого себя не просто потому, что свобода выражения мнений является выражением существенных интересов общественности, но также потому, что это моральное право. Моральным это право является потому, что оно несет в себе элемент обязанности» (66:8).

ПРАВО НА ВЫРАЖЕНИЕ МНЕНИЙ

В теории социальной ответственности свобода выражения мнений является моральным правом с оттенком обязанности. Таким образом, она расходится с либерта-

рианской теорией в интерпретации природы этого права. В рамках либертарианской теории свобода выражения мнений считалась естественным правом, с которым человек родился и которое у него никто не может отнять, хотя могут возникать временные препятствия к его осуществлению. Это право не влекло за собой никакой обязанности. Предполагалось, что свободные люди будут оглашать свои идеи, а другие свободные люди будут слушать. Люди, у которых есть идеи, не обязаны их озвучивать, а другие не обязаны слушать, но, учитывая природу человека, было немыслимо представить, что слушать они не будут. Будучи естественным правом, свобода выражения мнений, кроме того, основывалась на полезности. Она была оправдана, потому что свобода слова и свобода прессы должны были способствовать победе истины над ложью на рынке идей.

В концепции теории социальной ответственности свобода выражения мнений основана на моральном обязательстве человека следовать своим убеждениям, своей совести. Такая свобода является моральным правом, а моральное право, как это выразил Хокинг, есть «ценность, от которой я не свободен отказаться, как я свободен отказаться от личного интереса». Если некто требует свободы выражения мнений как права, он требует ее для других так же, как и для себя, и он берет на себя обязательство уважать осуществление ими этого права. Если все же он отказывается от своего требования, он ослабляет право требования для других (69:60-61). Свобода выражения мнений не имеет отношения к эгоистическим соображениям. Она так тесно связана с духовным существованием и развитием человека, что ему *следует* ее требовать. Эта свобода имеет ценность как для личности, так и для общества. Она представляет собой способ личности продолжить себя через свои идеи и является тем единственным источником разумной жизни общества, из которого прорастают зерна прогресса. Кроме своей ценности для личности и общества свобода выражения мнений содержит в себе элемент обязанности, поскольку каждый, у кого есть что сказать, морально обязан сде-

лать это. «Если человек обременен идеей, — говорится в докладе Комиссии, — то он не только желает выразить ее, но и обязан ее выразить. Это его долг перед своей совестью и перед общим благом. Необходимой функцией выражения идей является функция обязательства — обязательства перед обществом, а также перед чем-то, что выше общества, скажем, перед истиной. Это обязанность ученого перед полученными им результатами, обязанность Сократа перед оракулом, обязанность каждого человека перед своими убеждениями. В силу этого обязательства перед тем, что стоит выше государства, свобода слова и свобода прессы являются моральными правами, которые государство не должно ущемлять (66:8-9).

Обязательство человека следовать своим убеждениям составляет главный базис права на свободное выражение мнений. Комиссия полагает, что этот базис логически предшествует традиционному оправданию свободы выражения мнений на основании полезности, поскольку какая бы дискуссия ни возникала, благодаря свободному выражению мнений, она является результатом обязательства следовать своим убеждениям. Хотя свобода выражения мнений является всеобщим правом, гражданин не может требовать права обратиться к аудитории какого-либо средства массовой информации. Он не может требовать как свое право, чтобы газета или радиостанция доносили его слова до аудитории.

В теории социальной ответственности свобода выражения мнений не является абсолютным правом, как это имеет место при теоретическом либертарианском подходе. Доклад Комиссии констатирует следующее по этому поводу: «Понятие безусловных прав, дарованных Господом человеку при его рождении, было замечательным принципом борьбы против произвола государства, и у него была своя историческая роль. Но когда какая-то историческая свобода достигнута, потребность в ограничении становится очевидной» (66:121). Право человека на свободу выражения мнений не должно превалировать над личными правами

других людей и над жизненно важными социальными интересами.

Подход к этой проблеме в либертарианской теории изменился задолго до появления Комиссии по вопросам свободы печати. В 1919 году в деле *«Шенк против Соединенных Штатов»* судьей Холмсом был сформулирован критерий «ясной и наличествующей угрозы» для определения тех случаев, когда свобода выражения мнений могла быть ограничена. Он писал: «В каждом случае вопрос заключается в том, являются ли употребленные слова такого характера и употреблены ли они в таких обстоятельствах, что создают ясную и наличествующую угрозу, приведут ли они к реальным бедствиям, которые Конгресс имеет право предотвратить. Это вопрос непосредственности и степени угрозы». Сама пресса признала, что ее права на свободное высказывание могут пошатнуться из соображений общественного блага, когда, например, она подчинилась добровольной цензуре во время обеих мировых войн.

Согласно аргументации Комиссии, обусловленная природа свободы выражения мнений основывается на обязательстве человека перед своим образом мыслей. Если человек не принимает на себя обязательство следовать своим убеждениям, если, напротив, он использует свободу выражения мнений для того, чтобы возбуждать ненависть, клеветать и лгать, если он намеренно использует ее, чтобы отравлять родники истины, он не может иметь претензию на это право. У него есть моральное право только, если он принимает на себя сопутствующее моральное обязательство.

Моральное право на свободу выражения мнений сопровождается правом на заблуждение. Существует, по крайней мере, две причины, по которым к заблуждениям следует относиться терпимо. Одна причина заключается в том, что, как и в либертарианской концепции, в теории социальной ответственности предполагается, что поиск и распространение истины требуют наличия большой свободы. Как формулируется в докладе Комиссии, «свобода добывается опытным путем, а опыт под-

разумеает пробы и ошибки». Вторая причина заключается в том, что каждая личность имеет право на уверенность в том, что она обнаружила истину в результате своего собственного свободного поиска, вместо того чтобы какая-то власть навязала ей эту истину. Однако моральное право распространяется только на искреннее заблуждение. У человека нет права заблуждаться преднамеренно или безответственно.

Тем, что она соединяет права с обязанностями, теория социальной ответственности больше напоминает советскую теорию, чем либертарианскую. Как и теория социальной ответственности, советская теория основывает осуществление прав на принятии сопутствующих обязанностей. Однако между этими двумя теориями существует глубокое различие, так как в рамках советской теории человек имеет обязательство перед пролетариатом, а в соответствии с теорией социальной ответственности человек несет обязательства перед своей собственной совестью.

Более того, по советской теории человек утрачивает свою законную возможность требования права свободы выражения мнений, если он пренебрегает обязанностью, от которой зависит это право. В теории социальной ответственности дело обстоит иначе: даже если человек поступает своим моральным правом на свободу выражения мнений, у него остается субъективное право на нее, основанное на нормах общего права. Закон не является достаточно тонким инструментом, чтобы установить, насколько точно индивид следует своим убеждениям. Он должен принимать за данность, что люди в целом высказываются, исходя из своих убеждений, и имеют искреннее желание достичь истины. Сомнительно, что закон должен был устанавливать ответственность за свободу выражения мнений, даже если бы это было ему под силу. Как отметил Хокинг, есть много людей, для которых ложь является моральным экспериментом, и у общества есть в запасе некие исправительные меры против этого. Установлениям свободного общества гораздо больше соответствует, что люди достигают чувства ответственности посредством волевого акта и

самоконтроля, чем достижение этого благодаря каким-то внешним силам. Следовательно, закон должен защищать тех людей, которые не принимают на себя моральную ответственность, равно как и всех, кто эту ответственность принимает.

Однако субъективное право на свободу выражения мнений, основанное на нормах общего права, в рамках теории социальной ответственности не является безусловным. Даже либертарианская теория налагала определенные минимальные ограничения на свободу выражения мнений, выразившиеся в законах о клевете, непристойности, подстрекательстве к учинению беспорядков и призыве к бунту. Все эти ограничения, как отмечает Комиссия, были основаны на одном общем принципе, что «высказывание или публикация посягает опасным, явным и вещественным образом на признанные права частного лица или на важные общественные интересы» (66:123). Возьмем, к примеру, унижение достоинства. Если издания намеренно, последовательно и систематически потворствуют пошлости, они поступают своим моральным правом на свободу выражения мнений. Отбросив свое требование права на моральных основаниях, они наносят ущерб требованию права в рамках общих норм закона. Конечно, могут быть лучшие способы борьбы с этим явлением, чем закон, обязывающий исправлять такие издания. Тем не менее общество может прийти к заключению, что унижение достоинства является посягательством на его жизненно важные интересы, против которого оно имеет право себя защищать. Следовательно, оно может запретить унижающие достоинство издания. При этом, однако, бремя доказательства, что интересам общества был нанесен ущерб, ляжет на того, кто распространит сферу действия закона на такие новые области злоупотреблений.

ВЗГЛЯД НА ПРИРОДУ ЧЕЛОВЕКА

Теория социальной ответственности коренным образом отличается от либертарианской теории во взглядах на природу человека. Согласно традиционной теории, че-

ловек в первую очередь рассматривался как нравственное и разумное существо, склонное искать истину и руководствоваться ею. Предполагалось, что каждый человек мог служить делу истины, поскольку даже самая, на первый взгляд, нелепая идея стоила того, чтобы ее высказать. Поиски истины могли увенчаться успехом, только если все люди могли бы свободно выражать свои идеи, как просто смехотворные, так и возвышенные. Люди станут выражать себя, если у них будет свобода слова и печати. Делать это они будут, соблюдая умеренность и без своенравия. Не было никакой нужды напоминать издателям об их обязанностях перед обществом, они примут их на себя без всяких увещаний по причине того морального чувства, на котором основывалось их достоинство. Не следовало также беспокоиться из-за какого-нибудь редкого издателя, который из человеческой слабости лгал или извращал факты. Другие издатели обязательно сочтут полезным его разоблачить. Публика распознает, что он лжет и передергивает факты и мнения, потому что она будет верить его высказывания мощным критерием разума.

В отличие от либертарианской теории, теория социальной ответственности была создана в двадцатом веке, и она отражает сомнения современной общественной науки и общественной мысли касательно разумности человека. Возникающая теория не отрицает рациональности человека, хотя полагается на нее в значительно меньшей степени, чем либертарианская теория, но что она действительно отрицает, так это то, что человек внутренне побуждаем искать истину и ею руководствоваться. В теории социальной ответственности человек видится не столько иррациональным, сколько апатичным. Он способен прибегать к разуму, но не любит этого делать. В результате он становится легкой добычей демагогов, рекламирующих себя крикунов и всех тех, кто хотел бы манипулировать им в своих собственных эгоистичных целях. Из-за своей умственной лени человек вошел в состояние бездумного конформизма и по инерции в нем остается. Его умственные способности

сошли на нет и угрожают атрофироваться. Чтобы остаться свободным, он должен жить разумом, вместо того чтобы пассивно принимать то, что он видит, слышит и чувствует. Поэтому более бдительные элементы должны понуждать его пользоваться своей способностью к рассуждению. Без такого понуждения человека вряд ли можно побудить стремиться к истине. Апатичность, удерживающая его от применения своей способности рассуждать, распространяется на любое общественное обсуждение. Цель человека — не искать истину, а удовлетворять свои непосредственные потребности и желания.

Скептическое отношение к человеку в кодексах средств информации, за исключением Канонов журналистики, проявляется даже в большей степени, чем в работах Комиссии. Кодексы кино и вещания рассматривают защиту общественной морали в качестве предмета главной заботы средств информации. Они ни в коей мере не отражают идей Мильтона, что силой разума человек может различать добро и зло, что его нельзя считать истинно нравственным, если он не подвергался искушению, и что ему лучше узнать о зле из средств информации, чем из первых рук. Комиссия проявляет большую веру в нравственность человека, чем упомянутые кодексы. Однако она трактует нравственность не так, как это делается в либертарианской теории. Традиционная теория основывалась на предположении, что человек как дитя Бога или какого-то другого создателя является самостоятельным существом, обладающим достоинством и придерживающимся неких абсолютных принципов этического поведения. Выражаясь приблизительно, можно сказать, что человек согласно теории верен себе, а поскольку он верен себе, он верен своим собратьям. В теории социальной ответственности нравственность является более относительной категорией, чем в либертарианской, и не рассматривается как обязанность в первую очередь перед собой. Как у существа социального, у человека есть долг перед собратьями, а нравственность есть долг в первую очередь не по отноше-

нию к самому себе, а по отношению к интересам общества.

Нравственные обязательства, неявно подразумеваемые в либертарианской теории, получили явное выражение в теории социальной ответственности. По либертарианской теории у гражданина было право быть неинформированным, но признавалось, что его разумность и стремление к истине не позволят ему быть таковым. Комиссия же подчеркивает, что гражданин, в моральном смысле, не свободен не читать и не слышать. В качестве активного и ответственного гражданина человек имеет долг перед обществом быть информированным. Это не значит, что человек обязан читать или слушать какую-то данную часть или продукцию прессы. Аналогично традиционной новая теория признает, что одобрение или неодобрение гражданина является эффективным способом контроля над средствами информации. Гражданин имеет моральную обязанность быть информированным, но он сам выбирает, каким образом ему стать таковым.

Если у человека есть моральная обязанность быть информированным, говорится в докладе Комиссии, то логически следует, что у него есть право на информацию, чтобы он мог исполнить эту обязанность. Отсюда вытекает, что недостаточно только защищать право прессы на свободу выражения мнений, как это предписывалось в традиционной теории, но становиться императивным защищать право личности на надлежащую информацию.

Пресса, характеризуемая большим масштабом деятельности, малым количеством владельцев и требующая больших капиталов, фактически держит в опеке свободу печати всего населения. Поскольку свобода выражения мнений является моральным правом, они обязаны позаботиться о том, чтобы в прессе были представлены все существенные точки зрения, высказываемые гражданами. Конечно, им не надо предавать гласности любые идеи, в том числе и нелепые, но они должны следить за тем, чтобы «все идеи, заслуживающие публичного слушания, его получили». Какие идеи заслуживают пуб-

личного слушания, должна решать общественность наряду с редакторами (66:119). Комиссия, однако, считает сомнительным, что в деятельности прессы можно полагаться только на одну неподконтрольную инициативу. У гражданина есть моральное право на информацию и насущная потребность в ней. Если пресса по своей воле не соответствует его требованиям, тогда и общество, и правительство должны защищать его интересы. Они могут это сделать, приняв меры, упомянутые выше.

ПРОЦЕСС ВОЗВРАЩЕНИЯ К ИСТИНЕ

Теория социальной ответственности полагается на действенность процесса возвращения к истине в гораздо меньшей степени, чем либертарианская теория. Милльтон желал бы подвергнуть испытанию свободной полемикой все суждения, кроме самых главных постулатов, а Милль и Джефферсон не пощадили бы в этом смысле и основные принципы. Их убеждение, что истина величаво восстанет в результате схватки идей, по мнению создателей теории социальной ответственности, вряд ли приложимо к современному обществу. Так, Хокинг задается вопросом: «Если взять за правило переплавлять в тигле дискуссии все принципы, что будет с правилами самой дискуссии и как выйти из круга бесконечно повторяющегося противостояния гипотез?» (69:15). Короче говоря, полемика ни к чему не приводит, и, как отмечает Хокинг, некому провозглашать победу или поражение. Более того, полагает Хокинг, реальности опровергают это положение классической теории. Во-первых, нет никакой уверенности, что идеи будут противостоять друг другу в каком бы то ни было реальном контексте. Во-вторых, мало кто из граждан действительно готов рассматривать идеи, противоречащие тому, во что они сами верят. Как утверждает Хокинг, «положительным результатом существующего процесса является то, что он развивает умственные способности и широту кругозора у тех участников полемики, кого она не приводит в замешательство или не ставит в тупик. При условии что

активному поиску истины ничто не препятствует, свобода выражения мнений приводит к появлению более убежденных и сознательных граждан. Здесь мы больше вправе рассчитывать на человеческие приобретения, чем на приближение к истине» (69:94-95).

Можно только догадываться, в чем Комиссия усматривает природу истины, поскольку само слово «истина» редко фигурирует в обсуждении. Вывод, который напрашивается, заключается в том, что Комиссия не считает главной целью свободного выражения мнений достижение абсолютной истины, как того требовала либертарианская теория. В традиционной теории ценность свободы выражения мнений заключалась в том, что приводила к откровению истины. Но, конечно же, для создателей этой теории истина в разные времена означала разные вещи. Для Мильтона истина заключалась в воле пуританского бога, а для Джефферсона, возможно, истина лежала в осознании того чудесного плана, замысла, согласно которому жила Вселенная. Для каждого из них эта истина была абсолютом, который можно было постичь посредством свободного обмена идеями.

Комиссия видит значение свободного выражения мнений главным образом в том, что оно стимулирует развитие гармоничного и успешного общества. Как полагал Милль, человек, свободный выразить себя, свободный обменяться идеями со своими соседями, приобретает большее достоинство и достигает полного развития. Если свобода выражения мнений приводит к открытию абсолютной истины, она, по крайней мере, может привести к менее основополагающим истинам, гипотетическим, рабочим, способным обеспечить человеку полноценную и мирную жизнь. Значение свободного выражения мнений, как выразила это Комиссия, состоит в том, что оно переводит социальный конфликт «из плана насилия в план обсуждения» (66:113).

Такова теория социальной ответственности в том виде, как ее разработала Комиссия по вопросам свободы печати. Доклады Комиссии называли «нереалистичными». Не исключено, что в каких-то конкретных реко-

мендациях они таковыми и являются, но, кажется, недооценивается один конкретный момент. Комиссия приняла как данность информационную революцию и сложность жизни двадцатого века и попыталась решить проблемы прессы с учетом этих обстоятельств. Более того, рекомендации Комиссии в большой степени соответствуют возникающему мировоззрению и сопутствующему ему образу мыслей. Из этого следует, что хотя бы в одном смысле мало кто из критиков был так реалистичен. Большинство критиков, подобно Морису Эрнсту в его книге *«Первая свобода»* (Нью-Йорк: Макмиллан, 1946), пытались воссоздать счастливый идеал восемнадцатого и девятнадцатого веков в среде двадцатого века. Такая позиция может быть утешительной, если принимать взгляды Комиссии, или должна вызвать беспокойство, если их не принимать. Независимо от того, принимаются ли аргументы Комиссии или отвергаются, один вывод абсолютно ясен — либертарианская теория в чистом виде устарела, как это фактически признала вся пресса. Ее место постепенно занимает новая концепция, которая все больше внимания уделяет обязанностям прессы, хотя на данной стадии еще невозможно разглядеть, какой будет эта теория, когда она разовьется полностью. Люди, все еще утверждающие, что свобода печати является чисто личным правом гражданина, принадлежат к исчезающей породе, и голоса их одиноки, а взгляд анахроничен.

Советская коммунистическая теория прессы

В тех редких случаях, когда американские и советские газетчики собираются вместе, чтобы обсудить проблемы массовой коммуникации, их разговор, как правило, принимает забавный и обескураживающий оборот, поскольку с первых минут становится ясно, что они пользуются несовместимыми системами координат. Американец почитает за благо свободу своей прессы и склонен сочувствовать своему советскому коллеге, стонущему под ярмом государственной собственности на газеты, цензуры и пропаганды. В свою очередь, советский представитель утверждает, что он имеет счастье наслаждаться единственно подлинной свободой печати, тогда как его неудачливый американский коллега вынужден служить прессе, отличающейся продажностью, зависимостью от чьих-то корыстных интересов, недостоверностью и безответственностью. Американец с гордостью говорит о том, что его пресса и телеграфные агентства могут доставить ему последние новости со всего света, а средства массовой информации предлагают ему зрелища и развлечения. Советский человек выражает мнение, что сообщать последние новости не слишком важная услуга обществу, а большая часть зрелищ в американских средствах коммуникации «чепуха», не достойная

великой нации. Так и идет этот спор, пока они не отвяжутся друг от друга с убеждением, что у собеседника не все в порядке с головой.

Цель автора состоит в том, чтобы попытаться ликвидировать озадачивающий разрыв между этими двумя точками зрения. Для того чтобы понять существующую ныне советскую теорию массовой коммуникации, мы попытаемся проследить ее развитие от истоков, заключенных в философии Маркса, до изменений, привнесенных усилиями Ленина и Сталина. Мы подробно остановимся на самой теории и на той системе коммуникации, которая выросла на ее основе. И наконец, мы попытаемся соотнести советскую теорию прессы с другими теориями, возникшими в разных частях мира, включая и нашу собственную. А начнем мы с того, с чего началась советская идея — с Карла Маркса.

1. ИСТОРИЯ ВОПРОСА

МАРКСИСТСКИЕ ИСТОКИ

«Что представляли собой общественные науки до Маркса?» — спрашивал Андрей Вышинский и отвечал на свой собственный вопрос так:

«Домарксистская социология и историография в лучшем случае представляли собой отрывочный набор голых фактов и отображение отдельных сторон исторического процесса. Марксизм указал путь к всеобъемлющему, разностороннему изучению процесса появления, развития и упадка социально-экономических формаций. Он рассматривает совокупность всех противоречивых тенденций и приводит их к четко определенным условиям жизни и производства различных классов общества. Он исключает субъективизм и произвольность в выборе или толковании «генеральных» идей. Он обнажает все без исключения корни всех идей и всех различных тенденций в положении материальных производительных сил» (6:82).

Складывается впечатление, что г-н Вышинский, возможно, заходил слишком далеко. Сам Маркс неоднократно выражал недовольство по поводу того, как его последователи обращались с его идеями. «Je ne suis pas Marxiste» — «Я не марксист», — говорил он с раздражением, и он мог бы повторить это сегодня, если бы мог видеть, что произошло с его доктриной в России и других коммунистических странах. Случилось так, что марксистская традиция претерпела глубокие изменения как усилиями последующих хранителей его учения, так и под давлением событий и ситуаций, которые в свое время Маркс предвидеть не мог.

Очевидно, тем не менее, что Маркс предложил общий взгляд и, по крайней мере, три круга идей, которые заложили основу всего, что было построено его советскими последователями. Его взгляд нелегко изложить в нескольких словах, и все же он улавливается в только что приведенной цитате из Вышинского: марксизм пытается быть «всеобъемлющим», он рассматривает «всеобщность», он «исключает произвольность... в выборе... идей», он пытается обнажить общие корни «всех идей и всех тенденций». Другими словами, марксизм представляет собой общую философию истории с оттенками догматизма. Это более стройная и компактная система, чем демократия. Демократия с самого начала отстаивала права людей быть несогласными друг с другом, с правительствами или религией. Демократия подразумевала, что свободные люди часто не могут договориться об общих целях или даже о том, сколько свободы должно быть у человека. Маркс и его последователи вкладывают почти мистический смысл в «единство» — единство рабочего класса, единство партии, единство выбора альтернатив. «Как ваши выборы могут быть свободными, если выигрывает не та сторона?» — спросил меня однажды русский, и, задав этот вопрос, он сказал больше о марксистском мировоззрении, чем мы могли бы объяснить на многих страницах аналитических рассуждений. Марксистская традиция с самого начала обнаруживала авторитарность, неподвижность,

тенденцию проводить жесткую разграничительную линию между добром и злом и поразительную уверенность в том, что огромные области человеческого поведения можно объяснить небольшим набором экономических фактов.

Это наследие Маркса приобретает особую значимость в руках русского народа, о котором Карлейль говорил, что его исключительный талант состоит в подчинении власти, и который привык подчиняться власти на протяжении долгих веков. Идеал единства и общности, воспринятый от Маркса, имеет неоспоримое отношение к советской политике репрессий, привычке коммунистов пренебрегать или отмахиваться от противоречивых фактов и миссионерскому пылу многих коммунистических агитаторов. В этом общем мировоззрении, унаследованном русскими от Маркса, коренится причина многого из того непонимания, которое существует между Советским Союзом и Соединенными Штатами. Мы склонны считать, что у людей могут и должны быть разные взгляды и ценности, а следовательно, склонны поощрять искусство компромисса и правило подчинения воле большинства. Советы склонны полагать, что люди не должны придерживаться разных взглядов, что компромисс является признаком слабости и что единственно правильная позиция основывается на марксистском толковании, которое следует отстаивать, пропагандировать и проводить в жизнь. То, что Мюллер называет «прославленным русским единством» (105:310), нам представляется реакционным и тираническим. Для русских же отсутствие у нас единогласия, наша снисходительность к возражениям, склонность к компромиссу, возможность критики кажутся анархией или хаосом. Под сенью этого общего настроения Маркс разработал свою концепцию социальных изменений, которую мы можем описать в терминах ее динамики (диалектика), мотивации (материалистический детерминизм) и цели (победа рабочего класса и конечный приход бесклассового общества без всякой государственности).

ДИАЛЕКТИКА СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

Отношение между изменением и неизменным всегда стояло в центре внимания философов. Общая тенденция, представленная большинством величайших философов Азии и западными философами, принадлежавшими к платонической и христианской традициям, в основном заключалась в созерцании неизменного. Следует, однако, помнить, что Маркс вырос в том веке и в той части света, где изменения изучались и были явно налицо. Его век был временем появления эволюционной теории в биологии и фундаментальных социальных перемен, ставших результатом промышленной революции. Маркс прославлял перемены, изучал их процесс и, как говорит Бринтон, пытался «найти в самих переменах ответ на загадку их возникновения» (85:204).

Маркс нашел ответ главным образом в гегельянском понятии «диалектики», посредством которой две противоположные силы (тезис и антитезис) разрешают свои противоречия через синтез. Синтез, в свою очередь, становится тезисом, которому противостоит антитезис, порождающий новый синтез, и так далее на протяжении всей истории. Маркс использовал эту диалектику, чтобы объяснить историю как последовательность борьбы классов. Например, борьба феодального, помещичьего класса (тезис) с новым буржуазным классом купцов, капиталистов и промышленников (антитезис) началась в эпоху Возрождения и достигла своего апогея в американской и французской революциях восемнадцатого века, окончившихся полной победой новой буржуазии (синтез). Маркс чувствовал, однако, что это не были истинные революции, в результате которых появляется подлинный социальный синтез, потому что это были политические, а не социальные революции, и результатом их явилась скорее смена правящей власти, а не глубокие социальные изменения. Такие перемены, полагал Маркс, произойдут вследствие противодействия рабочего класса (антитезис) буржуазии (тезис), что приведет к победе рабочих и образованию нового бесклассового общества (синтез). Он не уточняет, закончится ли про-

цесс диалектических изменений на таком бесклассовом обществе. Разница во взглядах Маркса и Гегеля на природу диалектики имеет, однако, более существенное значение.

МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКИЙ ДЕТЕРМИНИЗМ

Основываясь на материалистическом детерминизме, Маркс писал:

«Мой диалектический метод не только отличен от метода Гегеля, но является его прямой противоположностью. По Гегелю, жизнедеятельность человеческого мозга, т.е. процесс мышления, который под названием «Идея» он даже трансформирует в независимый субъект, является демиургом реального мира, а реальный мир является только внешней, феноменальной формой «Идеи». По-моему, напротив, идея эта не что иное, как материальный мир, отраженный человеческим умом и переведенный в форму мысли... У него (Гегеля) она (диалектика) стоит на голове. Ее надо снова перевернуть, и вы обнаружите рациональное зерно внутри мистической оболочки» (103:25).

Величайший вклад состоял в том, что он «перевернул» диалектику Гегеля. Вместо идеалистической он превратил ее в реалистическую. Он утверждал, что материальные условия жизни — в основном то, как человек зарабатывает себе на жизнь и как живет, — определяют образ мыслей человека. Другими словами, экономика, система производительных сил и производственных отношений является ведущим фактором в жизни человека, обстоятельством, которое, по замечанию Джорджа Кеннана*, определяет характер общественной жизни и лицо общества.

Размышляя об этой обусловленности и изучая экономику Западной Европы, Маркс пришел к некоей модели социальных перемен, которую считал неизбежной. Он полагал, что производительные силы всегда будут изменяться быстрее, чем производственные отношения,

*Джордж Фрост Кеннан — американский дипломат, публицист, посол в США, март—октябрь 1952 г. (Примеч. пер.)

выводя, таким образом, общество из равновесия. Согласно его анализу в капитализме были заложены семена его собственного разрушения. При капитализме всегда будут повторяющиеся экономические депрессии и кризисы, которые будут расширять пропасть между богатыми и бедными. Богатые будут становиться богаче, а бедные — беднее. Но богатых будет становиться все меньше, а бедные будут все более многочисленными, и их положение будет все более отчаянным. Империализм станет последней стадией капитализма, и он породит войны и еще больше несчастий. Наконец, рабочий класс не сможет более терпеть свое униженное положение. Он поднимется, возьмет в свои руки средства производства, ликвидирует капиталистов и организует новое, бесклассовое общество. Маркс не оставляет сомнений относительно того, что такое изменение относится не только к экономике и политике. Искусство, религия, философия и все другие компоненты культуры изменяются аналогичным образом. Как указывает Дженсен и другие, позиция Маркса заключается в том, что идеи и институты ведущего экономического класса неизбежно являются ведущими идеями и институтами любого общества.

**ЦЕЛЬ — СОЗДАНИЕ БЕСКЛАССОВОГО ОБЩЕСТВА,
НЕ ИМЕЮЩЕГО ГОСУДАРСТВЕННОСТИ**

Давайте теперь ненадолго остановимся на цели и результате всех этих социальных перемен. Когда пролетариат берет средства производства в свои руки, говорил Энгельс, когда он «кладет конец себе как пролетариату, он кладет конец классовым различиям и классовым антагонизмам, он кладет конец также и государству как государству... Первый акт, когда государство действительно выступает как представитель общества в целом, — захват средств производства во имя общества — есть в то же время его последний независимый акт как государства» (89:410). С этого момента государство действительно должно «автоматически отмирать». Государство, как понимают его Маркс и Энгельс, является

не более чем инструментом, с помощью которого один класс осуществляет контроль над другими. Следовательно, в бесклассовом обществе государство по определению является устаревшим.

Какой необычайно оптимистичный взгляд на человека! Даже такой страстный поборник демократии, как Томас Пейн, никогда не считал, что человек так совершенен, что может жить без государства. Однако в этой картине есть один изъян. Готов ли человек сразу играть отведенную ему роль в описанном золотом веке? Маркс указывал, что нет, не готов, ибо он должен принять руководство или даже диктатуру партии. Каков же тогда тот процесс, в результате которого человек воспитывается до уровня «чуть ниже ангелов», что позволяет государству отмереть? Если человек предназначен для того, чтобы стать частью «машины для изменения общества», как отметил Стефан Спендер (97), что нужно сделать, чтобы превратить его в богоподобное свободное существо, которое, очевидно, представляет себе Маркс? Как Маркс, так и Энгельс очень мало что говорят по этому поводу. Они настаивают на неизбежности золотого века, но не очень конкретны насчет того, как такое положение будет достигнуто после захвата власти. Как мы увидим позднее, у их последователей тоже были трудности с конкретной реализацией золотого века. В реальности тот факт, что советское государство пока не подавало никаких признаков отмирания, а вместо этого многократно увеличило свою бюрократию и полицейскую машину, не раз ставил апологетов коммунизма в неловкое положение.

Хотя Маркс почти никогда не обращался к проблемам массовой коммуникации, обоснование советской теории прессы основано на том, о чем мы только что говорили. Прежде всего, совершенно очевидно, что марксистское понимание единства и четкое разграничение между добром и злом не позволили бы прессе функционировать в роли «четвертой власти», независимо критикующей правительство или служащей форумом для свободной дискуссии. Коммунистическая пресса скорее

понималась бы как инструмент для объяснения доктрины и для проведения политики рабочего класса или боевой партии. Далее, из того, что Маркс писал о материалистическом детерминизме, ясно, что он предполагал контроль над прессой, осуществляемый теми, кто будет владеть оборудованием — печатными станками, бумагой или радиостанциями. До тех пор пока класс капиталистов контролирует это физическое имущество, у рабочего класса никогда не будет справедливого доступа к каналам коммуникации. Чтобы действительно иметь к ним доступ, рабочий класс должен владеть средствами производства массовой коммуникации, поскольку, как и другие государственные институты, печать — классовый орган. Точно так же Маркс, вероятно, считал, что подлинная свобода печати вообще возможна только в бесклассовом обществе, где рабочий класс захватил материальные средства, обеспечивающие каналы коммуникации, и больше не страшится контроля со стороны владельцев, принадлежащих к буржуазии. Есть все основания полагать, что Маркс действительно ценил такую свободу и хотел, чтобы были созданы условия для «истинной свободы». Наконец, можно предположить, что Маркса и его последователей волновала не столько свобода печати, сколько ее ответственность. Все эти вопросы будут рассмотрены ниже.

Принимая во внимание, что учение Маркса слепо принимается на веру во многих частях света, было бы уместно отметить, что по многим ключевым вопросам его труды не дают полного ответа и его суждения неоднозначны, чтобы не сказать непоследовательны. Такая неоднозначность или непоследовательность главным образом проистекала из двойственного характера его личности, сочетавшей в себе ученого и проповедника. Дело в том, что, даже анализируя исторический процесс и приходя к выводу, что он материалистически детерминирован и неизбежен, он продолжал проповедовать, что, обладая нужным знанием, человек сможет стать хозяином своей судьбы, и, как утверждает Мюллер, «его собственное влияние на современную историю дает яр-

чайший образец силы идей и идеалов» (105:312). Говоря об истине, он придерживался релятивистских взглядов и неоднократно подчеркивал классовую обусловленность всякого мышления; тем не менее он настаивал на неоспоримой правоте своей теории исторического развития. По поводу многих доктринальных вопросов, о которых последователи Маркса говорят с убеждением и страстью, сам Маркс не сказал практически ничего, и это относится, например, к использованию массовой коммуникации. Однако с учетом последующего развития событий самым важным упущением Маркса было то, что он не оставил политической теории революции и не объяснил с какой-либо долей конкретности, что такое «диктатура пролетариата». Из-за этого зодчими советского государства пришлось стать Ленину и Сталину.

Сейчас, когда эта рукопись идет в корректуру, приходят сообщения о речи Хрущева в Верховном Совете, в которой он осуждает Сталина. Это знаменательное событие, и немедленно встает вопрос, означает ли оно грядущие решительные изменения в целях и устройстве советского государства. В частности, необходимо задаться вопросом, будет ли эта политика отвергать какие-то существенные элементы советской системы, которые получили свое развитие во времена правления Сталина и которые мы опишем ниже. Конечно же, мы будем ждать дальнейшего развития событий, но, судя по всему, основы этого строя останутся нетронутыми. Настрой советской внешней политики изменится, но цели ее останутся прежними. Понятие «одного вождя» в Советском Союзе, вероятно, на какое-то время исчезнет. Люди в Кремле сейчас, кажется, распределяют между собой государственные обязанности и ответственность за принятие решений, и не исключено, что членам партии на более низких ступенях иерархии будет дозволена некоторая степень участия и критики. Будут поощряться некоторые контакты с внешним миром, и, может быть, надзор на какое-то время ослабнет. Все это только признаки и тенденции, и должно пройти несколько лет, прежде чем мы увидим, является ли новая позиция со-

ветских вождей просто уловкой или действительно означает изменения. Тем временем приходится исходить из предположения, что основные цели советского государства и сама основа контроля над средствами коммуникации, сложившаяся под влиянием Маркса, Ленина и Сталина, не подлежит изменению. Одним из лучших доказательств в пользу этого предположения является заявление, помещенное в газете «Правда» от 7 июля 1956 года: «Коммунистическая партия была и остается единственным властителем мыслей и чаяний, выразителем, вождем и организатором народа в его всеобщей борьбе за коммунизм». Такой подход показывает, что мы все еще имеем дело с марксистско-ленинско-сталинской моделью.

РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ ЛЕНИНЫМ И СТАЛИНЫМ

На протяжении всех лет подготовки к революции внимание Ленина и его соратников было сконцентрировано на проблемах захвата власти. Времени думать о том, какую форму примет социализм после революции, у них не оставалось. Джордж Кеннан в очерке, который он скромно подписал Икс, очень хорошо проанализировал этот период, называя идеи Ленина о послереволюционном будущем «по большей части смутными, призрачными и непрактичными» (98:104). По его словам, никакая согласованная программа не шла дальше национализации промышленности и экспроприации владений крупного частного капитала. У них было очень смутное представление о том, как поступить с крестьянством (которое в соответствии с марксистской школой не является частью пролетариата), и их политика по отношению к крестьянству действительно осталась нечеткой на протяжении многих лет после их прихода к власти.

В этой связи после октября 1917 года советское государство развивалось медленно, неуверенно и часто резко меняло свою линию. Теперь, по прошествии нескольких десятилетий, мы можем сказать, что форма и направление развития государства определялись идеоло-

гией, обстоятельствами и личностями. Идеология, безусловно, была унаследована от Маркса и Энгельса и представляла собой неполный и нечеткий анализ истории в терминах материалистического детерминизма и классовой борьбы. Обстоятельства были таковы, что диктаторская власть превратилась в необходимость. Большевики всегда составляли крайне незначительную часть русского народа. Первая резкая попытка ликвидировать частное производство и торговлю окончилась позорным провалом. Едва только ограничения были ослаблены, стало очевидно, что существенная часть общества готова заполнить образовавшийся вакуум власти и экономики. Как указывает Кеннан, «со времени образования советского государства и по сей день эта власть не была едина, и, таким образом, люди в Кремле были преимущественно поглощены борьбой за то, чтобы обезопасить и сделать абсолютной власть, которую они захватили в октябре 1917 года» (98:106). Этого требовал характер личностей, которые занимали Кремль.

Какого рода людьми были кремлевские вожди? Они были фанатичны и неуверенны в себе. Они числили себя благодетелями человечества Прометеева калибра. И в самом деле, возможно никогда прежде в истории столь малое количество людей не захватывало такую огромную власть над столь многими и не обладало такой глубокой уверенностью, что точно знает, как привести своих подданных в райские кущи. Джордж Кеннан внимательно изучал этих людей, и вот что он говорит о них:

«Их фанатизм был особого рода, ни в коей мере не смягченный компромиссностью, характерной для англо-американской традиции, и он был слишком яростным и ревнивым, чтобы можно было помышлять о том, чтобы постоянно делиться с кем-то властью. Из русско-азиатского мира, из которого они появились, они принесли с собой скептицизм по поводу возможности постоянного и мирного сосуществования соперничающих сил. Легко придя к убеждению в своей доктринерской «правоте», они настаивали на подчинении себе или разрушении всякой соперничающей власти. Вне Коммунистической партии российское об-

щество не должно было иметь никаких жестких структур. Не должно было существовать никаких форм коллективной человеческой деятельности или объединений, которые бы не подчинялись партии... Внутри партии должен был применяться тот же принцип. Масса членов партии могла механически избирать, обсуждать, решать и действовать, но оживлялись эти механические движения не их собственной волей, а внушающим благоговейный ужас дыханием партийного руководства и мрачным присутствием «учения».

Следует снова подчеркнуть, что субъективно эти люди, вероятно, не стремились к абсолютизму ради него самого. Они, без сомнения, верили, — и им это было не сложно, — что они одни знают, что нужно обществу и что они этого достигнут, как только их власть станет надежной и беспрекословной. Но, обеспечивая надежность своего правления, они не были готовы принять никаких ограничений, накладываемых Богом или человеком на методы, которыми они этого добивались, а до тех пор, пока такой надежности не было, благополучие и счастье людей, о которых они должны были заботиться, стояло очень низко в списке их первоочередных забот по управлению» (98:105-106).

Таким образом, соединение идеологии, обстоятельств и личностей привело к созданию на российской почве одной из самых законченных диктатур в современной истории. Эта диктатура делала упор на те элементы идеологии, которые соответствовали ее потребностям, но, вместо того чтобы отмирать, как предсказывал Маркс, она чрезвычайно расширила ряды бюрократии и свои инструменты надзора и контроля. Те элементы марксистского учения, на которые она опиралась, включали идеи Маркса о внутренне присущей враждебности между капитализмом и социализмом и о непогрешимости вождей, владеющих «учением», то есть марксистской теорией. Вождем, очевидно, необходимо поддерживать чувство опасности и уважение к власти. Знаменитое понятие об отмирании государства с того момента, как пролетариат захватил материальные основы власти, как раз и есть тот элемент идеологии, который удобнее всего игнорировать. Сам Ленин не успел попра-

вить Маркса в этом отношении, это выпало на долю Сталина, у которого, таким образом, была чрезвычайно деликатная задача поправить сразу и Маркса, и Ленина. Он выполнил эту задачу, утверждая, что Ленин написал свою знаменитую работу «Государство и революция» с намерением защитить и пояснить положения Маркса и Энгельса и что он намеревался написать второй том, где подвел бы основные итоги российского опыта. «Не подлежит сомнению, — говорил Сталин, — что во втором томе своей книги Ленин намеревался разработать и развить теорию государства на основе своего опыта, полученного за годы существования советской власти в нашей стране. Смерть, однако, не позволила ему осуществить эту задачу. Но то, что не успел сделать Ленин, должно быть сделано его учениками» (113:658). Таким образом, «прикрываясь призраком Ленина», как выразился Ганс Келсен, Сталин сформулировал новую доктрину советского государства, смысл которой заключался в том, что в сильном государстве военная и полицейская мощь будут необходимы до тех пор, пока Советский Союз находится в окружении капиталистических держав. После устранения в России последних остатков капитализма, после того, как была осуществлена культурная революция, после того, как была создана современная армия для обороны страны, необходимость в сильной государственной власти остается, говорил Сталин, потому что:

«Вместо этой функции подавления государство приобрело функцию защиты социалистической собственности от воров и расхитителей народной собственности. Функция защиты страны от иностранного нападения полностью остается; следовательно, Красная Армия и флот также полностью остаются, как и карательные органы и разведывательные службы для обнаружения и наказания шпионов, убийц и диверсантов, засланных в нашу страну иностранными шпионскими службами. Функция организации экономики и культурного воспитания, осуществляемого государственными органами, также остается и развивается. Теперь основная задача нашего государства внутри страны — это

мирная организация экономической работы и культурного воспитания. Что касается нашей армии, карательных органов и разведслужб, их острие больше не направлено на работу внутри страны, но на работу вне ее, против внешних врагов» (113:661).

Вместе с понятием о неотмирающем большевистском государстве развивалось понятие, которое можно было бы назвать большевистским идеалом личности. Частично этот идеал является зеркальным отражением вождей, а частично синтезом тех же элементов, которые использовались для построения государства. Проницательную оценку этого идеала дала Маргарет Мид, и всем, кому эта тема интересна, будет полезно прочесть, что она говорит по этому поводу в книге «Советское отношение к власти» (104). Эта «большевистская идеальная личность, — пишет М. Мид, — является сочетанием восточных и западных характеристик. В какой-то степени большевистский идеал имел общие черты с пуританскими старейшинами Новой Англии и с многими другими религиозными группами времен брожений. Большевистская идеальная личность — это личность очень целеустремленная, обладающая неукротимой «совестью» и способная необычайно активно работать без всяких понуканий. Ее деятельность должна быть сосредоточенной и значимой, и ее личные чувства должны быть подчинены главным целям, которым она служит. Для большевика подозрительны даже отдых и расслабленность. Представленная такими чертами, это вовсе не новая модель личности. Однако личность большевика требует полного подчинения человека партийному контролю». Как говорит М. Мид, хотя индивид «должен обладать большой внутренней сознательностью, тем не менее понимание правильной направленности действий делегируется маленькой группе лидеров, и воля индивида сначала направлена на добровольный акт первоначального подчинения, а затем на осуществление истины, воспринятой руководством» (104:29). Отклонение от этого пути считается особенно страшным проступком, и, для того, чтобы такие отклонения предотвратить и исправить, со-

здана широкая система самокритики и взаимокритики. Таков тип личности, который соратники Ленина и Сталина пытались построить вокруг себя.

Мы подробно рассмотрели эти развивающиеся стороны советской идеологии, способа правления и личности, поскольку понять нынешнюю ситуацию в Советском Союзе невозможно, если исходить только из марксизма или только из вклада Ленина и Сталина в марксистскую традицию. Более того, следует подчеркнуть, что массовая коммуникация в Советском Союзе во время того периода, о котором мы говорили, развивалась как неотъемлемая часть советского государства. В рамках советской системы не существует теории государства и теории коммуникации, в ней существует только одна теория. Ничто не может быть дальше от советского мышления, чем наше понятие прессы как «четвертой власти», предназначенной следить и сообщать о деятельности трех других властей, а также их критиковать. С самого начала пролетарской революции средства массовой коммуникации понимались как инструмент. Именно Ленин сказал, что газеты должны быть «коллективным пропагандистом, коллективным агитатором... коллективным организатором» (102:4, 114). Следовательно, средства информации были инструментом, подлежащим контролю со стороны государства (от имени народа) посредством контроля над материальными средствами коммуникации, и, таким образом, частные средства информации перестали существовать почти с самого начала советской истории. Средства информации должны использоваться как инструмент для того, чтобы донести «учение» в интерпретации Кремля. Они должны использоваться как инструмент для осуществления социальных изменений и социального контроля в жесткой и четкой системе координат. Наконец, средства информации должны использоваться для серьезных целей. Их использование для развлечения считается непристойным, примерно так же, как расслабленность считается подозрительной в большевике. Другими словами, советские средства информации приспособлены для отражения

официальной советской идеологии, советского государства и советской «идеальной личности», как мы увидим из последующего изложения.

2. СОВРЕМЕННАЯ СИТУАЦИЯ

НЫНЕШНЕЕ СОСТОЯНИЕ ТЕОРИИ

Попробуем теперь описать советскую теорию массовой коммуникации, которая появилась в результате этой долгой истории. Не будем забывать при этом, что эта теория является неотъемлемой частью концепции советского государства. Из этого следует, что нам прежде всего надо рассмотреть общую теорию.

ИСТОЧНИК ВЛАСТИ

Как я уже отмечал в другой работе (110), согласно советской теории власть социальна, принадлежит народу, заложена в социальные институты и порождается социальным действием. Эта власть достигает своего максимального выражения: а) когда она соединяется с природными ресурсами и средствами производства и распределения и б) когда ее организуют и направляют. Как сказал Ленин, «у пролетариата нет иного оружия в борьбе за власть, чем организация... пролетариат может стать и неизбежно станет непобедимой силой лишь благодаря тому, что идейное объединение его принципами марксизма закрепляется материальным единством организации, сплачивающей миллионы трудящихся в армию рабочего класса».

ИСТОЧНИК РУКОВОДСТВА

Такой организационной властью обладает Коммунистическая партия. Исходя из этого она считает, что у нее есть право быть передовым отрядом и руководителем масс. Как говорит Вышинский, «политическую основу СССР составляет — в качестве самого важного принципа диктатуры рабочего класса — ведущая и направляю-

щая роль Коммунистической партии во всех областях экономической, социальной и культурной деятельности. Работы Ленина и Сталина исчерпывающе разрабатывают теоретические и организационно-практические аспекты этого вопроса» (116:159). Тем не менее, как указывает Селзник (112), партия не просто ставит себя в положение руководителя масс, она в самом реальном смысле создает массы тем, что их организует, то есть создает органы доступа и контроля, которые трансформируют разбросанное население в мобилизуемый источник власти. Таким образом, партия видит себя в роли некоего генерального штаба рабочих масс. Она является хранителем учения, глазами и ушами масс, их проводником (110). Нет никакого сомнения, что с двадцатых годов роль партии стала более важной, а роль масс более пассивной. Когда массы принимают такое руководство, они также должны принять и строгий контроль над собой. Было отмечено, что партия действует в соответствии с бонапартистским принципом, что передача власти руководству дает последнему неограниченный контроль на время нахождения у власти. Отсюда следует, что нападки на руководство равносильны государственной измене. Чистки считаются общепринятым орудием управления, а политический аппарат должен обеспечить ту структуру контроля, которая необходима для того, чтобы мобилизовывать и управлять энергией масс.

Как партия на практике осуществляет свое руководство? Вышинский говорит:

«На практике партийное руководство Советами реализуется следующим образом: 1) Прежде всего партия стремится проводить своих кандидатов на основные посты государственной работы на выборах в Советы, своих лучших работников, преданных делу строительства социализма и имеющих широчайшее доверие народных масс. И партия это успешно осуществляет... 2) Партия проверяет работу органов управления и органов власти, исправляя неизбежные ошибки и недочеты, помогая им выполнять решения правительства и стараясь обеспечить им поддержку масс, и ни одно важное решение не принимается ими без

соответствующих решений партии. 3) При разработке плана работы соответствующего органа власти — будь то в промышленности, сельском хозяйстве или строительстве и культуре — партия дает общие руководящие указания, определяющие характер и направление работы...» (116:160)

Как массы должны подчиняться диктатуре партии, так и партия должна подчиняться диктатуре своего центрального аппарата и руководителям. Как и во всем, здесь проявляется вера большевиков в организацию, происходящую из необходимости организоваться с тем, чтобы захватить и удержать власть. Ленин, например, рассказывает, как он и его сподвижники «страдали до состояния пытки от понимания, что мы могли бы сказать... «Дайте нам организацию революционеров и мы перевернем всю Россию». Строго монолитная партия была тем типом организации, в которой нуждались большевики. Никакие соперничающие структуры власти и никакие существенные отклонения в идеологии не допускаются. И в самом деле, никакая другая структура не выдержала бы резких изменений в тактике и бесконечной борьбе, требуемой от партии. Как сказал Сталин, «беспримерное единство и сплоченность нашей партии... позволили избежать раскола при таком крутом повороте, как новая экономическая политика. Никакая другая партия в мире... не выстояла бы при таком крутом повороте без растерянности, без раскола» (113:221).

Истина и линия партии. Как выводится «истина», которая находит отражение в «линии партии»? На протяжении советского периода в этом отношении произошли заметные перемены. Как отмечает Маргарет Мид (104:21), в первые годы советской власти считалось, что истину можно установить путем коллективной партийной дискуссии. Поэтому подразумевалось, что до тех пор, пока партийный съезд не вынесет определенного решения, у каждого члена партии есть полная свобода выражать свое мнение. Однако уже на десятом съезде в 1921 году Ленин выразил серьезные сомнения по поводу эффективности такого подхода. В двадцатые годы

контроль быстро перешел от широкой дискуссии и партийных съездов к маленькой группе высших партийных руководителей. С конца двадцатых годов и по сей день съезды партии в основном созываются, чтобы одобрить уже принятые решения. «Подобающее поведение члена партии в наши дни, — пишет М. Мид, — состоит в том, чтобы знать принципы марксизма-ленинизма и применять их, как того требует партийная линия, а вовсе не размышлять над этими принципами» (104:21). Одним из результатов такого развития концепции является то, что ответственность за все средства массовой коммуникации сосредоточивается в руках небольшой группы высокопоставленных партийных руководителей. Все средства массовой информации в Советском Союзе являются рупором этих руководителей, а редакторы и директора этих средств информации внимательно прислушиваются к самым свежим отзывкам «истины», исходящим с олимпийских высот.

Другим результатом явилось создание несколько изменчивой линии, ведущей к тому, что каждый член партии испытывает неуверенность, поскольку, как уже неоднократно отмечалось, поведение, вчера считавшееся правильным и благонадежным, завтра может быть заклеено как неправильное и неблагонамеренное. Как отмечает один исследователь России, человека, придерживавшегося каких-то научных взглядов, на которые ряд лет была наложена опала, могут внезапно вернуть из унижительного пребывания в провинции, что является мягкой формой ссылки, и поставить во главе важного института или конструкторского бюро. Его могут публично объявить абсолютно достойным в то время, как человек, на место которого его назначают и который был назначен на этот пост пять лет назад с утверждениями о его полной благонадежности и правоте, теперь разоблачается, как «враг народа» или как-нибудь еще в соответствии с официально бытующей формой поношения... Убеждение, что любой человек может быть потенциально и последовательно абсолютно хорошим и абсолютно плохим на протяжении своей жизни, основано

на традиционном русском характере и очень хорошо укладывается в партийную практику» (104:33).

Третий результат заключается в создании, по крайней мере на посторонний взгляд, двойного стандарта истины. С одной стороны, основополагающие законы считаются абсолютными и неопровержимыми. Как сказал Ленин, «учение Маркса непоколебимо*», потому что оно верно». И еще: «истина — это то, что соответствует реальности». Таким образом, советские люди в принципе привержены материальному детерминизму и понятию классовой борьбы, которая должна неизбежно привести к победе пролетариата. По таким вопросам идея компромисса, как мы это понимаем, просто непостижима для советского руководства. Как заметил один из участников советско-американской встречи, «во время переговоров они считают, что ссылки на общественное мнение просто блеф. Если американское общественное мнение противоречит их собственным пожеланиям, то, должно быть, наше правительство или какой-то невидимый орган, некое капиталистическое Политбюро им манипулирует. Мы считаем, что компромисс является естественным способом чего-то достичь, а для них компромисс обычно сочетается с прилагательным «гнилой». Их озадачивает наша настойчивость по поводу желательности компромисса» (цитируется по 104:15). Для советского участника переговоров не существует «двух сторон вопроса», для него существует только четкий и нечеткий взгляд на реальность.

Таким образом, в то время как, с одной стороны, основные представления и цели общества рассматриваются как абсолютные и неизменные, с другой стороны, средства коммуникации оцениваются не по критерию их объективности, а по критерию их воздействия. Вопрос в том, делают ли они свой вклад в достижение общих целей. Как утверждает Лейтес, большевистская доктрина находится в противоречии со старой тенденцией русской интеллигенции стремиться к «искреннос-

*У Ленина — «всесильно». (Примеч. пер.)

ти» (100:123). Выразители советских взглядов должны делать то, за что Толстой упрекал женщин, — пользоваться словами не для того, чтобы выразить свои мысли, а для того, чтобы добиваться своих целей. От советской дипломатии, по сути, ожидается, что она отступит в стратегически важные моменты, например подпишет договор с Германией или будет выступать за мир и сосуществование, если такие отступления могут в конце концов приблизить достижение главных целей. От советских средств информации ждут, что они мгновенно изменят свою линию, будут осуждать человека, перед которым они расшаркивались, или приветствовать политику, которую они прежде подвергали суровой критике, если высшее руководство сообщает им, что это и есть новая линия. Истина в том смысле, в котором о ней рассуждают наши редакторы, совершенно неприложима к редактированию советских газет. С другой стороны, компромисс, мнение большинства, позиция золотой середины, которые чрезвычайно важны для наших средств массовой информации и политиков, представляется сомнительными, если не предосудительными, для советского редактора или политического деятеля.

Природа государства. Мы намереваемся дать определение советским средствам массовой коммуникации как выразителя мнений партии и инструмента государственной власти. Следовательно, прежде чем подойти непосредственно к средствам массовой информации, нам следует сказать несколько слов о советском государстве в том виде, в каком оно существует.

Мы уже достаточно сказали о государстве, чтобы прояснить его общую природу. Оно представляет собой диктатуру, в которой пирамида власти резко вздымается вверх от пролетариата к избранной партии, а от нее к нескольким избранным вождям. Нет никаких признаков, что происходит «отмирание» бюрократической машины. Как и следовало ожидать, она сохраняет жесткий контроль над ресурсами, производством и производственными отношениями. Следует добавить, что советское государство управляется с помощью синхронизированных и

скоординированных программ принуждения и убеждения. Убеждение граждан является обязанностью агитаторов, пропагандистов и средств информации. Чтобы никто не подумал, что в «советском социалистическом» обществе принуждение неприемлемо, а убеждение излишне, советские руководители указывают, что нынешний период является «переходным». Поэтому Вышинский утверждает:

«Подавление и использование силы государством все еще необходимы в течение переходного периода. Сила, однако, применяемая эксплуатируемым большинством против эксплуатирующего меньшинства, отличается по типу и является принципиально новой... Новое советское государство является машиной для подавления эксплуататоров, для уничтожения эксплуатации и классового господства эксплуататоров, для усиления классового господства пролетариата и его руководящей части над остальными трудящимися массами с целью окончательно покончить с классами в целом и перейти к коммунизму... Отсюда вытекают особые задачи подавления врагов социализма и особая значимость таких методов их разоблачения и уничтожения, как усиление революционной бдительности трудящихся масс и органов пролетарской диктатуры, усиленная охрана границ СССР, усиление мер по пресечению контрреволюционной деятельности и так далее» (116:3).

СРЕДСТВА МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ В СОВЕТСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

Мы подошли к тому пункту, где должны оставить историческую подоплеку и политическую структуру советского государства и перейти непосредственно к средствам массовой коммуникации в Советском Союзе. И первые же прямые утверждения, которые мы о них должны сделать, помогут прояснить, почему нам казалось необходимым делать так много ссылок на политический и исторический фон. Дело в том, что, пытаясь дать определение ныне существующей советской концепции массовой коммуникации, мы должны сказать следующее.

Средства массовой коммуникации используются инструментально, то есть как инструмент государства и партии.

Они составляют единое целое с другими инструментами государственной власти и партийного влияния.

Они используются для обеспечения единства внутри государства и партии.

Они используются как инструменты государственных и партийных «обличений».

Они используются почти исключительно как инструменты пропаганды и агитации.

Они характеризуются строго выполняемыми обязанностями.

Давайте рассмотрим эти положения одно за другим.

Инструментальное использование средств массовой коммуникации.

Маркс, безусловно, мечтал о прессе, свободной от государства и служащей подлинным выразителем воли народа. И если бы государство отмерло после революции, как предсказывалось, возможно, его мечта и сбылась бы. Признаки этой мечты все еще обнаруживаются, например, в том, что в советских газетах очень маленький профессиональный штат, очевидно, исходя из теории, что следует поощрять «непрофессионалов», пишущих для газет. Однако в действительности в нынешней советской идеологии система средств массовой коммуникации является таким же инструментом, как пишущая машинка или мегафон. В советской концепции нет места представлению о прессе как о ясном, ни от кого не зависящем зеркале событий. Нет ничего более далекого от намерений советского государства, чем предоставить средствам информации какую-либо ответственность за создание общественного мнения или за нажим на государство с целью принятия какого-либо политического решения. «Личная газета», подобно «*Чикаго Трибюн*» под руководством полковника Маккормика, независи-

мая газета критического направления, подобно «*Нью-Йорк Таймс*», или противоположные мнения на одной и той же радиостанции, которые можно услышать у нас по Эй-би-си, не укладываются в советскую концепцию. Система массовой коммуникации, как и любая другая система в советском государстве, существует для того, чтобы выполнять ту функцию, которую ей предписано выполнять руководителями государства. В целом функция этой системы заключается в том, чтобы способствовать продвижению рабочего класса и мирового коммунизма в классовой борьбе, и в том, чтобы поддерживать и укреплять власть Советов. Как часть этой функции, существуют и более конкретные задачи, о которых мы сейчас поговорим более подробно. Суть дела состоит в том, что советские средства массовой информации не обладают собственными моральными устоями. Их моральные устои, какими бы они ни были, это моральные устои государства. Они являются инструментом «на содержании», и они почтительно и ловко следуют за кульбитами партийной линии и государственных указаний.

Средства массовой информации связаны воедино с другими инструментами государства.

Это позволяет средствам массовой информации стать частью функционирования государства в форме, совершенно чуждой нашим собственным средствам информации. Мы привыкли думать, что на американское общественное мнение действует несколько параллельных сил, начиная от межличностного обсуждения событий в средствах информации и кончая действиями правительства. Нам иногда бывает трудно понять, что в советском государстве эти силы не параллельны, но составляют одну-единственную силу. Другими словами, собрание жильцов, молодежные собрания в школе, сама школьная система, профсоюзы, низовые партийные организации, газеты, передачи по радио и телевидению, издательская отрасль, полицейская и надзирательная системы государства являются различными инструментами

с одним и тем же назначением. Все они говорят одно и то же.

Сталин определял политическое руководство как «умение убедить массы в правильности политики партии». Однако как Ленин, так и Сталин обливали презрением тех членов партии, которые полагались только на слова. Они настаивали на том, что, по словам Ленина, «диктатура пролетариата была успешна, потому что умела соединять принуждение с убеждением». Пропаганда, агитация, организация и принуждение представляются им как неразрывный континуум. Средства информации конкретно призваны не только информировать народ, но также служить агитаторами, которые организуют массы, служить партийным руководителям на местах, в промышленности, где они используют газету для читок вслух, в школах, где газеты часто используют в качестве учебников. Каждый день в содержании советских средств массовой информации очень много единообразия, и это рассматривается как сила, а не как слабость. При этом руководители государства знают границы эффективного использования средств информации. Ленин говорил: «Пока речь шла (и поскольку речь еще идет) о привлечении на сторону коммунизма авангарда пролетариата, до тех пор и поскольку на первое место выдвигается пропаганда, даже кружки, имеющие все слабости кружковщины, тут полезны и дают плодотворные результаты. Когда речь идет о практическом действии масс, о размещении, если позволительно так выразиться, миллионных армий, о расстановке всех классовых сил данного общества для последнего и решительного боя, тут уже с одними только пропагандистскими навыками, с одними только повторениями истин «чистого» коммунизма ничего не поделаешь». (Цитируется по (112:9).

Средства массовой коммуникации как инструмент укрепления единства.

Из того, что мы только что сказали, становится очевидным, что одной из самых высоко ценимых способно-

стей средств массовой информации в советском государстве должна быть способность помогать единению государства. Мы уже упоминали, как высоко большевики ценили свое «прославленное единство». Средства информации служат им как молниеносный способ добиться единства знаний внутри их собственной страны. Вот почему советские руководители предприняли столько усилий, чтобы установить различные запреты и цензуру над публикациями, вещанием и фильмами у себя дома и не допускать публикаций, радиопередач и фильмов из-за границы. Это также объясняет то обстоятельство, почему единообразие в советских средствах массовой информации считается признаком политического здоровья.

Средства массовой коммуникации как инструмент обличения.

У средств массовой коммуникации в советском государстве есть одна особая задача и одна общая задача, и о ней мы вскоре поговорим. Особая задача заключается в «политических обличениях во всех сферах» (эти слова принадлежат Ленину). Что он подразумевает под этими «обличениями»? Доменак, знавший о некоторых из них из первых рук, говорит, что они «заключаются в исследовании того, что творится за фасадом софизмов, с помощью которых правящие классы прикрывают свои эгоистичные интересы, истинный характер своих желаний и действительную основу своей власти, и в том, чтобы дать массам «ясное представление» о том, что они из себя представляют» (88:266). Затем он цитирует Ленина по поводу обличений: «А это «ясное представление» не почерпнешь ни из какой книжки: его могут дать только живые картины и по горячим следам составленные обличения того, что происходит в данный момент вокруг нас, о чем говорят по-своему или хотя бы перешептываются все и каждый, что выражается в таких-то событиях, в каких-то цифрах, в таких-то приговорах и проч. Эти политические обличения представляют из себя необ-

ходимое и основное условие воспитания революционной активности масс» (102:122).

Иначе говоря, работа пропагандиста и агитатора (и средств массовой коммуникации) состоит в том, чтобы разобраться в событиях с точки зрения марксизма-ленинизма-сталинизма, увидеть подлинную реальность за пустой видимостью (а реальность всегда определяется в терминах классовой борьбы) и истолковать для масс «реальное значение» событий. Пропагандист строит свои объяснения, основываясь на реальных и правдоподобных источниках напряженности. Он начинает с мелких проблем и переходит к крупным обобщениям. Он начинает с вещей, которые являются или кажутся вполне очевидными. Доменак рассказывает, как французские коммунисты «демонстрировали зло», исходящее от «империалистического» плана Маршалла, приводя самые мелкие и незначительные примеры — нехватку каких-то видов товаров, закрытые фабрики, сокращение водоснабжения в какой-нибудь деревне. Забастовка, политический скандал, случай дискриминации, неумное заявление политического деятеля, жадное стремление к миру, которое приведет молодых людей домой с воинской службы, — все это дает средству информации начать с конкретного и перейти к общему доктринальному смыслу, то есть, по словам самих инструкций по пропаганде, «сорвать маску с врага». В советской концепции средств массовой информации это та самая функция, которая в существенной мере заменяет функцию сбора и написания новостей в нашей прессе.

Средства массовой коммуникации как агитатор, пропагандист и организатор.

Как мы уже отмечали, основная задача средств массовой информации состоит в том, чтобы служить коллективным агитатором, пропагандистом и организатором. Плеханову принадлежит знаменитое и часто цитируемое разграничение между агитацией и пропагандой. Пропагандист, говорил он, представляет много идей од-

ному или нескольким людям, а агитатор представляет одну или несколько идей, но массам (108). Комментируя это различие, Ленин говорил, что агитатор сосредоточивает свое внимание на конкретной несправедливости, «порожденной противоречиями, присущими капитализму», и на этом фоне «постарается возбудить в массе недовольство и возмущение этой вопиющей несправедливостью, предоставляя пропагандисту полное объяснение этого противоречия. Пропагандист действует поэтому главным образом печатным, агитатор — живым словом» (102:1, 226). Таким образом, согласно коммунистическому учению, между агитатором и пропагандистом не существует четкого разделения. Они оба нужны боевой партии, и их слова и дела являются частью организационной деятельности партии. На советскую систему массовой коммуникации возложена задача работать на трех уровнях, то есть обеспечивать подачу «обличений» в популярной форме и тем самым поднимать политическую сознательность масс, преподносить толкование доктринальных основ учения для интеллектуальной элиты и содержать большое количество официальной информации, призванной обеспечить нормальное функционирование партии и организацию работающего населения.

Средства массовой коммуникации как ответственный инструмент: ответственность и свобода.

Нет никакого сомнения в том, что от тех, кто руководит советскими средствами массовой коммуникации, требуется высокая степень ответственности. Поскольку понятие такой ответственности тесно связано с советским понятием свободы и поскольку в Советском Союзе это понятие трактуется несколько иначе, чем у нас, мы посвятим весь следующий раздел отношению между свободой и ответственностью в советских средствах информации.

С нашей точки зрения, советские средства массовой информации выглядят как пристально контролируемые

орудия государственной власти. На советский взгляд, наши средства информации являются пристально контролируруемыми орудиями класса капиталистов. По нашему мнению, советские средства информации вовсе не свободны, но советская официальная позиция заключается в том, что они — самые свободные в мире. Что же стоит за этим принципиальным расхождением во мнении? Давайте начнем наше обсуждение со Статьи 125 Конституции СССР, которая гласит:

В соответствии с интересами трудящихся и в целях укрепления социалистической системы гражданам СССР гарантируются свободы: слова, печати, собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций.

Осуществление этих гражданских прав обеспечивается предоставлением трудящимся и их организациям печатных станков, бумаги, общественных зданий, улиц и площадей, средств связи, сооружений и других материальных возможностей для осуществления этих прав.

Возможно, наилучшее объяснение значения этой статьи с советской точки зрения предложено Андреем Вышинским в «Законах советского государства» (116:539 и далее). Алекс Инкелз также дает убедительные комментарии по поводу смысла этой статьи с нашей точки зрения в работе «*Общественное мнение в Советской России*» (95:136 и далее). Эти рассуждения слишком пространны, чтобы их можно было здесь привести, и в любом случае можно лучше уяснить проблему, если попытаться применить новый подход, используя оба эти источника, но рассматривая проблему несколько по-иному. Ключом к проблеме, очевидно, является смысл, вкладываемый Советами в слово «свобода» в этой статье Конституции, и вопрос о том, существует ли различие между их публичной и скрытой точками зрения. От Маркса до Булганина нам предлагали целую серию аргументов в защиту «свободы». Вот, например, что говорил Сталин в интервью Рою Говарду:

«Своим вопросом Вы намекаете, что социалистическое общество отрицает индивидуальную свободу. Это не так... Мы построили это общество не для того, чтобы стеснять индивидуальную свободу. Мы построили его для того, чтобы человеческая личность могла чувствовать себя действительно свободной. Мы построили его ради настоящей личной свободы, свободы без кавычек. Какая может быть «личная свобода» у безработного человека, который голодает и не находит применения своему труду? Только там, где эксплуатация уничтожена, где нет угнетения одних другими, нет безработицы, нет нищеты и где человек не дрожит от страха завтра потерять работу, жилье и пропитание, — только там можно найти истинную свободу» (113).

В этом пассаже Сталин, разумеется, доказывает материальную основу свободы. Принимая это во внимание, давайте рассмотрим несколько утверждений о советском понятии свободы:

1. С советской точки зрения, абсолютная свобода невозможна. Как писал Ленин, «жить в обществе и быть свободным от него невозможно». «Правда — партийна», — сказал он в другой раз. Следовательно, как вспоминает Инкелз, советские представители последовательно отстаивают точку зрения, что «в обществе, основанном на деньгах, не может быть свободы от денег» (95:136). Они утверждают, что газеты в капиталистическом обществе должны по необходимости выражать капиталистическую доктрину. Они доказывают, что любая мысль об объективных новостях является вздором и лицемерием, они говорят нам, что под объективными новостями мы подразумеваем пристрастные новости, нацеленные на поддержание капиталистической действительности. Работников средств информации в России и в самом деле строго предупреждают не увлекаться «объективностью», поскольку считается, что она уводит от единственно правильной линии. Инкелз цитирует Ленина, который говорил, что свободной советская пресса будет в том смысле, что она будет свободна от «капитала, карьеризма и буржуазного анархистского индивидуализма». Тем не менее она не будет иметь претен-

зии на независимость, но будет совершенно открыто связана с пролетариатом. «Используя характерное большевистское выражение, — говорит Инкелз, — Ленин затем заявил, что «независимость большевистской прессы основывается на теснейшей зависимости от рабочего класса» (95:136). Таким образом, мы имеем все основания подозревать, что истинное и скрытое убеждение коммунистов заключается в том, что свободной прессы просто не существует. Их аргументы о свободе их собственной прессы предназначены исключительно для официального потребления.

2. С советской точки зрения, настоящая свобода — это свобода выражать истину, как они ее понимают. То есть они говорят, что свобода, которой мы похваляемся, является чисто негативной: это свобода от вмешательства государства. Советские же люди, говорят апологеты Советов, обладают свободой выражать себя в рамках и границах государства. Как отметил Мюллер, представители Советов утверждают, что для них «государство не является неизбежным злом, от которого надо защищать личность, а является благом, великим кооперативным предприятием, которое одно только и может обеспечить индивиду более полноценную жизнь» (105:317). Если исходить из этой точки зрения, то разница заключается в том, что англо-американский мир стремится к свободе от государства, в то время как советский гражданин наслаждается свободой в рамках якобы благотворного государства, которое защищает его, давая ему «как раз то, что ему нужно». Как уже неоднократно отмечалось, любой может казаться свободным даже при авторитарной системе при условии, что он принимает принципы и нормы государства. Однако, с нашей точки зрения, нельзя быть действительно свободным, если человек не свободен ставить под сомнение основные принципы того общества, в котором он живет.

3. Следовательно, в Советском Союзе не может быть позволена никакая свобода, противопоставленная государству.

Вот что говорит Вышинский: «Естественно, что в нашем государстве нет и не может быть места для свободы слова, печати и так далее для врагов социализма. Любые попытки с их стороны использовать в ущерб государству, то есть в ущерб всем трудящимся, эти свободы, предоставленные трудящимся, должны классифицироваться, как контрреволюционное преступление... Свобода слова, печати, собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций является достоянием всех граждан СССР, полностью гарантированным государством, при единственном условии, что они используются в соответствии с интересами трудящихся и в целях укрепления социалистического строя» (116:617).

Представители Советов вполне откровенны на этот счет. Они считают своим долгом защищать советских граждан от любых влияний, которые могли бы помешать этим гражданам жить в условиях благотворного для них государства в полном согласии с истинной доктриной, сформулированной партийными вождями. Естественным следствием такой точки зрения является «железный занавес», а заодно и ликвидация или лишение прав остатков класса буржуазии. Они сознают, что им необходимо защищать своих граждан, как пишет Мюллер, «от могущественных, безответственных людей, которые хотят протолкнуть свои собственные эгоистические интересы за счет других и которые в значительной степени владеют «свободной» прессой в демократиях. Можно было бы добавить, что одаренные граждане этого государства так же будут свободны от романтических заблуждений Запада. Таких, например, как изречение Андре Жида, что великий художник неизбежно является нонконформистом. Художники и интеллектуалы будут там работать лучше потому, что подобно грекам они работают вместе с обществом и для него» (105:308). «Так гласит теория на бумаге», — добавляет он. То, что им кажется «позитивной» свободой, нам представляется негативной ортодоксальностью, насаждаемой насильно и позволяющей только самые крошечные отклонения от политических, социальных и культурных взглядов, кото-

рые четко контролируются горсткой людей в Кремле. Насколько же ниже эти представления о стороже и поводе-дыре того видения человека, какое было у Маркса!

4. Владея производством средств информации, советская власть гарантирует доступ к ним и уничтожает скрытые способы классового контроля.

Представители советской власти говорят, что наша пресса не свободна, а находится в подчинении у буржуазии. Вышинский глумится над понятием «буржуазного публичного права», говоря, что отсутствие предварительной цензуры не гарантирует свободу печати (116: 612-613). Он указывает, что в Соединенных Штатах и Англии, где цензура давным-давно отменена, «путы, связывающие прессу и капитал, закабаление прессы капиталом, оказываются, возможно, еще более тесными, чем в любых других странах». Он приводит ряд примеров: о лондонской «Таймс» он говорит, как об «органе банков, связанном через свое правление с банком Ллойда, с самыми крупными железнодорожными компаниями, со страховыми компаниями...». Он также не забывает засвидетельствовать свое почтение газетам Херста, глава которых, говорит Вышинский, является «крупным американским капиталистом, связанным с промышленностью, банками и концернами, эксплуатирующими страны Латинской и Южной Америки... [и которые] ведут кровожадную агитацию против коммунистической партии, революционного рабочего движения и СССР. Свобода печати, — заключает Вышинский, — по существу определяется не отсутствием предварительной цензуры, а возможностью свободно печатать подлинные, а не фальсифицированные мнения трудящихся масс» (116:613).

Совершенно очевидно, что такой упор на контроль класса большинства над производством в издательском деле является не более чем официальной точкой зрения, поскольку большевики всегда знали, что большинство не на их стороне, и тем не менее утверждали, что история отвела им роль истинных представителей этого

большинства. В целях публичной полемики советская власть утверждает, что свобода коммуникации неотделима от собственности на физическое имущество средств коммуникации, а поскольку такая собственность находится в руках немногих в Соединенных Штатах и принадлежит большинству в Советском Союзе, то отсюда следует, что советская пресса гораздо более свободна. Мы, в свою очередь, указываем, что наша пресса имеет право высказываться о правительстве таким образом, каким ни одна русская газета не может. «Но ваша пресса не вольна говорить свободно о рабочем классе и мировой революции», — отвечают русские. Это все тот же старый спор, где Маркс выступает против Милля, и этим двум крайностям сойтись очень трудно.

5. В советской теории прессы свобода и ответственность неразрывно связаны.

Вспомним, что Статья 125 Советской Конституции, которую мы только что цитировали, начиналась с утверждения, что свободы предоставляются «в соответствии с интересами трудящихся и в целях укрепления социалистической системы». Результат коммуникации всегда находится в поле зрения советской власти. Как замечает Инкелз, в нашей стране мы склонны ценить право на свободу выражения мнений, как само право в абстрактном смысле, и обычно не разрешаем ограничивать нас в его осуществлении, за исключением тех случаев, когда такое ограничение диктуется самыми серьезными соображениями национальной безопасности или другими правами. Вот почему представители Советов называют нашу прессу безответственной. Мы же называем их прессу контролируемой, потому что не само средство информации, а кто-то другой решает, что именно «соответствует интересам трудящихся» и что «укрепляет социалистическую систему». От советской прессы, прежде всего, ждут ответственного отношения, а точнее сказать, прессу понуждают к нему. От англо-американской прессы, прежде всего, ждут, что она будет высказываться свободно, а точнее сказать, предписывают делать

это. Суммируя это отличие, Инкелз высказывается следующим образом: «Обязанностью прессы в Советском Союзе объявляется необходимость проследить, чтобы партия победила на выборах, чтобы производительность труда была высокой и так далее. Если, служа этим целям, пресса заодно дает людям возможность пользоваться свободой печати, тем лучше, но соображения свободы в Советском Союзе играют второстепенную роль по сравнению с обязанностями прессы, и, если необходимо, ими можно пожертвовать. В Соединенных Штатах упор делается на свободу, а не на ответственность. Свобода выражения мнений является абсолютной ценностью, по крайней мере для тех, у кого есть средства для самовыражения. Если они при этом способствуют общему благу или как-то иначе содействуют достижению определенных социальных целей и выполняют обязанности перед обществом, то это тоже прекрасно. Однако соображения общего блага второстепенны по сравнению со свободой выражения мнений, и, если надо, ими жертвуют во имя этой свободы» (95:138).

В этом отношении, как и в очень многих других отношениях, наши теоретические различия с Советами почти непреодолимы, но, однако, их можно понять. И, очевидно, главное, что следует помнить, это то, что средства массовой коммуникации, которые кажутся нам крайне авторитарными и жестко контролируруемыми, в советской терминологии могут выглядеть как свободная и ответственная система, потому что класс большинства имеет право и привилегию использовать их для выражения «правильной линии» и достигать результатов, которые якобы служат на благо своего класса и своего государства.

1. ТЕОРИЯ ПОРОЖДАЕТ СИСТЕМУ: ПЕЧАТНЫЕ СРЕДСТВА ИНФОРМАЦИИ

До Октябрьской революции 1917 года в России было менее 1000 газет. Сейчас их более 7000 вдобавок к сотням тысяч напечатанных на машинке или написанных от руки стенных газет, издаваемых в различных группах.

Число журналов тоже очень выросло. Советское книгоиздательство, очень скромное по масштабам в царское время, превратилось в одно из самых крупных в мире и в этом году выпустит более одного миллиарда книг на более чем ста языках Советского Союза. Судя по всему, советская пресса серьезно отнеслась к ленинскому предписанию, что ей следует быть коллективным агитатором, пропагандистом и организатором.

Для человека, привыкшего к американской прессе, советские газеты во многих отношениях выглядят странно и незнакомо. Прежде всего эти газеты — специализированные. Наши газеты, по большей части, представляют собой прессу общего направления*. В Соединенных Штатах есть несколько профсоюзных газет, несколько религиозных газет, но все-таки большинство наших газет различаются только тем, что они большие или маленькие, ежедневные или еженедельные. В Советском Союзе почти половина всех газет специализируется на сельском хозяйстве. Почти двести газет предназначены для детей и юношества. Существует большая партийная пресса, есть пресса для военных, профсоюзная и фабричная пресса.

Следует помнить, что в Советском Союзе пресса планируется. Наша же пресса «просто появилась». Точнее сказать, она появилась в соответствии с законами общественного спроса и предложения частного сектора. Однако в Советском Союзе пресса тщательно распределяется по всей стране, с тем чтобы обслуживать максимальное количество читателей и отвечать максимально специализированным нуждам. Это означает, что пресса специализирована как горизонтально, так и вертикально. Вертикальная специализация, как мы уже указывали, заключается в том, что существуют различные виды газет для различных организаций и профессий. Горизонтальная специализация означает, что газеты образуют огромную пирамиду, на вершине которой находятся такие всесоюзные газеты, как «Правда» (орган Центрального

*С другой стороны, наша журнальная пресса более многочисленна и специализирована, чем советская.

Комитета партии) и «Известия» (орган Верховного Совета), распространяемые по всей стране. На следующем уровне находятся региональные газеты, тиражи которых расходятся в соответствующих краях и областях. Следующий уровень представляют местные газеты, обслуживающие районы и города, совхозы и заводы. В самом низу этой пирамиды находятся стенные газеты и газеты на досках объявлений. Чем ниже уровень пирамиды, тем больше на этом уровне газет. Существует примерно 25 всесоюзных газет, около 500 региональных и около 7000 местных газет. Однако чем ниже место газеты в пирамиде, тем меньше ее тираж, от «Правды» с тиражом в 2—3 миллиона экземпляров до стенной газеты, которую могут напечатать на машинке в одном экземпляре для доски объявлений.

Не торопитесь пожать плечами, услышав о газете с тиражом в один экземпляр. В Советском Союзе никто этого не делает. Там подсчитывают число стенных газет, делают их обзоры и считают важным элементом планируемой структуры прессы. И они действительно важны, поскольку представляют собой последний шаг, ближе которого пресса не может увязать линию центральной власти с жизнью данной местности или группы. Стенные газеты выполняют задачу, которая слишком узка для «Правды», они должны переводить «Правду» и марксизм-ленинизм-сталинизм на язык, близкий мыслям и заботам миллионов советских граждан. Редактор «Правды» может лучше знать, что писал Маркс, но редактор стенной газеты лучше знает свою аудиторию.

Советская пресса не только самым тщательным образом организована и распределена по Советскому Союзу, за нею с такой же тщательностью следят и подвергают контролю, и мы должны подробно рассмотреть структуру этого контроля.

КОНТРОЛЬ НАД СОВЕТСКИМИ ПЕЧАТНЫМИ ИЗДАНИЯМИ

Главная ответственность за контроль над советской прессой возложена на партию. Характерно, что такой контроль не является функцией правительства. В пра-

вительстве есть подразделение цензуры, которое называется Главлит, сокращение, которое означает Главное управление по делам литературы и издательств. Цензуре Главлита, однако, не подлежат партийные издания любого уровня, книги, издаваемые Огизом (Объединение государственных издательств) и «Известия» (орган Верховного Совета). Это обстоятельство, очевидно, исключает большую часть советской прессы из круга забот Главлита. У правительства даже не существует отдела общественной информации. Эту функцию выполняет Отдел пропаганды и агитации Коммунистической партии. Центральный Отдел находится в непосредственном подчинении Центральному Комитету партии.

Причина, по которой эта обязанность возложена на партию, а не на правительство, полностью согласуется с теорией. Ведь правительство должно отмереть. Пресса же должна принадлежать народу, чьим представителем является партия. Кроме того, советские руководители всегда придавали огромное значение партии как хранителю идейных ценностей, определяющему цели общества, а прессе как «приводному ремню между народными массами и партией». Сталин говорил: «Печать является важнейшим инструментом, с помощью которого партия ежедневно говорит с рабочим классом на своем собственном незаменимом языке. Другого такого средства соткать духовные узы между партией и рабочим классом, другого более гибкого орудия не существует в природе».

Партия осуществляет свой контроль тремя способами.

Во-первых, партийные отделы пропаганды и агитации различных уровней назначают редакторов, а Отдел пропаганды и агитации Центрального Комитета утверждает эти назначения. В первую очередь им необходимо, чтобы назначенный редактор был политически надежен. В первое время существования Советского Союза, когда редакторов не хватало, обычно считалось необходимым назначать членов партии на редакторские посты, почти целиком основываясь на их политической надежности и знании марксизма. Хотя с тех пор профессиональный уровень советской прессы существенно

вырос, основным условием для редакторского поста остается, безусловно, политическая надежность, а не профессиональные качества. Инкелз приводит название академических курсов, предлагаемых советским журналистам, и названия глав из их учебников, чтобы показать, что то, что мы считаем «мастерством редактора», занимает очень малое место в обучении советского редактора. Его в гораздо большей степени обучают марксистской теории, истории партии и мировой политике.

Во-вторых, через свой Отдел пропаганды и агитации партия издает очень большое количество указаний по поводу того, какие материалы следует печатать в прессе и как их подавать. Значительную часть содержания прессы составляют материалы, которые у нас назывались бы сообщениями для прессы, — письма, адресованные ведущим лицам в партийной и правительственной иерархии, или их собственные обращения, речи и официальные документы. Указания о том, как подавать другие темы, часто очень подробны.

В-третьих, партия рецензирует и критикует прессу, и она относится к этому очень серьезно. На каждом уровне партии существует комитет, который проверяет и критикует прессу соответствующего уровня. «Правда» занимается текущей критикой прессы. Главные специализированные партийные газеты часто критикуют специализированные газеты нижестоящих уровней, например главная профсоюзная или военная газета критикует менее крупные подведомственные ей газеты. Добавьте к этой официальной критике постоянную самокритику советского народа, что является давним и почетным обычаем и поддерживает поток писем, отмечающих недостатки в работе прессы на конкретных примерах, и вы получите ситуацию постоянного и внимательного наблюдения, в которой находится советская пресса.

Как уже часто указывалось, положению советского редактора вряд ли можно позавидовать. В его обязанности входит проводить линию партии по отношению к проблемам и аудитории, как он их понимает. Чем значительней проблема, с которой ему приходится иметь

дело, например, в регионах и различных социалистических республиках, тем больше вероятность, что он отклонится от предписанной линии или столкнется с ситуацией, в которой линия не совсем ясна. Более того, он должен проявлять гибкость, чтобы не отставать от поворотов в официальной политике. Одна серьезная ошибка, и его карьере конец. Нет никаких сомнений в том, что многим советским редакторам приходится работать в условиях значительного напряжения. Но, помимо этого, что они думают о работе по редактированию «народной газеты»? Каково редактировать газету, в которой приходится заботиться не о фактах, а о диалектике, не о злободневных событиях, а о «линии партии»? Одно из лучших описаний такого опыта дано Артуром Кестлером: «Постепенно я научился не доверять своей механистической озабоченности фактами, а стал рассматривать мир, который меня окружал, в свете диалектического толкования, — сказал он. — Это было приятное и действительно блаженное состояние: как только ты усваивал этот прием, тебя переставали беспокоить факты — они автоматически принимали нужную окраску и ложились на нужное место. И морально и логически партия была непогрешима: морально потому, что ее цели были правильными, то есть соответствовали Диалектике Истории, и эти цели оправдывали любые средства, а логически — потому, что партия была авангардом Пролетариата, а Пролетариат — воплощением движущего принципа Истории».

СОДЕРЖАНИЕ СОВЕТСКОЙ ПРЕССЫ

Советские газеты выглядят для нас странно хотя бы потому, что в них нет рекламы, как и следовало бы ожидать в стране, где не существует частного предпринимательства. Еще более странными они кажутся из-за своего редакционного содержания. Их даже трудно назвать газетами в том смысле, в каком мы это понимаем. Новости означают для нас недавние события. Как утверждает Инкелз в своем ясном изложении, мы концентрируемся на событиях, наши газеты отражают поток

событий, и незначительность события может иногда компенсироваться его своевременностью или тем, что мы называем «человеческим интересом». С другой стороны, как говорит Инкелз, «главная и в каком-то смысле единственная новость в Советском Союзе заключается в процессе, называемом социалистическое строительство, то есть в общем усилии построить советское общество».

События считаются новостями только в той мере, в какой они имеют различное отношение к этому процессу. Например, в середине тридцатых годов советская пресса могла посвящать основную часть всего газетного пространства обсуждению стахановского движения из-за той важности, которая придавалась рационализации производства в повышении производительности труда. Или возьмем пример из области идеологии. В буквальном смысле невозможно представить себе, что такая газета, как, скажем, «Нью-Йорк Таймс» посвятит почти половину своих столбцов в течение целой недели национальной конференции биологов, которые собрались, чтобы сформулировать «идеологическую» политику «научной» работы американских биологов и утвердить принципиально американский характер подхода к генетике, который подчеркивает первоочередное влияние среды, а не наследственности. Тем не менее это именно то, что делала «Правда» в течение недели августа 1948 года по отношению к конференции советских биологов (93:139-140).

Жестокая истина заключается в том, что современное освещение новостей составляет очень малую часть работы «коллективного пропагандиста, агитатора и организатора», которым старается быть редактор. На советский взгляд, события должны казаться однообразными. Редактор может выбирать те репортажи, которые ему нужны, чтобы проиллюстрировать социальный процесс, который он пытается преподать своим читателям. Ему не нужно представлять какое-то событие вскоре после того, как оно произошло, потому что другие события могут с тем же успехом проиллюстрировать то, что он пытается внушить. Значительная часть материалов в его

газете вообще не относится к новостям — это «вспомогательный» материал для партии, для рабочих и колхозников, которые должны увеличивать производительность труда, а также для «чисток» в местных общинах или школах. Советский редактор в самом настоящем смысле должен ощущать, что он контролирует события в то время, как американский редактор чувствует, что он оставлен на их милость. Американский редактор должен перекраивать полосы, чтобы успеть вставить важный материал за несколько минут до сдачи номера в печать; советский редактор, со своей стороны, часто может планировать «содержание и макет за месяц вперед» и... иметь 50 процентов каждого текущего номера уже набранным и сверстанным за несколько дней до даты выхода» (95:140-141).

Американских наблюдателей часто поражает, какой маленький штат имеется в советских газетах. Как мы уже отмечали, существуют две причины для такого положения. Одна причина заключается в том, что газеты получают много материалов и часто получают указания из источников в Центральном Комитете партии. Вторая — в важном значении, которое Отдел пропаганды и агитации придает использованию большого количества материалов, написанных непрофессионалами. И в самом деле, в типичной советской газете может быть от четверти до половины материалов, полученных от людей, никоим образом не связанных со штатными сотрудниками, и представляющих собой самокритику, комментированные статьи или обсуждение марксистской теории. В соответствии с официальной советской точкой зрения, их пресса, таким образом, является великолепным экспериментом в создании «народной прессы», которая находится во владении и под контролем представителей народа и используется для создания лучшего общества, построенного по «единственно правильной модели». С нашей точки зрения (и, возможно, со скрытой точки зрения советских руководителей), эта пресса жестко контролируется и используется не для того, чтобы служить людям, а чтобы манипулировать ими, не для

того, чтобы дать им возможность выбора, а для того, чтобы решать за них, а потом убеждать, не оставляя им возможности решить как-нибудь иначе.

2. СИСТЕМА: ВЕЩАНИЕ

Из всех средств информации только радио и телевидение моложе, чем сам Советский Союз. Следовательно, вещание является единственным видом массовой коммуникации, который советское правительство имело возможность полностью сформировать в соответствии со своими планами, и в этой связи нам небезынтересно, каков характер его развития.

По масштабам Европы и Азии вещание в Советском Союзе представляет собой достаточно крупную систему. В стране есть примерно 15 миллионов радиоприемников, включая детекторные приемники, и достаточно большое число национальных и региональных радиостанций. Телевидение пока находится на ранней стадии развития, но в последний год оно развивалось довольно бурно, и на сегодняшний день в стране имеется около миллиона телевизоров и примерно 25 передающих станций.

Нас, однако, интересует, как Советы используют свое вещание. Чтобы полностью оценить все особенности его использования, давайте вспомним, какими бывают различные реакции, когда радио или телевидение должны прийти в какую-нибудь американскую общину. Граждане такой общины с нетерпением ждут прихода в их собственные дома высокочлассного развлечения, быстрого узнавания новостей, «бронированных мест» (в их собственной гостиной) на общественных мероприятиях, театральных представлениях, в опере, и — по крайней мере, некоторые из них — той программы, которая предлагается общеобразовательным вещанием. Рекламодатели с нетерпением ждут появления нового рынка. Правительство вообще особенно не беспокоится по этому поводу, кроме того, что оно распределяет каналы и следит за тем, чтобы ни один из соседних каналов не перекрывался. Теперь представим себе, что радио

или телевидение приходит в какую-нибудь советскую местность. Рекламодателя такое событие не интересует, потому что рекламы почти не существует. Гражданина оно интересует, но, главным образом, не потому, что это средство информации обеспечит развлечение, так как развлечение не является главной целью советского вещания. Вместе с советским радио придет много хорошей музыки, а с телевидением — концерты, балеты и пьесы, но в основном советское вещание будет говорить со своей аудиторией. Оно принесет голос партии и правительства в дома людей. Отсюда следует, что больше всего проблема расширения вещания в Советском Союзе заботит партию и правительство, потому что они понимают, какую власть дает им возможность общаться непосредственно и сразу с такой большой частью их народа и насколько это полезно. Когда мы читаем «решения», относящиеся к радиовещанию, то есть указания, адресованные вещателям в Советском Союзе, мы обнаруживаем большое сходство с «решениями», относящимися к прессе. Как и в случае прессы, за радио закрепляется скорее инструментальная функция, чем функция предоставления услуг. Вот, например, что партия говорит вещателю, который просто принимает на себя новое обязательство: «Обладая многомиллионной аудиторией и проникая в самые дальние и «глухие» уголки нашей необъятной страны, советское радио должно доносить учение Маркса—Ленина—Сталина до самых широких народных масс, поднимать культурно-политический уровень трудящихся, ежедневно информировать их об успехах социалистического строительства и нести слово о классовой борьбе, происходящей во всем мире» (95:264). Вещание также должно внести свой вклад в воспитание и совершенствование советских граждан, особенно «в области санитарии и гигиены, основ науки и методов производства». И, наконец, оно должно обеспечить население позитивными и конструктивными средствами отдыха» (93:263).

Что такое «позитивные и конструктивные» средства отдыха? Это мерка, которая определяет, подвергнется ли

публичной критике или будет смещен не один советский вещатель и издатель. Инкелз цитирует Тамаркина, который говорит в своем обзоре советского радио: «Мы осуждаем допуск в эфир материалов, единственная цель которых — отвлечь радиослушателя, не обращая внимания на значимость содержания данного факта. Мы рассматриваем такие вещи как нездоровое трюкачество». Он затем упоминает ростовскую радиостанцию, которая «не сумела найти время, чтобы передать некоторые «замечательные революционные новости» из Испании, но без всякого труда нашла место для какой-то «чепухи о человеке, живущем где-то в Африке и дожившем до 146 лет» (95:266). Другими словами, то, что нам кажется «по-человечески интересным», в советском смысле непозитивно и неконструктивно. То же самое относится к комикам на радио и телевидении, если только их сатира не направлена против капиталистической системы. И мыльных опер это тоже касается, если только они не посвящены «социалистическому строительству». Другими словами, мы имеем дело с очень серьезным, миссионерским вещанием. Это вещание передает хорошую музыку. Но, главным образом, оно — учитель и лектор. Оно говорит миллионам то, что агитаторы сказали бы им лично, если бы они могли до них добраться. Когда это вещание говорит о личностях, то это обычно герои советского государства или злодеи из оппозиции. Когда оно говорит о бизнесе или экономике, оно выражает марксистскую точку зрения. Когда оно говорит о событиях, которые представляют местный интерес или просто чем-то замечательны, оно всегда старается соотнести их с существенными общественными процессами, как они трактуются марксистами. В этом отношении практика вещания полностью повторяет практику прессы. Вещателя, как и редактора, учат тому, что если события не соотнесены с широким марксистским толкованием истории, то они «банальщина». Даже в вещании своевременное сообщение новостей играет второстепенную роль. Внимание вещателя всегда сконцентрировано на широком потоке истории, толкуемой в категориях классовой борьбы.

СИСТЕМА И СПОСОБЫ ЕЕ КОНТРОЛЯ

Нам нет нужды долго останавливаться на характере самой системы. Группа станций из Москвы передает сигналы в разные части Советского Союза и вещает почти круглосуточно, играя роль штаб-квартиры сети. Инкелз указывает, что их функция примерно такая же, как у лондонской станции для Би-би-си или нью-йоркской станции для сетей в Соединенных Штатах. В большинстве республик и регионов есть свои собственные станции, которые передают некоторые из московских программ и добавляют собственные. В частности, такие региональные станции обслуживают многочисленные языковые группы на территориях приема своего сигнала. Любая из этих станций может приниматься непосредственно через приемники или центральным приемным блоком радиотрансляционной сети. Эти радиотрансляционные сети в действительности представляют собой третий уровень вещания. Они состоят из центрального приемника, усилителя и проводов, ведущих к громкоговорителям в домах, местах работы и общественных местах. Лица, отвечающие за работу центрального блока, могут делать некоторое число своих собственных программ и, таким образом, подобно стенным и местным газетам, максимально близко соответствовать конкретным нуждам местных слушателей. Но в принципе радиотрансляционная сеть представляет собой изобретательный способ, при помощи которого радио (а возможно, и телевидение) может приниматься в максимально большом числе мест при минимальной цене и обеспечивать самый надежный контроль. В Советском Союзе есть миллионы приемников проводного радио. Ясно, что трансляционные сети гораздо легче контролировать, чем другие способы приема, потому что у слушателя нет выбора программ. Он не может настроить свой приемник. Этим и другими способами партия добивается еще большего контроля над вещанием, чем в случае прессы. Вещание находится под надзором Всесоюзного комитета по радиовещанию, который, в свою очередь, контролируется партией. На республиканском и региональном

уровнях и на уровне трансляционной сети существуют аналогичные радиокомитеты, отвечающие за вещание на своем уровне. Партия контролирует всю систему вещания теми же тремя способами, которые мы уже описали в случае прессы, то есть назначением надежных членов партии на ключевые посты, изданием большого числа указаний и директив и с помощью постоянного рассмотрения и критики. Чтобы удержать советских слушателей от прослушивания иностранного радио, используются угрозы и убеждение. А на тот случай, если кто-то не удержится от соблазна, существует обширная сеть станций глушения. По подсчетам в Советском Союзе и его сателлитах существует более 1000 таких станций, которые работают день и ночь, чтобы не позволить иностранным сигналам проникнуть за железный занавес.

КИНО

Обсуждая советское кино, было бы легко написать «смотри выше» и отослать читателя к тому, что уже было сказано о советской прессе и вещании. Однако ситуация не так проста, поскольку большевики с самого начала признавали действительно художественную природу кинематографа. Ленин говорил о его «духовном влиянии», что, учитывая источник, звучит весьма необычно. В долгой череде экспериментов советские пропагандисты и режиссеры пытались впрячь эстетический элемент, присущий кино, в упряжку марксистской ответственности, предписываемой для всех советских средств коммуникации.

Все советские руководители подчеркивали образовательную ценность кинематографа. Инкелз цитирует Ленину, который говорил, что кино должно иметь дело не только с комедией и драмой, но и с наукой и производством, «и все это должно быть направлено к одной единой цели — борьбе за новую жизнь, за новые обычаи, за лучшее будущее, за расцвет науки и искусства». Он называл кино «изобразительным публицистом», «изобразительной публичной лекцией» и «художественной про-

пагандой за наши идеи в виде захватывающей картины» (95:307). Сталин сказал, что кино является «великой и неоценимой силой... помогающей рабочему классу и его партии воспитывать трудящихся в духе социализма, организовывать массы... и поднимать их культурную и политическую боеспособность» (95:307). Другими словами, основное предназначение кино было таким же, как предназначение прессы и вещания, — служить пропагандистом, агитатором и организатором.

Однако эстетический элемент продолжает представлять особую проблему. С комедией, например, трудно что-нибудь сделать. Министр по делам кинематографии признал, что, «несомненно, очень трудно снимать комедии, которые были бы одновременно и веселыми и поучительными» (95:311). На практике часто считается безопаснее не пытаться снимать комедии или другие несерьезные кинофильмы. То, как изменились темы советских кинофильмов, само по себе стало бы интересным объектом исследования. Очевидно, такие изменения связаны с такими обстоятельствами, как тенденции и течения в художественной литературе, тенденции в общественных вкусах (замечено, например, что советские аудитории не посещают документальные фильмы) и, что самое главное, идеи Центрального Комитета, меняющиеся в соответствии с нуждами момента. Инкелз предлагает хороший обзор относительно этой меняющейся модели содержания фильмов (95:308-309).

Партия контролирует кино теми же средствами, что прессу и вещание. Главная ответственность за контроль возложена на Отдел пропаганды и агитации Центрального Комитета и подотчетные ему отделы на каждом партийном уровне. Они критикуют, оценивают и инструктируют тех, кто производит кинофильмы, а также контролируют приток иностранных фильмов и производят отбор фильмов для показа. В кооперативные объединения продюсеров на национальном и региональных уровнях внедрено много членов партии, и они в любом случае подлежат контролю и руководству, о котором мы упоминали.

СВЯЗЬ С ДРУГИМИ АВТОРИТАРНЫМИ СИСТЕМАМИ

С нашей точки зрения, по крайней мере, советская система является авторитарной и, в действительности, одной из самых жестко контролируемых в истории. Следовательно, встает вопрос о том, в чем она отлична от других авторитарных систем, обсужденных ранее в этой книге, и от таких современных авторитарных обществ, каким была нацистская Германия.

Сравнивая советский авторитаризм с авторитаризмом, существовавшим в Англии до эпохи Просвещения, или с современными чертами авторитаризма, дожившими до сего дня во многих странах свободного мира, можно было бы указать, что при советской системе средства информации принадлежат государству, в то время как в других авторитарных системах они в основном находятся в частной собственности. Во многих странах вещательные системы находятся в государственной собственности, а иногда в какой-нибудь авторитарной стране власть контролирует книгоиздательство или издает свои собственные газеты и журналы. Однако характерно, что средства информации в этих странах находятся в частных руках, хотя и тщательно контролируются с помощью выдачи патентов, лицензирования, гильдий, правительственного давления и цензуры. В той мере, в какой это касается политического содержания средств информации, результат может быть примерно одинаковым. Советская система средств информации, как видим, контролируется через собственность, расстановкой партийных функционеров на ключевых постах, директивами, оценкой работы, критикой и цензурой. Но в авторитарных системах за пределами стран советского блока средства информации являются частью деловой активности и в этой степени не столь исключительно являются инструментом государства. В более старых авторитарных системах средства информации были в кабале у государства, в то время как советские средства информации находятся внутри государственной структуры и являются ее частью.

Однако одного этого недостаточно, чтобы объяснить

вполне реальные различия между этими системами и соответствующими понятиями. Давайте вспомним другие, может быть, более существенные различия:

1. Советская система изъела соображения прибыльности из издательской деятельности и вещания. Таким образом, средства информации свободны исполнять свой долг как инструменты государства и партии, а не конкурировать за благосклонность публики. Вознаграждением за собственность является не реклама и прибыль от тиража, но воздействие на умы. Вознаграждением за управление этой собственностью являются не побочные продукты преуспевания, а побочные продукты ортодоксальности и пропагандистских умений. Решение о том, кто плох, а кто хорош, принимается не общественностью, а несколькими хранителями партийной линии и власти.

2. Советская система определяет функцию средств массовой коммуникации позитивно, а старая авторитарная система ограничивала ее негативно. Иначе говоря, в типичных авторитарных странах прессе не разрешают делать некоторые вещи, имеющие, по большей части, отношение к критике режима. В советской же системе упор делается на то, что от прессы требуются определенные вещи. Советы перешагнули через запрет прессе критиковать режим и, действительно, чувствуют себя достаточно свободно, чтобы приветствовать критику мелких проблем и мелких функционеров. Но власть подчеркивает то, что требуется от прессы, например, повышать «политическую сознательность» масс, спланировать население в его поддержке руководителей и их программы, повышать уровень производительности работников и т.д. Другими словами, советские средства коммуникации выполняют полностью инструментальную функцию, а в более старых авторитарных системах средствам информации позволяли, в определенных границах, самим определять функцию и уровень предоставляемых ими услуг.

3. Конструктивно и функционально советская система была предназначена для осуществления перемен, и это обстоятельство проявилось в большей степени, чем в старых авторитарных системах. В советской системе средства массовой информации всегда отводились задачи «обличения» буржуазии, способствования «социалистическому строительству», «возвеличивания» рабочих, раскрытия «злонамеренных» козней капитализма и приближения окончательного краха капитализма, который приведет к бесклассовому обществу. С другой стороны, более старые авторитарные системы средств информации контролировались в первую очередь с целью сохранить статус-кво. Режим, находившийся у власти, стремился избежать критики и разоблачений, которые могли оказать негативное влияние на его положение. И хотя было бы верно утверждать, что советская система должна была поддерживать положение советской власти, это требование всегда ставилось в контексте изменений и развития.

4. Некоторые из отличий можно сформулировать в более общей форме. Достаточно просто сказать, что причины, по которым советская власть проводила авторитарную политику по отношению к средствам массовой информации, значительно отличались от причин, по которым к ней прибегали старые авторитарные государства. Действия советской власти основывались на экономическом детерминизме, а не на божественном праве. Советский авторитаризм строился на понятии классовой борьбы и стремился к установлению господства одного класса, а затем к созданию бесклассового общества. Старый авторитаризм, как мы уже говорили, основывался на строгой классовой системе, которая намеревалась себя сохранить с тем, чтобы низшие классы продолжали оказывать желаемые услуги правящему классу. Советская же система несет в себе зерно перемен. Она сконструирована так, чтобы в случае действительного отмирания государства массовая коммуникация могла бы продолжаться под руководством партии или ка-

кой-либо другой организации, представляющей единственный класс. В старых системах условия для изменения предусмотрены не были.

5. Наконец, очевидно, что советские средства массовой коммуникации интегрированы в тотальную коммуникационную систему и в тотальную государственную машину в той мере, в какой авторитарные системы никогда интегрированы не были. Советская система — плановая, а более старые системы — контролируемые. Советские средства массовой коммуникации хорошо вписываются и вливаются в партийные и вспомогательные организации, устную агитацию и систему контроля и надзора. Главная газета Украинской Советской Социалистической Республики сравнима, таким образом, с солдатом в строю советского государства, который получает приказы по установленной процедуре, марширует вместе с другими солдатами и приобретает колорит и характерность, свойственные всей этой армии. С другой стороны, в старой системе мало какие средства массовой информации объединялись с государственной машиной. Главная лондонская газета в семнадцатом веке имела бы свой особый индивидуальный характер, ограничиваемый только тем, что были темы, которые она не могла обсуждать. В каком-то смысле она была инструментом режима, но была интегрирована в деятельность этого режима совершенно не так, как украинская газета сегодня. Тип интеграции, о котором мы говорим сейчас, стал реальностью и был усовершенствован только в нашем веке, и, как ее добиться, продемонстрировали большевики и нацисты.

В этой связи следует вкратце обсудить нацистскую систему массовой коммуникации. Очень легко было бы объединить нацистскую и советскую системы под одной рубрикой с названием «тоталитарные», но это мало бы что объяснило. Если представить три основные системы, обсуждаемые в этой книге, то есть старую авторитарную, либертарианскую и советскую, как концы треугольника, то нацистская система будет где-то на той

стороне треугольника, которая лежит между старой авторитарной и советской теориями. В каких-то отношениях она больше похожа на первую, а в каких-то на вторую. Давайте сравним некоторые аспекты нацистского авторитаризма с советским.

1. Очевидно, что две эти системы были построены на разных философских основаниях. Советская система основывалась на идеях Маркса и Энгельса, «перевернутой» диалектике Гегеля и некоторой примеси более ранней российской мысли. Нацисты основывались на «неперевернутой» диалектике Гегеля, кантианской философии долга и национализме Фихте. Место материалистического детерминизма, принятого Советами, у нацистов занимал некий мистицизм, довольно туманное поклонение духу, наследию расы и «верная идея», которая любопытным образом контрастирует, но сравнима с убежденностью Советов в том, что они следуют «правильной линии», прослеживаемой непосредственно от Маркса. Однако следует обратить внимание на то, как часто, исходя из совершенно разных посылок, эти системы использовали одну и ту же тактику. Например, нацисты так же презрительно относились к «объективности», как и Советы. Хадамовски, заместитель Геббельса, говорил: «Беспристрастность» опасна для любого человека со слабым характером. «Объективная пресса» стоит за все национальное», но... не за тех, кто хочет сделать национализм реальностью, объединившись под тем или иным названием... Тип прессы, которая порождает такой тип людей (она зовет себя свободной, независимой, нейтральной, непартийной, надпартийной и объективной), должен измениться или исчезнуть с германской сцены. Существует только один объект, достойный великих усилий прессы, а именно, нация» (92). А о «Фолькише Беобахтер», официальной нацистской газете, он сказал: «В противоположность амбициям либеральных газет, которые думают, что мир вращается вокруг них, орган национал-социалистической пропаганды не пытается быть листком новостей и не старается быть

объективным, свободным и независимым» (92). Слова здесь другие, но дух тот же, что и у Советов.

2. Нацисты, по большей части, позволяли своим средствам массовой информации оставаться в частном владении. В этом отношении они больше напоминали старые авторитарные общества, чем советскую систему.

3. С другой стороны, нацистская система больше напоминала советскую в том, что она служила инструментом государства и была более тесно интегрирована в него. Как и советская система, она использовалась, чтобы осуществить изменения — привести нацистов к власти, перевоспитать и перевоссоздать немецкий народ и помочь нацистским армиям. Нацистская система неизбежно отличалась от советской из-за разницы в обстоятельствах ее появления и использования. Ведь большевики пришли к власти в результате быстрой и жестокой революции. Им пришлось бороться за власть, но они оказались в положении, когда смогли создать систему контроля и запланированную ими сеть коммуникации. Нацисты же приходили к власти постепенно и, по большей части, законным способом. Они унаследовали систему коммуникации, которая была более полно сформирована, чем советская. Тот факт, что в течение долгого времени им был затруднен доступ к средствам массовой информации, заставил их усовершенствовать технику массовых митингов. Подобно большевикам, они рано осознали необходимость партийной организации и создали боевую партию активистов. Но, по большей части, они пытались овладеть уже достаточно развитой системой и использовать ее как инструмент государства. Большевики, в свою очередь, были в состоянии построить такую систему и более полно интегрировать ее в государство.

4. Как и большевики, нацисты полагались на сочетание принуждения и убеждения. Нацистский лозунг был: «идеи, пропаганда и власть». Многие из используемых

ими приемов контроля были аналогичны тем, что применяли большевики, например, назначение членов партии на ключевые посты, разработка директив касательно политики средств информации, угрозы и слежка. Они обеспечили себе контроль над «артериями» коммуникации, например над телеграфным агентством и радиовещательными сетями. Пресса доставляла им больше неудобств, чем в случае Советов, вероятно потому, что нацисты никогда не брали прессу под контроль и потому, что немецкая традиция вольной и откровенной прессы была слишком сильна, чтобы заставить прессу замолчать только угрозами и слабыми формами принуждения. Хадамовски и Геббельс использовали окрик в отношении прессы. Подобно Советам, они утверждали, что «истинная свобода и объективность возможны только на службе великому делу». Однако они никогда не достигали того уровня тоталитаризма, который превратил бы всю прессу в инструмент нацистской партии и правительства.

5. Нацистское понятие «политики активного человека» любопытно контрастирует с «типом большевика», который мы рассмотрели на предыдущих страницах. Нацисты говорили, что возрождающаяся Германия требовала создания «политически активного человека», «сформированного по модели лидера (Гитлера) и отобранного по определенным принципам в расовом отношении». «Надо попытаться создать такой тип, используя все доступные средства для формирования общественного мнения» (92). Как и Советам, нацисты отмахивались от понятия свободного и независимого общественного мнения. Подобно Советам, они переписывали учебники истории и политики и, подобно Советам, надеялись на поколение молодежи в своих попытках создать желаемый «политический тип» человека. Интересно проследить, как эти две системы приходят к принципиально одинаковой идее, что инструмент массовой коммуникации должен формировать граждан, превращая в инструмент всю нацию.

6. Наконец, следует указать, что обе стороны демонстрировали титаническую волю, подобно Прометеевой. Партийные вожди в России взяли на себя пугающую ответственность вести двести миллионов людей по «правильному пути», не допуская ни отклонений, ни дискуссий и поставив на кон все ресурсы Союза, чтобы доказать справедливость своих убеждений. Нацисты тоже стремились создать новую нацию по образу «вождя». Они предложили новое объяснение истории и, фактически, поставили на карту все ресурсы Германии, уверенные в том, что их версия истории соответствует действительности. И в том и в другом случае титанические вожди никоим образом не колебались принести огромное количество людей в жертву на алтарь своих убеждений, хотя одни поклонялись иррациональному и смутному божееству Канта, Фихте, Гегеля и Гитлера, а другие поклонялись приземленному материалистическому, но в некоторых отношениях столь же иррациональному божееству Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина.

СОВЕТСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ И НАША СОБСТВЕННАЯ КОНЦЕПЦИЯ

Итак, что же нам следует сказать о том, как советская теория и система коммуникации соотносятся с нашими собственными? Точнее, следует спросить, что мы можем добавить, поскольку мы проводили сравнение на протяжении всего обсуждения, а наша система коммуникации была подробно объяснена ранее в этой книге. Как мы пытались показать, соответствующие понятия и системы столь отличны друг от друга, что людям, выросшим с ними, трудно найти точки соприкосновения, даже просто разговаривая о них. Философии, лежащие в основе этих двух систем, кардинально различны: марксистский материалистический детерминизм и классовая борьба у одних и рационалистическая философия естественных прав времен Просвещения у других. Концепция человека тоже совершенно различна: понимание человека как частицы масс, поддающейся обработке, самого по себе незначительного и нуждающегося в титани-

ческих лидерах у одних и представление о разумном, разбирающемся человеке, способном сделать свой собственный выбор «на свободном рынке идей» у других. Представления о государстве почти противоположны: выборная демократия, которая чем меньше управляет, тем лучше, у одних и самоназначенная диктатура, понимаемая как сторож, который должен охранять народ от неправильных и вводящих в заблуждение идей, у других. Принятие истины тоже соответственно различается: с одной стороны, истина «это — нечто, к чему приходят в споре, где каждая сторона предъявляет свои доказательства, а с другой — нечто полученное в результате отсеивания событий через готовое сито теории. Понятие контроля полностью различно: крайне жесткий абсолютный контроль, осуществляемый посредством собственности, членством в партии, директивами, цензурой, оценкой, критикой и принуждением у одних и процессом возвращения к истине через свободный выбор при абсолютном минимуме государственного контроля у других. У одних — упор на ответственность, а у других — на свободу. Различие в отправном понятии лучше всего иллюстрируется картиной этих двух систем, идущих вперед под знаменами «свободы», хотя под этим словом они понимают совсем разные вещи.

Но если бы нам надо было выбрать из этого списка различия и поместить их в конце этой книги, чтобы лучше запомнить, я думаю, нам нужно было бы выбрать следующие два.

Во-первых, нам следует напомнить себе, что, по существу, различия между советской традицией и нашей, это различия между Марксом и Миллем. Оба философа думали о том, как достичь величайшего блага для величайшего числа людей. Однако Маркс хотел улучшить человека, улучшая общество, и хотел использовать человека как мотор, который улучшит общество, которое улучшит человека. Милль, однако, хотел улучшить общество, сначала улучшив человека. Таким образом, через обе традиции параллельно проходят противоположные понятия. У Советов они имеют отношение к улуч-

шению общества, то есть права рабочего класса, бесклассовое общество и т.д. У нас они имеют отношение к улучшению доли, выпавшей человеку, то есть права человека, личная свобода и т.д.

Во-вторых, я думаю, нам надо вспомнить, что в Советском Союзе массовая коммуникация, по сути, является инструментом, на котором следует играть, чтобы, под управлением нескольких титанических вождей, добиться заранее намеченного результата. В нашей системе массовая коммуникация рассматривается скорее как услуга, а не как инструмент, и используется не для каких-то заранее задуманных целей, а как голос, выражающий социальные и общественные нужды, интересы, вкусы и идеи, как их видят и понимают владельцы и руководители средств информации для того, чтобы продать полезный продукт. Поэтому, на взгляд советских наблюдателей, наши средства информации безответственны и анархичны. Нам же советские средства массовой информации кажутся «услужливой содержанкой». Советы считают, что многообразие направлений, открытость, ничем не ограниченная критичность и борьба мнений в наших средствах массовой информации представляют собой слабое место в нашей национальной броне. Нам же они кажутся нашей самой сильной стороной. Следующие несколько десятилетий покажут, чья оценка точнее.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. АВТОРИТАРНАЯ ТЕОРИЯ

Современные авторы очень мало писали о теории авторитаризма. Идеи, лежащие в основе авторитарных и тоталитарных систем правления, изложены в работах таких философов, как Платон, Гоббс, Гегель, Трейчке, Макиавелли, а также Руссо, Карлейль и Трельч.

Работы Гитлера и Муссолини, а также их апологетов содержат много материала о теоретической основе и практических проявлениях авторитарных принципов. Многие из книг, перечисленных ниже, содержат библиографии.

1. Boswell, James, *Boswell's life of Johnson*. Edited by G. B. Hill, revised and edited by L. F. Powell; Oxford: Clarendon Press, 1934. Vol. 2.
2. Brown, Robert U., «IAPA Vows to Fight Political Oppression», *Editor & Publisher*, 88 (April 2, 1954) 12.
3. Catlin, George, *The Story of the Political Philosophers*. New York: Tudor Publishing Co., 1939.
4. Catlin, George, «Thomas Hobbes», in Edwin R. A. Seligman, editor, *Encyclopedia of the Social Sciences*. New York: Macmillan Co., 1935. Vol. 7.
5. Childs, Harwood L., and John Whitton, *Propaganda by Short Wave*. Princeton: Princeton University Press, 1942.
6. Ebenstein, William, *Man and the State*. New York: Rinehart and Co., 1947.

7. Fuller, B. A. G., *A History of Philosophy*. Revised edition; New York: Henry Holt and Co., 1945.

8. Harley, John E., *World-Wide Influences of the Cinema*. Los Angeles: University of Southern California Press, 1940.

9. Hitler, Adolph, *Mein Kampf*. Boston: Houghton Mifflin Co., 1937.

10. Hobbes, Thomas, *Leviathan*. New York: E. P. Dutton and Co., 1950.

11. Johnson, Samuel, *Lives of the English Poets*. Edited by G. B. Hill; Oxford: Clarendon Press, 1905. Vol. 1.

12. Kiefer, Alexander F., «Government Control of Publishing in Germany», *Political Science Quarterly*, 57 (March 1942) 73—97.

13. Krieg, Ugo, *La Legislazione Penale Sulla Stampi: Manuale Teorico-Practico*. Milano: A. Guiffre, 1942.

14. Lopez, Salvador P., *Freedom of Information*, 1953. Report submitted to United Nations Economic and Social Council. New York, 1953. (Its Official Records, 6th Session. Suppl. no. 2.) Doc. E/2426.

15. MacIver, Robert M., *The Web of Government*. New York: Macmillan Co., 1947.

16. Mussolini, Benito, *The Political and Social Doctrine of Fascism*. English translation; London: Hogarth Press, 1933. Quoted in William Ebenstein, *Man and the State*. New York: Rinehart and Co., 1947, pp. 303-04.

17. *New York Times*, July 5, 1954, p. 10, col. 2.

18. *New York Times*, Dec. 25, 1955, p. 4, col. 1.

19. *Political and Economic Planning, The British Film Industry*. London: P E P (Political and Economic Planning), 1952.

20. *Rex vs. Tutchin*, 14 State Trials (1704).

21. Shepard, W. J., «Government. History and Theory», in Seligman, editor, *Encyclopedia of the Social Sciences*. Vol. 7.

22. Siebert, Fredrick Seaton, *Freedom of the Press in England 1476—1776*. Urbana: University of Illinois Press, 1952.

23. Sington, Derrick, and Arthur Weidenfeld, *The Goebbels Experiment: A Study of the Nazi Propaganda Machine*. London: John Murray, 1943.

24. Stephen, Sir James Fitzjames, *History of the Criminal Law of Enland*. London: Macmillan Co., 1883. Vol. 2.
25. Stephen, Sir James Fitzjames, *Liberty, Equality, Fraternity*. New York: Henry Holt and Co., 802.
26. United Nations, *Yearbook on Human Rights for 1952*. New York: United Nations, 1954.
27. Williamson, George Ed, «IPI Vows Full Publicity Attack on Press Enemies», *Editor & Publisher*, 88 (May 21, 1955) 74.
28. Zimmern, Alfred, editor, *Modern Political Doctrines*. New York: Oxford University Press, 1939.

2. ЛИБЕРТАРИАНСКАЯ ТЕОРИЯ

29. Antieau, Chester, «'Clear and Present Danger' — Its Meaning and Significance», *Notre Dame Lawyer*, 25 (Summer 1950) 604—45.
30. Antieau, Chester, «The Rule of Clear and Present Danger; Scope of Its Applicability», *Michigan Law Review*, 48 (April 1950) 811—40.
31. Becker, Carl L., *Freedom and Responsibility in the American Way of Life*. New York: Alfred A. Knopf, 1945.
32. Becker, Carl L., *New Liberties for Old*. New Haven: Yale University Press, 1941.
33. Becker, Carl L., *Progress and Power*. New York: Alfred A. Knopf, 1949.
34. Blackstone, Sir William, *Commentaries on the Law of England*. Chicago: Callaghan, 1899. Vol. 2, New York: Sc. 152.
35. Brucker, Herbert, *Freedom of Information*. New York: Macmillan Co., 1949.
36. *Burstyn vs. Wilson*, 72 S. Ct. 777 (1952).
37. Cassirer, Ernst, «Enlightenment», in Edwin R. A. Seligman, editor, *Encyclopedia of the Social Sciences*. New York: Macmillan Co., 1935. Vol. 5.
38. «Censorship of Motion Pictures», *Yale Law Journal*, 49 (November 1939) 87—113.
39. Chafee, Zechariah, Jr., *Freedom of Speech in the United States*. Cambridge: Harvard University Press, 1941.
40. Chafee, Zechariah, Jr., *Government and Mass Com-*

munications. Chicago: University of Chicago Press, 1947. 2 vols.

41. Chenery, William L., *Freedom of the Press*. New York: Harcourt, Brace and Co., 1955.
42. Cross, Harold L., *The People's Right to Know*. New York: Columbia University Press, 1953.
43. Editorial, «El Tiempo», *Editor & Publisher*, 88 (Aug. 13, 1955) 36.
44. Gerald, J. Edward, *The Press and the Constitution 93—947*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1948.
45. Gildersleeve, Virginia Crocheron, *Government Regulation of Elizabethan Drama*. New York: Columbia University Press, 1908.
46. Howell, Thomas H., compiler, *A Complete Collection of State Trials*. London: 1704. Vol. 22. (Erskine's defense of Paine for publishing *The Rights of Man*.)
47. Inglis, Ruth, *Freedom of the Movies*. Chicago: University of Chicago Press, 1947.
48. Jefferson, Thomas, *The Writings of Thomas Jefferson*. Edited by Andrew A. Lipscomb; Memorial edition; Washington, D.C.: Thomas Jefferson Memorial Association, 1904. Vol. 11.
49. Laski, Harold J., *The Rise of European Liberalism*. London: G. Allen and Unwin Ltd., 1936.
50. Lopez, Salvador P., *Freedom of Information*, 953. Report submitted to United Nations Economic and Social Council. New York, 1953. (Its Official Records, 16th Session. Suppl. no. 12.) Doc. E/2426.
51. Meiklejohn, Alexander, *Free Speech and Its Relation to Self-Government*. New York: Harper and Brothers, 1948.
52. Mill, John Stuart, *On Liberty*. Edited by Alburey Castell; New York: F. S. Crofts and Co., 1947.
53. Milton, John, *Areopagetica*. Edited by George H. Sabine; New York: Appleton-Century-Crofts, 1951.
54. Mock, James R., *Censorship*, 1917. Princeton: Princeton University Press, 1941.
55. Mott, Frank L., *Jefferson and the Press*. Baton Rouge: Louisiana State University Press, 1943.
56. National Association of Broadcasters, *Broadcasting*

and the Bill of Rights. Statements Prepared by Representatives of the Broadcasting Industry on the WHITE BILL (S. 1333) to Amend the Communications Act of 1934. Washington, D.C., 1947.

57. Schenck vs. United States, 249 U.S. 47 (1919).

58. Siebert, Fredrick Seaton, Freedom of the Press in England 1476—1776. Urbana: University of Illinois Press, 1952.

59. United Nations Conference on Freedom of Information, Geneva, 1948 — Delegates from the United States, Report of the United States Delegates with Related Documents. Washington, D.C.: Government Printing Office, 1948.

60. U.S. — Federal Communications Commission, Public Service Responsibility of Broadcast Licensees. (Blue Book) Washington, D.C., 1946.

61. Waples, Douglas, editor, Print, Radio and Film in a Democracy. Chicago: University of Chicago Press, 1942.

62. White, Llewellyn, The American Radio. Chicago: University of Chicago Press, 1947.

63. Willey, Malcolm M., and Ralph D. Cascy, editors, «The Press in the Contemporary Scene», Annals of the American Academy of Political and Social Science, 219 (January 1942).

64. Yeager, W. Hayes, and William Utterback, editors, «Communication and Social Action», Annals of the American Academy of Political and Social Science, 250 (March 1947).

3. ТЕОРИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Лучшими источниками по теории социальной ответственности в том виде, в котором она была разработана Комиссией по проблемам свободы печати, являются доклады, изданные с помощью Комиссии (65, 66, 69, 70, 81). Самая важная из этих работ «Свободная и ответственная пресса». Книга Хокинга представляет собой прекрасное руководство, поскольку в ней рассматриваются многие из принципов, на которых основывается совместная работа членов Комиссии. Две эти книги достаточно полно выражают идеи Комиссии, но два тома Чафи тоже заслуживают особого внимания. Ни одна

книга не сводит воедино теорию социальной ответственности в том виде, в каком она вырабатывается самой прессой. Тем не менее такие периодические издания, как «Ниман Рипортс» и «Куилл», регулярно печатают статьи, в которых журналисты обсуждают свои обязанности перед общественностью.

65. Chafee, Zechariah, Jr., *Government and Mass Communications*. Chicago: University of Chicago Press, 1947. 2 vols.

66. Commission on Freedom of the Press, *A Free and Responsible Press*. Chicago: University of Chicago Press, 1947.

67. Davis, Elmer, *But We Were Born Free*. Indianapolis: Bobbs-Merill Co., 1954.

68. General Council of the Press, *The Press and the People*. London: General Council of the Press, 1954.

69. Hocking, William Ernest, *Freedom of the Press: A Framework of Principle*. Chicago: University of Chicago Press, 1947.

70. Inglis, Ruth, *Freedom of the Movies*. Chicago: University of Chicago Press, 1947.

71. Irvin, Will, «The American Newspaper», a series of fifteen articles in *Collier's* between Jan. 21, 1911, and July 29, 1911.

72. Isaacs, Norman, «A Small Town Paper Has One Supreme Ethical Duty — To Print the News», *Quill*, 41 (December 1953) 7-8, 15-16.

73. Jensen, Jay W., «Toward a Solution of the Problem of Freedom of the Press», *Journalism Quarterly*, 27 (Fall 1950) 399—408.

74. National Association of Radio and Television Broadcasters, *The Television Code*. Washington, D.C.: National Association of Radio and Television Broadcasters, 1954.

75. Pulitzer, Joseph, «The College of Journalism», *North American Review*, 178 (May 1904) 641—80.

76. Royal Commission on the Press, 1947—49, Report. London: His Majesty's Stationery Office, 1949.

77. St. Louis Post-Dispatch Symposium on Freedom of the Press. St. Louis: The Post-Dispatch, 1938.

78. Schramm, Wilbur, editor, *Mass Communications*. Urbana: University of Illinois Press, 1949. «Canons of Journalism», «The Broadcaster's Creed», «The Movies Production Code», 236—56.

79. Svirsky, Leon, editor, *Your Newspaper: Blueprint for a Better Press*. New York: Macmillan Co., 1947.

80. U.S. — Federal Communications Commission, *Fifteenth Annual Report*. Washington, D.C., 1949.

81. White, Llewellyn, *The American Radio*. Chicago: University of Chicago Press, 1947.

82. Whitehead, Alfred North, *Science and the Modern World*. New York: New American Library, 1948.

4. СОВЕТСКАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

В то время как работы Маркса, Ленина и Сталина являются основными текстами для освещения истории вопроса, необходимо указать две современные книги, у которых авторы этой работы в долгу и без которых писание советской концепции печати было бы гораздо более трудным делом. Одна из них — книга Андрея Вышинского «Законы советского государства», объясняющая советскую точку зрения. Вторая книга — «Общественное мнение в Советской России» Алекса Инкелза, где дается самое полное и глубокое рассмотрение советских средств массовой информации из всех работ, существующих на данный момент. Заслуживающая внимания работа «Как функционирует советская система» Раймонда А. Бауэра, Алекса Инкелза и Клайда У. Клакхона (Cambridge: Harvard University Press, 1956) и работа «Советский подход к международной политической коммуникации» Пола Кешкемети (POQ, Spring, 1956), демонстрирующая глубокое проникновение в данную проблему, появились слишком поздно, чтобы их можно было цитировать или воспользоваться ими в этой книге. Работы, использованные в данной работе и во многих случаях представленные ссылками на них, следующие:

83. Barghoorn, Frederick C., *The Soviet Image of the United States*. New York: Harcourt, Brace and Co., 1950.

84. Bauer, Raymond A., *The New Man in Soviet Psychology*. Cambridge: Harvard University Press, 1952.
85. Brinton, Crane, *The Shaping of the Modern Mind*. New York: New American Library, 1953.
86. *Constitution of the Union of Soviet Socialist Republics*. Moscow: Foreign Language Publishing House, 1947.
87. Crossman, Richard, editor, *The God That Failed*. New York: Bantam Books, 1952.
88. Domenach, Jean-Marie, «Leninist Propaganda», *Public Opinion Quarterly*, 15 (Summer 1951) 265—73.
89. Engels, Friedrich, *Writings*. New York, 1915—21.
90. Fainsod, Merle, *How Russia Is Ruled*. Cambridge: Harvard University Press, 1953.
91. Farago, Ladislav, «Soviet Propaganda», *United Nations World* (September 1948) 18—24.
92. Hadamovsky, Eugen, *Propaganda und National Macht*. Oldenburg, 1933.
93. *History of the Communist Party of the Soviet Union (Bolsheviks). Short Course*. New York: International Publishers, 1939.
94. Hook, Sidney, *International Communism*. Montgomery, Ala.: U.S. Air Force, 1952.
95. Inkeles, Alex, *Public Opinion in Soviet Russia*, Cambridge: Harvard University Press, 1950.
96. Kecskemeti, Paul, «Totalitarian Communication as a Means of Control», *Public Opinion Quarterly*, 14. (Summer 1950) 224—34.
97. Kelsen, Hans, *The Political Theory of Bolshevism*. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1949.
98. Kennan, George F., *American Diplomacy 1900—1950*. New York: New American Library, 1952. (Includes the well known paper by «X» from Foreign Affairs.)
99. Lasswell, Harold D., «The Strategy of Soviet Propaganda», *Proceedings of the Academy of Political Science*, 24, 214—226.
100. Leites, Nathan, *A Study of Bolshevism*. Glencoe, Ill.: The Free Press, 1953.
101. Leites, Nathan, *The Operational Code of the Politburo*. New York: McGraw-Hill, 1951.

102. Lenin, Vladimir Ilyich, *Collected Works*. New York: International Publishers, 1927.
103. Marx, Karl, *Capital*. Chicago: Kerr, 1909.
104. Mead, Margaret, *Soviet Attitudes Toward Authority*. New York: McGraw-Hill, 1951.
105. Muller, Herbert, *The Uses of the Past*. New York: Oxford University Press, 1952.
106. Nemzer, Louis, *The Kremlin's Professional Staff*, *American Political Science Review*, 44 (1950) 64—85.
107. Peters, J., *The Communist Party — A Manual on Organization*. New York: Workers Library, 1935.
108. Plekhanov, G. B., *Sochineniya (Works)*. Moscow: Gosudarstvennoe Izdatel'stvo, 1927.
109. Rostow, W. W., *The Dynamics of Soviet Society*. Cambridge, Mass.: Technology Press, 1952.
110. Schramm, Wilbur, *The Soviet Concept of «Psychological» Warfare*. Washington, D.C.: USIA, 1955.
111. Schramm, Wilbur, and John W. Riley, Jr., «Communication in the Sovietized State as Represented in Korea», *American Sociological Review*, 16 (1951) 757—66).
112. Selznick, Philip, *The Organizational Weapon: A Study of Bolshevik Strategy and Tactics*. New York: McGraw-Hill, 1952.
113. Stalin, Joseph, *Problems of Leninism*. Moscow: Foreign Language Publishing House, 1940.
114. Stalin, Joseph, *Sochineniya (Works)*. Moscow: State Publishing House, 1946—52.
115. Trotsky, Leon, *History of the Russian Revolution*. New York: Simon and Schuster, 1932.
116. Vyshinsky, Andrei, *The Law of the Soviet State*. New York: Macmillan Co., 1948.

ЧЕТЫРЕ ТЕОРИИ ПРЕССЫ

Выпускающий *Я.Н. Засурский*
Художественный редактор *Т.Н. Костерина*
Технолог *М.С. Белоусова*
Оператор компьютерной верстки *А.В. Волков*
Зав. корректорской *А.Ю. Минаева*
Зам. зав. корректорской *Н.Ш. Таласбаева*
Корректоры *В.А. Жечков, С.Ф. Лисовский*

Издательская лицензия № 101053 от 4 апреля 1997 года.
Подписано в печать 12.11.97. Формат 84 × 108/32.
Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Объем 7 печ. л. Тираж 6 000 экз.
Изд. № 551. Заказ № 585.

Издательство «ВАГРИУС»
103064, Москва, ул. Казакова, 18
Интернет/Home page — <http://www.vagrius.com>
Электронная почта (E-Mail) — vagrius@mail.sitek.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в Государственном ордена Октябрьской Революции,
ордена Трудового Красного Знамени
Московском предприятии
«Первая Образцовая типография»
Государственного комитета Российской Федерации по печати.
113054, Москва, Валовая, 28.

Мелкооптовая и розничная торговля:
Книжная лавка «У Сытина»: (095) 230-89-00, 230-88-63
тел./факс: 237-36-11
Для заказов книг по почте:
111116, Москва, а/я 10, «Клуб читателей»

В Санкт-Петербурге и Северо-Западном регионе России:
ТОО «Невская книга»: (812) 567-47-55, 567-53-30